

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinikh@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович – заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aur@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru;

Вельц Франк – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** – доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru;

Водопьянов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by;

Желтов Виктор Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Iham_mamedzade@mail.ru;

Кеничи Охаша, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru;

Тай-Лок Луи – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • Том 25 • 2019 •

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Троцук И.В., Гребнева В.Е.* Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья..... 7
- Вершинина И.А.* Концепция мегалополиса Жана Готтмана..... 36
- Кочетков В.В.* Международные отношения в интерпретации теорий исторической социологии..... 49

Социология коммуникаций и киберпространства

- Смирнов В.А.* Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети vkontakte)..... 71
- Сурхайханов М.М.* Уничтожение репутации лидера в киберпространстве: влияние имиджевых ошибок и внешних атак..... 94

Социология семьи

- Карпова В.М.* Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей..... 117
- Гуляева Л.В., Семенов М.Ю.* Роль социального статуса семьи в формировании конкурентоориентированности и конкурентоспособности старшеклассников (на примере Тюменской области)..... 140

Экономическая социология, управление и менеджмент

Васильев В.П. Социоэкономические координаты устойчивого развития..... 156

Социология религии

Трофимов С.В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии..... 173

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 25 • 2019 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

- Trotsuk I.V., Grebneva V.Ye.* Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness. 7
- Vershinina I.A.* Jan Gottman's concept of megalopolis 36
- Kochetkov V.V.* International relations in the interpretation of theories of Historical sociology. 49

Sociology of communications and cyberspace

- Smirnov V.A.* Online community of Russian volunteers (on the example of social network vkontakte) 71
- Surkhaikhanov M.M.* The destruction of a reputation as a leader in cyberspace: the impact of image errors and external attacks 94

Family sociology

- Karpova V.M.* Features of the intergenerational transmission of family values 117
- Gulyayeva L.V., Semenov M.Y.* The family social status role in formation of competitive orientation and competitiveness of high school students. 140

Economic sociology, administration and management

Vasiliev V.P. Socioeconomic coordinates of sustainable development 156

Sociology of religion

Trophimov S.V. Emil Durkheim on the role of religion in public life. Substantiation of the choice of elementary religion. 173

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-7-35

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ СЧАСТЬЯ*

И.В. Троцук, проф. кафедры социологии Российского университета дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198**

В.Е. Гребнева, тьютор по работе с аспирантами Российского университета дружбы народов (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198***

В последние годы вопрос о том, что такое счастье, причем в прикладном смысле его обретения, стал феноменально популярен. Начало данной тенденции было положено значительно раньше — можно сослаться на 1970-е гг., когда были проведены первые эмпирические исследования, призванные показать, насколько ощущение и самооценка человеком себя как счастливого/несчастливого связаны с поиском удовольствий (с гедонизмом как образом жизни)¹. За прошедшие десятилетия счастье стало полноправным объектом концептуальных и методических изысканий практически всех дисциплин социально-гуманитарного и даже естественнонаучного знания, оценка возможностей его определения и обретения вышла далеко за пределы художественной литературы, для которой поиски человеком своего места в жизни и счастья всегда были важнейшим основанием самопозиционирования. В результате сегодня каждое дисциплинарное направление должно хотя бы пунктирно и с заходом на сопредельные научные территории обозначить контуры собственного предметного поля в исследовании счастья. Цель статьи — систематизировать методические подходы к социологическому анализу счастья, обозначив их познавательные возможности и ограничения. Авторы показывают, что в распоряжении социологов находится огромный массив литературы, предлагающий множество концептуальных и операциональных дефиниций счастья, а также методических решений для оценки

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект №18-011-00993 “Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации”.

** **Троцук Ирина Владимировна**, e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

*** **Гребнева Валерия Евгеньевна**, e-mail: v.grebneva@inbox.ru

¹ См., например: *Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. N 4.*

уровня счастья и факторов, его детерминирующих. Представленный в статье обзор не претендует на полноту и законченность, а лишь систематизирует накопленные на сегодняшний момент разработки и указывает два многообещающих условных направления дальнейших социологических поисков — “объективистский” эконометрический подход (индексы счастья на основе социально-экономических показателей) и “субъективистский” социально-психологический подход (самооценки в терминах счастья, выявляемые в ходе опросов общественного мнения).

Ключевые слова: счастье, измерение, социально-экономические показатели, индексы, опросы общественного мнения, самооценки, социально-психологический подход.

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE KEY METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF HAPPINESS

Trotsuk Irina V., Doctor of Sociology, Professor of Sociology Department, RUDN University, Miklukho-Maklaya Str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198, e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Grebneva Valeriya Ye., PhD in Sociology, Postgraduate students tutor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Miklukho-Maklaya Str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198, e-mail: v.grebneva@inbox.ru

In recent years, the issue of happiness, including the practical searches for it, has become phenomenally popular. However, this trend was set many decades ago, already in the 1970s, when the first empirical studies were conducted to reveal that the personal feeling and self-identification as happy/unhappy are related to the pursuit of pleasure (i.e. to hedonism as a lifestyle). Over the past decades, happiness has become a legitimate object of conceptual and methodological research within almost all humanities, social and even natural sciences due to the fact that searches for the definition and acquisition of happiness went far beyond the limits of fiction that has always been involved in providing people with answers to questions on what happiness is and how to find one's place in life. As a result, today every scientific discipline should outline the contours of its own interpretation of happiness albeit not a single one, not an unambiguous one and not without intersections with other disciplines' approaches. The article aims at systematizing methodological approaches to the sociological analysis of happiness and identification of their possibilities and limitations. The authors show that sociologists can use a huge variety of works with different conceptual and operational definitions of happiness, and many methods to assess the level of happiness and the factors determining it. The presented review is not complete or final, it only systematizes the developments in the study of happiness and identifies two promising directions for further sociological searches — the “objectivist” econometric approach (happiness indexes based on social-economic indicators) and the “subjectivist” social-psychological approach (self-assessments of happiness in public opinion polls).

Key words: happiness, measurement, socio-economic indicators, indexes, public opinion polls, self-assessments, social-psychological approach.

Погоня за счастьем в условиях “эпидемии несчастья”

Повсеместная озабоченность поисками счастья как некоего желаемого конечного состояния обрела сегодня две основные формы: во-первых, это практико-ориентированные публикации научно-популярного или психолого-мотивационного характера, авторы которых дают читателям множество рекомендаций, как обрести личное счастье, акцентируя внимание на тех особенностях “неправильной” организации и/или интерпретации собственной жизни, которые мешают человеку стать счастливым. К подобному “обучению” подключились и известнейшие мировые университеты. Например, самым популярным курсом в истории Йельского университета стал курс “Психология и хорошая жизнь” (Psychology and Good Life), основанный на концепции “позитивной психологии”, т.е. на признании необходимости менять свои поведенческие паттерны, чтобы преодолеть нынешнюю “эпидемию несчастья” и избавиться от ощущения психологической неустроенности². Одним из условий записи на курс является участие в опросе “Реальный способ измерить счастье” (Authentic Happiness Inventory), инструментарий которого был разработан в Пенсильванском университете (зарегистрировавшись на сайте, любой человек может пройти как этот опрос, так и другие оценочные тесты для определения степени своей “счастливости”³).

Во-вторых, сегодня накоплен огромный массив результатов разнообразных количественных исследований (данные массовых опросов или “big data”, собранные посредством специальных алгоритмов в реальной или виртуальной среде), авторы и/или интерпретаторы которых характеризуют определенные интересующие их группы по критерию их “счастливости”. Таковая может определяться по-разному, но, как правило, речь идет о некоторой удовлетворенности — как частным событием пребывания в конкретном большом магазине, так и жизнью в собственной стране. Здесь следует развести маркетинговые технологии (например, американская компания “Walmart”, управляющая крупнейшей в США сетью магазинов, ввела

² Sternbergh A. Read this story and get happier. The most popular course at Yale teaches how to be happy. We took it for you. URL: <https://www.thecut.com/2018/05/how-to-be-happy.html> (accessed: 15.01.2019).

³ Authentic Happiness: Questionnaire Center. URL: <https://www.authentichappiness.sas.upenn.edu/testcenter> (accessed: 15.01.2019).

систему распознавания лиц для мониторинга настроения своих клиентов⁴; ученые Массачусетского технологического института разработали систему для измерения счастья с помощью умных часов и смартфонов со специальным приложением и т.д.⁵) и социологические исследования, оценивающие обычно удовлетворенность разными аспектами жизни, хотя социологи все чаще прямо спрашивают респондентов о счастье, и эти ответы становятся основанием для сравнения групп (поколенческих, поселенческих и пр.) одного общества или для ранжирования разных стран по критерию счастья. Например, с 2012 г. Организация Объединенных Наций публикует ежегодный рейтинг стран по уровню счастья — “World Happiness Report”, который является частью международной программы “Сеть решений для устойчивого развития”(UN Sustainable Development Solutions Network)⁶; с 2006 г. британский исследовательский центр “New Economic Foundation” раз в несколько лет (последний отчет был опубликован в 2016 г.) измеряет уровень счастья в странах мира, используя комбинированный показатель — Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index)⁷ и т.д.

Проблема видится нам не столько в определенной абсурдности попыток сопоставить многомиллионные общности по уровню счастья (а рейтинги стран мира именно это предполагают, например, по данным за 2015–2017 гг. россияне оказались намного несчастнее финнов — Россия в рейтинге стоит на 59-м месте, а Финляндия — на 1-м⁸), сколько в том, что подобные опросы демонстрируют неожиданные (например, уровень счастья в США и Объединенных Арабских эмиратах примерно одинаков) и даже противоречивые результаты, если сопоставить международные рейтинги и национальные опросы. Яркий пример такого противоречия: в последнем международном рейтинге счастья ООН Украина оказалась в последней двадцатке стран, тогда как по данным Киевского международного института социологии счастливыми или скорее счастливыми себя чувствуют 63% жителей Украины (еще 16% — отчасти счастливыми,

⁴ Prigg M. Walmart developing smart camera that can spot unhappy and frustrated shoppers and alert staff. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4715500/Walmart-developing-smart-camera-spot-unhappy-shoppers.html> (accessed: 24.12.2018).

⁵ Happimeter. URL: <https://www.happimeter.org> (accessed: 12.01.2019).

⁶ World Happiness Report 2018. URL: <https://worldhappiness.report> (accessed: 13.12.2018).

⁷ The Happy Planet Index measures what matters: sustainable wellbeing for all. It tells us how well nations are doing at achieving long, happy, sustainable lives. URL: <https://happyplanetindex.org> (accessed: 13.12.2018).

⁸ World Happiness Report 2018 / Ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. N.Y., 2018. P. 22. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2018> (accessed: 13.12.2018).

отчасти нет) и только 17% — несчастными или скорее несчастными, и по сравнению с 2017 г. доля счастливых увеличилась на 10%⁹). Пример Украины показателен по причине очень низкой позиции страны в рейтинге, но схожие расхождения международных и национальных “замеров” уровня счастья характерны и для России: в международном рейтинге страна занимает 59-ю позицию, серьезно отставая от лидеров (Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии, Швейцарии, Нидерландов, Канады, Новой Зеландии, Швеции и Австралии), а российские опросы показывают, что 83% россиян считают себя в целом счастливыми людьми (среди 18–24-летних — 87%)¹⁰, невзирая на то, что их реальные доходы радикально отличаются от тех, что якобы нужны для счастья (159 тысяч рублей в месяц¹¹).

Социологии необходимо четко обозначить собственное предметное поле в изучении счастья, что требует серьезной аналитической работы по двум направлениям: во-первых, необходимо уточнить концептуальное определение счастья, т.е. социологически релевантное содержательное наполнение данного понятия и систему его эмпирических индикаторов; во-вторых, следует уточнить операциональное определение счастья, т.е. систематизировать методики его измерения, оценив их возможности и междисциплинарные заимствования. Будучи ограничены размерами статьи и учитывая масштабность каждой задачи, мы предложим способ поиска ответов лишь на вторую из них, сделав по поводу первой лишь небольшое уточнение.

На протяжении всей своей истории человечество занимается поисками ответа на вопрос “Что такое счастье и как его обрести?”. В оформившихся трактовках счастья можно выделить несколько подходов, истоки которых обнаруживаются в работах Аристотеля, утверждавшего, что “одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость, а иным все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или без участия удовольствия, есть и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние”¹². Античная философия заложила основания продолжающихся и сегодня споров о том, что важнее для

⁹ Сахно Ю. Самооцінка відчуття щастя, травень 2018 року. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=775&page=1> (дата обращения: 13.12.2018)

¹⁰ Названы причины достижения россиянами рекордного уровня счастья. URL: https://lenta.ru/news/2018/05/03/supersuper/?utm_source=lenta&utm_medium=social (дата обращения: 15.11.2018).

¹¹ Россияне назвали цену счастья. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/23/mon-eumoney> (дата обращения: 15.11.2018).

¹² Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 66.

счастья — удачная судьба или внутреннее состояние, материальные богатства или духовность, гедонистические радости (сиюминутные чувственные наслаждения, удовлетворение своих желаний и потребностей) или обладание добродетелью (морально-правильная и социально-значимая жизнь)¹³. Несмотря на отсутствие однозначных “индикаторов” счастья, следует признать, что современное общество склоняется к его субъективистской трактовке: считается, что счастлив не тот, кто обладает общезначимыми материальными благами, а тот, кто удовлетворен своей жизнью независимо от наличия внешних атрибутов успешного человека (объективных признаков жизненного успеха).

Обыденные и стереотипные трактовки счастья составляют один условный полюс дискуссий о предназначении человека, другой полюс формируют научные разработки данного понятия в разных дисциплинарных областях. Здесь также отсутствуют единые и общепринятые определения счастья, но можно выделить несколько акцентов. Например, для философского дискурса характерна аксиологическая трактовка счастья — как “термина, указывающего высшее руководительное начало, или идеала, смотря на который мы прилагаем к данному объекту данный порядок мышления”¹⁴; а для психологического дискурса — сложное сочетание разных интерпретаций счастья с подчеркиванием позитивного эмоционального состояния человека вследствие удовлетворенности и осмысленности жизни, целостного восприятия времени и положительного восприятия себя и окружающего мира, а также того, что “большинство людей отдает себе полный отчет в том, что такое счастье”¹⁵.

Кроме того, во всех трактовках счастья прослеживается стремление развести два вида факторов, его определяющих, — объективные, внешние его детерминанты (наличие семьи и близких людей, уровень дохода, состояние здоровья, профессиональная деятельность, уровень образования, свободное время и досуговые практики, возраст, пол, религиозная принадлежность, количество и интенсивность социальных связей и др.) и субъективные, внутренние (психотип, самооценка, частота и сила положительных эмоций, идентификационные паттерны, восприятие объективных детерминант счастья). Несколько десятилетий назад считалось, что измерение объективных факторов счастья (хотя использовалась иная терминология — “качество жизни”, “уровень жизни”) — это

¹³ См., например: *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М., 1981. С. 80.

¹⁴ *Розанов В.В.* Цель человеческой жизни. М., 1994. С. 25.

¹⁵ *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003. С. 9.

задача экономических и демографических исследований, применяющих метрические шкалы и математические методы анализа, а оценка субъективных параметров человеческого благополучия — задача социологических исследований (опросов общественного мнения, основанных преимущественно на номинальном и количественном уровнях измерения). Однако сегодня международные проекты, ориентированные на сопоставительную оценку уровня счастья в разных странах и их последующее ранжирование по данному показателю, как правило, сочетают элементы обоих подходов. Определенную роль в этом синтезе сыграла позитивная психология¹⁶ и популяризация понятия “качество жизни”: оно стало считаться более важным, чем бесстрастные показатели экономического процветания, вследствие нарастания тенденций индивидуализации и разработки новых методов измерения субъективного благополучия/удовлетворенности жизнью как синонима счастья, измеряемого через когнитивные и аффективные показатели.

Таким образом, сегодня счастье выступает как “зонтичное понятие”, объединяющее в себе разнообразные критерии оценки множества аспектов социальной реальности представителями разных дисциплинарных областей, которые выступают в двух ипостасях: и как “члены” жизненного мира повседневности (в шютцевском смысле), стремящиеся прожить счастливую жизнь в обществе, которое им такую возможность должно обеспечить; и как “члены” иных жизненных миров (научного, политико-управленческого и пр.), призванные разрабатывать концептуальные и операциональные определения столь многомерного и сложного феномена, как счастье, чтобы выносить компетентные суждения о его нынешнем состоянии и перспективах в фундаментальных и прикладных целях. Попробуем обозначить, какими методическими ресурсами для этого располагает эмпирическая социология, сочетающая эконометрический и социально-психологический подходы к изучению счастья.

“Объективистский” эконометрический подход

В экономической науке не так давно появилось направление, получившее название “экономика счастья”, в котором наряду с объективными показателями благополучия и условиями жизнедеятельности людей (ВВП на душу населения, уровень бедности, уровень безработицы, уровень образования, жилищные условия

¹⁶ См., например: Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.

и т.д.) “измеряются” и субъективные показатели счастья (удовлетворенность жизнью, уровень одиночества, физическое и психическое здоровье, уровень стресса, свобода и т.д.), причем обе группы показателей имеют сложные взаимосвязи, поэтому могут противоречить друг другу¹⁷. В качестве примера вспомним парадокс Р. Истерлина, согласно которому рост доходов не всегда приводит к росту субъективного благополучия¹⁸. Традиция учета не только объективных показателей сложилась в экономической науке достаточно давно, хотя не стала доминирующей: разработчики количественной оценки дохода пытались объяснить, что их конечный интерес — полнота человеческой жизни; уже У. Петти, один из новаторов в оценке национального дохода в XVII в., интересовался, действительно ли подданные короля находятся “в столь плачевном положении, как хотелось бы недовольным людям”, и называл среди факторов благосостояния “общую безопасность” и “счастье”¹⁹. Тем не менее, подобная детерминация в экономическом анализе часто игнорировалась, поскольку его задача — количественная оценка средств к существованию, а не понимание целей их использования (скажем, помогают ли они людям достичь хорошей и достойной жизни).

Другой особенностью экономической дисциплины считаются непростые отношения этой “мрачной науки” со взглядами на счастье: “...экономистов нередко считают ужасными занудами, которые стремятся растворить естественную веселость человека и его дружелюбие в каком-то настое из формул... Конечно, нет сомнений в том, что предмет экономики весьма серьезен, а временами и мрачен, поэтому трудно порой сохранить свою природную жизнерадостность, когда изучаешь, скажем, голод или бедность, когда пытаешься разобраться в причинах и следствиях катастрофической безработицы или ужасного обнищания. Но так и должно быть: жизнерадостность сама по себе не особенно помогает при анализе той же безработицы, бедности или голода”²⁰. А. Сен сомневается, что концепция счастья подходит для оценки благополучия или успешности человека, потому что мы можем заблуждаться, недооценивая или переоценивая

¹⁷ Намлинская О.О. “Экономика счастья”: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // Региональные проблемы преобразований экономики. 2014. № 4.

¹⁸ Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations Are Households in Economic Growth / Ed. by P.A. David, M.W. Reder. N.Y., 1974.

¹⁹ Сен А. Идея справедливости / Науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016. С. 296.

²⁰ Там же. С. 348.

важность счастья для благополучия, или не замечать ограниченность трактовки счастья как главного или единственного критерия социальной справедливости (так ошиблась экономика благосостояния, опираясь на утилитаристский подход, разработанный И. Бентамом и развитый Д.С. Миллем, Ф. Эджуортом, Г. Сиджвиком и др.).

По мнению Сена, методологические проблемы утилитаризма не были решены в 1940–1950-е гг. его упрощенной версией, продолжавшей опираться на полезность или счастье, — “новой экономикой благосостояния”, или “велферизмом”: “Одно из главных его ограничений состоит в том, что одна и та же подборка индивидуальных благ может совмещаться с совершенно разными общими социальными картинками, с разными социальными устройствами, возможностями, свободами — как политическими, так и личными. Велферизм требует, чтобы непосредственное внимание в оценках уделялось не тому или иному из этих разных качеств... а лишь полезности или счастью, с ними связанному. Однако один и тот же набор показателей полезности может в одном случае совмещаться с серьезными нарушениями основных свобод человека, а в другом — нет... Есть нечто крайне странное в этом желании не придавать никакого внутреннего значения ничему, кроме полезности или счастья, когда проводится оценка разных альтернативных состояний или политических программ”²¹. Множество эмпирических данных говорит о том, что когда люди богатеют, получая намного больший реальный доход, чем прежде, то не чувствуют себя намного счастливее: “В основе нашей жизни лежит парадокс. Большинство людей хотят иметь более высокий доход и борются за это. Но по мере того как западные общества становятся богаче, люди в них не становятся счастливее”²². Взаимоотношения между доходом и счастьем намного сложнее, чем предполагали утилитаристы, и это убедительно показал Р. Истерлин в анализе расхождений между доходом и счастьем, а также изучая способы увеличения уровня счастья посредством не только роста доходов, но и других средств²³.

Тем не менее, в изучении счастья социологам следует опираться на результаты многочисленных попыток экономической науки измерить уровень счастья посредством различных индексов. В социально-экономических исследованиях счастье обычно рассматривается

²¹ Сен А. Указ. соч. С. 362–363.

²² Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М., 2012. С. 15.

²³ Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27; *Idem*. Income and happiness: towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III.

как совокупность показателей — уровень удовлетворенности жизнью (life satisfaction), развитие государства, уровень благосостояния и “уровень благополучия” (well-being)²⁴. Так, “Индекс лучшей жизни” (Better Life Index) был разработан Международной организацией экономического сотрудничества и развития для оценки уровня благосостояния и позволяет охарактеризовать ситуацию в разных странах в соответствии с той важностью, которую респондент приписывает каждому из 11 аспектов своей жизни²⁵: жилищные условия, доход, работа, состояние общества, образование, экология, гражданские права, здоровье, удовлетворенность жизнью, безопасность, баланс работы и отдыха²⁶.

Среди других индексов, на которых основываются рейтинги счастливых стран, можно назвать “Индекс качества жизни” (Well-Being Index)²⁷ и “Глобальный барометр надежды и отчаяния” (Global Barometer on Hope and Despair)²⁸, которые выявляют жизненные приоритеты населения. Существует также “Индекс человеческого развития” (Human Development Index)²⁹, который включает в себя целый ряд показателей: продолжительность жизни в стране, уровень образованности и уровень жизни, который оценивается через валовый национальный доход на душу населения. Одним из первых рассмотрел счастье как цель государственной политики и меру оценки социально-экономического развития общества голландский социолог Р. Винховен, главный редактор “Журнала исследований счастья” (Journal of Happiness Studies) и директор Всемирной базы данных счастья (World Database of Happiness): он предположил, что один из важнейших показателей развитости и комфортности общества, помимо здоровья и благосостояния, — уровень счастья³⁰.

Несмотря на то что экономические показатели продолжают доминировать в межстрановых исследованиях, все чаще предлагаются

²⁴ Журавлев А.Л. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8.

²⁵ Сотов А. Кто в мире самый счастливый? // Российская газета. 2012.14.06.

²⁶ Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/11111111111> (accessed: 16.11.2018).

²⁷ Well-Being Index. URL: https://news.gallup.com/topic/well_being_index.aspx (accessed: 16.11.2018).

²⁸ Россия в центре мирового оптимизма. URL: <https://romir.ru/studies/rossiya-v-centre-mira-optimizm-azii-i-pessimizm-evropy> (дата обращения: 10.11.2018).

²⁹ Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/en> (accessed: 16.11.2018).

³⁰ Veenhoven R. Happiness in nations: subjective appreciation of life in 56 nations 1946–1992. URL: https://www.researchgate.net/publication/243691093_Happiness_in_Nations_Subjective_Appreciation_of_Life_in_56_Nations_1946-1992 (accessed: 18.11.2018).

дополнения и альтернативы экономоцентристскому подходу. Например, первая попытка заменить валовый внутренний продукт на валовое национальное счастье (Gross National Happiness) в качестве основного показателя развития государства была предпринята в Бутане, где было предложено оценивать качество жизни через баланс духовного и материального ее аспектов. Согласно Конституции Бутана, основная цель государства — обеспечение счастья каждого гражданина страны³¹, для чего был создан Центр исследований валового национального счастья посредством регулярных социологических опросов.

Для оценки валового национального счастья был разработан индекс из девяти параметров, позволяющий отслеживать изменения социальных настроений в стране³². Так, параметр “психологическое благополучие” включает в себя оценки удовлетворенности жизнью, уровня духовности, частоты молитв и медитаций, наличия мыслей о самоубийстве, положительных и отрицательных эмоций (эгоизма, зависти, ревности, щедрости и др.). Параметр “здоровье” предполагает достижение баланса тела и разума и включает в себя показатели физического и психологического здоровья. В показателе “использование времени” наиболее важным считается баланс работы и личной жизни, анализируются временные затраты на работу, сон и другие виды жизнедеятельности. В показателе “образование” оцениваются навыки, ценности и знания, приобретаемые в рамках получения образования и черпаемые из иных источников. В показателе “культурное разнообразие и устойчивость” акцент сделан на изучении разнообразия и влияния традиций, включая фестивали, народное творчество, занятия традиционными видами спорта и использование диалектов. В показателе “жизнеспособность сообщества” отслеживается внутрисемейная сплоченность, взаимопонимание поколений, отношения с соседями, качество жизни пожилых и волонтерская деятельность. В показателе “управление” оценивается эффективность работы социальных служб, собирается информация о создании новых рабочих мест, уровне свободы слова и проявлениях дискриминации. Показатель “экологическое разнообразие и устойчивость” отслеживает разные параметры состояния окружающей среды и “экологичной” модели поведения, учитывает частоту и силу природных катаклизмов, пожаров и землетрясений.

³¹ Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 146.

³² Centre for Bhutan Studies and Gross National Happiness. URL: <http://www.grossnationalhappiness.com/nine-domains> (accessed: 09.11.2018).

И, наконец, в параметре “уровень жизни” измеряется материальное состояние и жизненный комфорт, оцениваются доходы, наличие жилья и владение активами³³.

По инициативе Бутана более 50 государств в 2011 г. подписали резолюцию ООН “Счастье: целостный подход к его развитию”³⁴. А с сентября 2013 г. ежегодно публикуется доклад о счастье — “Рейтинг стран мира по уровню счастья” (World Happiness Report)³⁵, который также основан на показателях дохода, ожидаемой продолжительности жизни, социальной поддержки, свободы, восприятия коррупции и щедрости. В 2018 г. данный рейтинг был дополнен оценками уровня счастья мигрантов и миграционной привлекательности стран, в том числе на основе данных социологических опросов Исследовательского центра Гэллапа (Gallup World Poll)³⁶. Кроме того, компания Legatum Group (Великобритания) рассчитывает “индекс процветания” для 110 стран, учитывая 79 параметров, объединенных в девять групп: здоровье, образование, личные свободы, безопасность, социальный капитал, управление, предпринимательство, экономика и управление³⁷.

Другой известный индекс счастья, призванный оценивать эффективность использования государствами природных ресурсов и экономического роста для обеспечения долгой и счастливой жизни своих граждан, — это “Всемирный индекс счастья” (The Happy Planet Index), основанный на следующих четырех показателях³⁸: 1) ожидаемая продолжительность жизни (life expectancy) — средняя продолжительность жизни в стране, рассчитываемая по данным Программы развития ООН; 2) субъективное благополучие (experienced well-being) — измеряется посредством методики “Лестница” в ходе опроса (респондент должен ответить на вопрос “Представьте себе лестницу со ступеньками, пронумерованными от 0 до 10, где 0 в

³³ Sustainable Development and Happiness: Bhutan’s Voluntary National Review Report on the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://www.gnhc.gov.bt/en/wp-content/uploads/2018/07/VNR_Bhutan_July2018.pdf (accessed: 19.11.2018).

³⁴ Резолюция ООН “Счастье: целостный подход к его развитию”. URL: <https://undocs.org/ru/A/65/L.86> (дата обращения: 10.11.2018).

³⁵ World Happiness Report. URL: <http://worldhappiness.report> (accessed: 09.11.2018).

³⁶ World Happiness Report 2018. URL: https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2018/WHR_web.pdf (accessed: 16.11.2018).

³⁷ Бенгли III. Счастливы вместо // Русский Newsweek. 2008. № 8.

³⁸ Happy Planet Index 2016. Methods Paper. URL: https://static1.squarespace.com/static/5735c421e321402778ee0ce9/t/578dec7837c58157b929b3d6/1468918904805/Methods+paper_2016.pdf (accessed: 19.11.2018).

самом низу лестницы означает худшую жизнь из всех возможных, а 10 в верхней части лестницы — лучшую жизнь из всех возможных. На какой из ступенек вы сейчас находитесь?”); 3) неравенство результатов (*inequality of outcomes*) — определяет разброс показателей благосостояния и продолжительности жизни внутри регионов одной страны; 4) экологическая нагрузка (*ecological footprint*) — оценивает влияние на окружающую среду, измеряется в количестве гектаров земли на человека, необходимых для поддержания устойчивого уровня потребления в стране, а также в количестве земли, необходимой для производства возобновляемых ресурсов (прежде всего, пищи и древесины), земли, занятой инфраструктурой, и земли, необходимой для поглощения выбросов углекислого газа (потребляющей страной).

Безусловно, это далеко не исчерпывающий список эконометрических версий измерения счастья, однако перечисленные индексы наиболее широко известны и наглядно демонстрируют как возможности, так и ограничения данного подхода. В частности, несмотря на разнообразие индексных методик с точки зрения отбора, сочетания и измерения используемых показателей, все они имеют схожие ограничения: не учитывают этнокультурные различия внутри страны, которые могут оказывать серьезное воздействие на субъективное ощущение счастья; многие индексные показатели, используемые как универсальные и само собой разумеющиеся, таковыми не являются, поскольку могут по-разному восприниматься в социокультурном контексте каждой страны; не существует единых правил отбора и оценки подходящих индикаторов по каждому показателю; до сих пор не выработаны единые индикаторы, отсутствует единая методика их оценки, и многие индексы по разным причинам не могут рассчитываться на регулярной основе³⁹. Иными словами, убежденность разработчиков индексов и интерпретаторов полученных на их основе данных в том, что индексы универсальны и могут использоваться в унифицированных мониторинговых исследованиях, явно не обоснована.

Другой блок критических замечаний касается не столько качества индексов как измерительного инструмента, сколько необходимости их применения в принципе: многие исследователи задаются вопросом, можно ли измерить счастье, не говоря уже о том, чтобы сделать это “объективно” при помощи социально-экономических показателей и опросов общественного мнения, — ведь даже соб-

³⁹ Шматова Ю.Е., Морев М.В. Указ. соч. С. 153.

ственное представление индивида о том, насколько он счастлив, может радикально отличаться от оценок его ближайшего окружения и быть подвержено ситуативным влияниям⁴⁰. Социологи, как правило, подчеркивают, что измерение счастья не может рассматриваться как измерение в техническом или математическом смысле, но этого и не требуется, потому что, согласно социально-феноменологическому подходу, мы живем не в неких объективных реалиях, а в собственном жизненном мире, где невозможны универсальные внешние индикаторы счастья (радостный внешний вид, безусловно, характерен для счастливых людей, но может использоваться и как гофмановская “маска” несчастными людьми). Нам не остается ничего иного, как спрашивать человека, как он сам оценивает свой уровень счастья, учитывая объективный контекст подобных оценок и задавая ему прямые и проективные вопросы в ходе анкетирования или личного интервью, т.е. социально-психологический подход выглядит как более надежная измерительная альтернатива эконоцентристскому подходу.

“Субъективистский” социально-психологический подход

Подчеркнем еще раз, что речь идет о двух условно выделяемых традициях измерения счастья, в каждой из которых сочетаются объективные и субъективные показатели, но различаются акценты в их использовании: согласно социально-психологическому подходу, количественный уровень подходит для измерения счастья при условии, что мы считаем различия между шкальными значениями равными; в экономическом подходе подобное допущение признается необоснованным и предпочтение отдается порядковой шкале, по которой можно отследить только относительную зависимость уровня счастья от индивидуальных особенностей респондентов⁴¹. Сопоставление результатов применения методик, основанных на принципах “психологического” и “экономического” подходов, показало, что выбор той или иной модели оценки счастья приводит к незначительным различиям⁴².

Суть социально-психологического подхода выразил Ю. Эльстер: “...благодаря интроспекции мы знаем наверняка, что удовольствие,

⁴⁰ См., например: *Veenhoven R. Questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots // Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz. Oxford, 1991.*

⁴¹ *Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? // Economic Journal. 2004. Vol. 114. N 497.*

⁴² *Andrews F.M., Withey S.B. Social indicators of well-being: Americans perceptions of life quality. N.Y., 1976.*

счастье и удовлетворение — важные понятия, однако они нуждаются в концептуальной проработке, осуществить которую не так-то просто... Даже если кому-то удастся установить кардинальную меру полезности, будет ошибкой считать, будто бы действие всегда можно будет объяснить в категориях максимизации полезности, подобно тому, как инвестиции могут объясняться в категориях максимизации прибыли. Последняя операция понимается как план, предпринимаемый сознательно и *ex ante*, тогда как сознательная и намеренная попытка максимизировать полезность часто оказывается саморазрушительной. Это банальность, но очень важная: счастье часто ускользает от тех, кто активно к нему стремится⁴³. В качестве обоснования Эльстер ссылается на Стендаля, отметившего, что “очень трудно описать по памяти то, что было естественным в вашем поведении; проще вспомнить то, что было искусственным или аффектированным”⁴⁴; уточняет, что нельзя по желанию испытывать счастье, но можно подготовиться к нему, ссылаясь на аристотелевский аргумент, что можно стать добродетельным, если вести себя так, как будто вы уже добродетельны⁴⁵, и утверждение Д. Дэвидсона, что “моралисты от Аристотеля до Милля указывали на то, что попытки быть счастливым едва ли принесут счастье”⁴⁶; отмечает, что для счастья важно не только наличие чего-то, но и его отсутствие, т.е. не только элемент исполнения, но и усиливающий его элемент ожидания, цитируя Б. Рассела — “не иметь некоторых вещей, которые хочешь, — важнейшая часть счастья”⁴⁷, и Г. Лейбница — “счастье никогда не будет и не должно состоять в полном удовлетворении”⁴⁸.

Социально-психологический подход предполагает обращение к человеку с вопросом о его субъективной оценке собственного счастья⁴⁹, например: “Учитывая все стороны вашей жизни, насколько вы счастливы? Для ответа воспользуйтесь, пожалуйста, карточкой/отметьте одно число: 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10, где 0 — очень несчастливы, а 10 — очень счастливы”. Количество позиций на шкале может

⁴³ Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Науч. ред. А. Морозова. М., 2018. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 95.

⁴⁵ Аристотель. Никомахова этика. Т. 4. С. 78–79.

⁴⁶ Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, 1980. P. 70.

⁴⁷ Цит. по: Эльстер Ю. Указ. соч. С. 292.

⁴⁸ Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.В. Сочинения. Т. 1. М., 1982. С. 412.

⁴⁹ Родионова Л.А. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья // Вопросы статистики. 2012. № 6.

варьировать от 11 числовых категорий с вербальной интерпретацией полярных точек до 7 или 5 категорий с вербальными индикаторами или без них. Использование таких шкал обосновывается тем, что представители одной культуры и языковой среды могут не только распознавать и предсказывать широчайший спектр эмоций в себе самих и окружающих людях, но и оценивать эти эмоции одинаковым образом на некоторой цифровой шкале.

Отчасти такие шкалы включены в описанный выше индексный метод, т.е. в кумулятивную оценку уровня счастья на основе нескольких показателей, например, в Международный индекс счастья⁵⁰ входит и субъективная удовлетворенность жизнью. Однако в рамках социально-психологического подхода меняется трактовка понятия “индекс”: так, в “карте счастья”, формируемой на основе данных международных и европейских опросов общественного мнения⁵¹, индекс счастья рассчитывается как отношение числа людей, причисляющих себя к “очень счастливым”, к количеству людей, определяющих себя как “совершенно несчастных” (учитывается четыре градации). Тем не менее, и национальные индексы счастья с особыми методиками расчета в каждой стране следуют общепринятой интерпретации индексов, заданной экономоцентрическим подходом⁵². Например, китайский индекс счастья включает в себя 16 индикаторов, в число которых входят помимо классических экономических показателей количество врачей на тысячу жителей, площадь лесов, доля выбросов углекислого газа и объем ВВП; британский индекс счастья основан не на количественном, а на качественном подходе — оценках более 200 тысяч информантов; российский индекс счастья рассчитывается по результатам ответов на вопрос “В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом: вы счастливы или нет?”⁵³. Помимо перечисленных выше ограничений индексов следует также отметить, что все показатели учитываются в итоговом индексе с разными весами/

⁵⁰ Рыжкова Ю.А., Климашина Е.А. Международный индекс счастья как показатель благосостояния нации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе. 2011. № 3.

⁵¹ Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор). URL: <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf> (дата обращения: 26.12.2018).

⁵² Рыжкова Ю.А., Климашина Е.А. Указ. соч.

⁵³ Счастье в России: мониторинг. Секрет русского счастья — крепкая семья, здоровье и хорошая работа. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9075> (дата обращения: 28.12.2018).

долями, хотя единственным основанием для их присвоения является решение исследователей.

Социально-психологический подход опирается на опросные методики, которые имеют еще одно важное ограничение — претендуют на то, чтобы изучать/измерять счастье, однако используют как взаимозаменяемые близкие, но не идентичные понятия счастья, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью, которые имеют разные коннотации (наиболее эмоционально и оценочно сильным считается именно “счастье”). Одни авторы полагают, что под субъективным благополучием следует понимать самые разные способы интерпретации собственной жизни, включая обыденную трактовку счастья как совокупности положительных и негативных эмоций, дополненную когнитивными оценками⁵⁴. Другие авторы уверены, что никакой путаницы в понятиях нет, потому что несмотря на, казалось бы, большую неоднозначность “счастья” по сравнению с “удовлетворенностью жизнью” и “субъективным благополучием” опросы общественного мнения свидетельствуют, что большинство людей понимает, что такое счастье и определяет его как состояние радости, совокупность приятных эмоций (или отсутствие негативных) и удовлетворенность жизнью; проблемы с оценками счастья возникают лишь в случае сопоставления его уровня в разных культурах⁵⁵. Третьи авторы считают, что понятие “субъективное благополучие” отражает “отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для него с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде, и характеризующееся ощущением удовлетворенности”⁵⁶, т.е. “настроение” и “эмоциональное состояние” отличаются от “субъективного благополучия” лишь устойчивостью во времени.

Несмотря на отсутствие однозначного определения в социологии счастье, как правило, рассматривается в качестве “доминирующей направленности группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни

⁵⁴ См., например: *Tov W., Diener E. Subjective well-being // Research Collection of School of Social Sciences. Paper 1395. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sooss_research/1395 (accessed: 10.11.2018).*

⁵⁵ См., например: *Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003.*

⁵⁶ См., например: *Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. М., 2016. С. 11.*

как гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, в позитивных эмоциях радости”⁵⁷. Данное определение объединяет разные трактовки счастья и подчеркивает его социальные функции, факторы и формы проявления, а потому предполагает различные сочетания методик для изучения счастья, в том числе оценку субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, общего настроения.

Наиболее общепризнаны несколько методик: во-первых, шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, Р. Эммонса, Р. Ларсена и Ш. Гриффина (Satisfaction with Life Scale), или когнитивная оценка соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям индивида. Шкала была переведена, адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним в формате предложения респондентам оценить по семибалльной шкале степень своего согласия/несогласия со следующими утверждениями: “В целом моя жизнь почти такая, какой я хотел бы ее видеть”, “Условия моей жизни превосходные”, “Я удовлетворен своей жизнью”, “Пока что я достиг всего, к чему стремился”, “Если бы я смог еще раз прожить свою жизнь, то почти ничего бы не изменил”⁵⁸. Во-вторых, шкала субъективного счастья (Subjective Happiness Scale), разработанная С. Любомирски и Х. Леппером, адаптированная также Е.Н. Осиним и Д.А. Леонтьевым и призванная измерять общее эмоциональное состояние человека⁵⁹. В-третьих, шкала субъективного благополучия (Échelle pour l'évaluation subjective du bien-être), позволяющая оценивать психоэмоциональное состояние личности в диапазоне от самопринятия, бодрости, работоспособности, оптимизма и уверенности в своих силах до ощущения одиночества, подавленности, тревожности и рассеянности (разработана А. Перуэ-Бадю, Дж. Мендельсоном и Ж. Клише, адаптирована М.В. Соколовой)⁶⁰. В-четвертых, оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory), в котором респонденту предлагается оценить группы утверждений о личном счастье, выбрав в каждой группе одно высказывание, наиболее точно отражающее его состояние⁶¹. В-пятых, шкала счастья (Happiness Measure), разработанная М. Фордисом и включающая в себя

⁵⁷ Качур Н.В. Молодежное восприятие счастья (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 55–56.

⁵⁸ Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль, 1996.

⁶¹ Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003.

два вопроса⁶²: “В целом насколько счастливым или несчастным вы себя обычно чувствуете?” (оценка по шкале от 0 до 10) и “В среднем какую часть времени в процентах вы чувствуете себя счастливым (несчастливым, нейтрально)?”. В-шестых, шкала эмоционального баланса (Affect Balance Scale), предложенная Н. Брэдберном для оценки соотношения негативных и позитивных эмоций индивида⁶³. Эмоциональная компонента самооценки в терминах счастья с 1970-х гг. стала обязательным элементом его изучения, хотя используемые вопросы могут быть достаточно общими, например, “Каковы ваши ощущения от жизни в целом?” (с семибалльной шкалой от “восхитительно” до “ужасно”)⁶⁴.

В российских опросах используются аналогичные форматы самооценки. Так, Левада-центр включает в анкету следующие вопросы: “Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?”, “Что делает вас счастливым человеком?” и “Что не дает вам быть счастливым?”⁶⁵. Всероссийский центр изучения общественного мнения задает респондентам такие вопросы, как: “В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?” (на основе ответов рассчитывается индекс счастья) и “Как вам кажется, среди ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?” (рассчитывается социальный индекс счастья)⁶⁶. Исследовательский холдинг Ромир принял участие в глобальном опросе “Конец года” (End of the Year), в ходе которого респондентам задавался вопрос “Насколько счастливым или несчастным человеком вы себя ощущаете в связи с событиями в вашей личной жизни?” (индекс счастья рассчитывался как разница между отрицательными и положительными ответами)⁶⁷. Мониторинговое агентство NewsEffector совместно с Фондом региональных исследований “Регионы России” в 2012 г. провели исследование “Индекс счастья российских городов”:

⁶² *Fordyce M.* The Happiness Measure: a sixty second index of emotional well-being and mental health. URL: https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/hap_bib/freetexts/fordyce_mw_1983.pdf (accessed: 23.12.2018).

⁶³ *Bradburn N.M., Noll C.E.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago, 1969.

⁶⁴ *Andrews F.M., Witney S.B.* Social Indicators of Well-Being: Americans' Perceptions of Life Quality. N.Y., 1976.

⁶⁵ Счастье. URL: <http://www.levada.ru/2018/09/14/schaste> (дата обращения: 01.11.2018).

⁶⁶ Счастье в России: мониторинг. Секрет русского счастья — крепкая семья, здоровье и хорошая работа. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9075> (дата обращения: 28.12.2018).

⁶⁷ Россияне счастливее, чем земляне в целом. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-schastlivee-chem-zemlyane-v-celom> (дата обращения: 11.11.2018).

респонденты отвечали на серию вопросов — “Довольны ли вы своим материальным положением?”, “Довольны ли вы экологией города?”, “Чувствуете ли вы себя в безопасности в своем городе?”, “Довольны ли вы динамикой развития вашего города?”, “Довольны ли вы уровнем городского благоустройства?”, “Чувствуете вы себя счастливым в вашем городе?”, на основе ответов был рассчитан индекс счастья и построен рейтинг российских городов, в которых проживают самые счастливые люди⁶⁸.

Р. Винховен проанализировал 630 крупнейших исследований по тематике счастья и предложил собственное его определение — это “степень уверенности, с которой индивид оценивает общее состояние своей жизни как положительное”⁶⁹. Совместно с коллегами он разработал “Индикатор счастья” (The Happiness Indicator)⁷⁰, в котором сочетается интернет-платформа для самопомощи и инструмент научного сбора данных: участникам исследования предлагается периодически оценивать, насколько счастливыми они себя чувствуют и как проводят свое время. Отвечая на вопросы, респонденты получают мгновенную обратную связь — оценку своей “счастливости”, благодаря чему могут понять, насколько счастливы большую часть времени, сравнить свой уровень счастья с людьми, которые используют свое время схожим образом, сравнить себя с людьми, которые используют свое время иначе, но обретают тот же уровень счастья, отслеживать свое состояние во временной перспективе и свою повседневную деятельность. Исследователям “Индикатор счастья” позволяет регистрировать, как люди проводят свое время и насколько счастливыми себя чувствуют, выполняя определенные действия, оценивать влияние тренингов и изменений в организации повседневной жизнедеятельности людей на их самооценку в терминах счастья в долгосрочной и краткосрочной перспективе, отслеживать, как жизненный выбор, например, досрочный выход на пенсию, определяет уровень счастья.

Главным компонентом индекса счастья Винховен считает эмоциональную составляющую, объясняя это несколькими причинами: во-первых, акцент на эмоциях позволяет избежать искажений когнитивной оценки успешности вследствие давления стандартов

⁶⁸ Индекс счастья городов России. URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927> (дата обращения: 01.11.2018).

⁶⁹ *Veenhoven R.* Questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots. P. 3.

⁷⁰ The Happiness Indicator. URL: www.happinessindicator.com (accessed: 10.11.2018).

социальной нормы и успешности; во-вторых, эмоциональный опыт наиболее важен для ощущения счастья, потому что доказаны психосоматические последствия счастливых эмоций. Соответственно, “Индикатор счастья” состоит из “Сравнителя счастья” (Happiness Comparer) и “Дневника счастья” (Happiness Diary). Первый состоит из двух простых вопросов: “Оцените, насколько вы счастливы сегодня?” и “Оцените, насколько вы были счастливы в прошлом месяце?” Шкала ответов включает в себя значения от 0 до 10, где каждому значению присвоена иконка с изображением улыбающегося, нейтрального или грустного смайлика. Также респондент указывает ряд социально-демографических характеристик — возраст, пол, образование, семейное положение и состояние здоровья. В результате человек может отслеживать уровень своего счастья в заданный промежуток времени — система автоматически генерирует историю его счастья на временном графике.

В “Дневнике счастья” респонденты отмечают, что они делали в течение предыдущего дня и насколько были счастливы. По сути, это интернет-приложение “Метод восстановления дня”, разработанное Д. Канеманом и его коллегами⁷¹: сначала респонденты реконструируют предыдущий день, записывая свою деятельность с утреннего подъема до отхода ко сну и отмечая время выполнения действий; многие действия регулярны, привычны и известны заранее (приемы пищи, дорога на работу, занятия спортом, учеба, домашние хлопоты и др.), но в дневник вносятся и уникальные действия с пометками, когда они произошли и с кем были респонденты в тот момент⁷². Первоначально дневник был разработан как инструмент самопомощи, но стал использоваться и в научных целях — для оценки уровня счастья представителей разных поколений (например, в ходе изучения повседневной жизни пожилых людей), профессий и сфер деятельности (государственное управление, розничная торговля, промышленность и т.д.), трудоспособности и самочувствия людей в течение дня и т.д.

М. Киллингсворд и Д. Гилберт использовали аналогичное интернет-приложение⁷³, чтобы исследовать сиюминутное счастье в его обыденном понимании и способность людей к мысленному переносу

⁷¹ См.: Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. СПб., 2004; Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2014.

⁷² The Happiness Indicator. URL: https://gelukswijzer.nl/rapporten/HappinessIndicator_SatelliteProjects-1.pdf (accessed: 18.11.2018).

⁷³ Mobile app “Track your happiness”. URL: <https://www.trackyourhappiness.org> (accessed: 10.12.2018).

за пределы реальности⁷⁴. Было опрошено 2250 человек в возрасте 18–88 лет, которые через определенные промежутки времени отвечали на три вопроса: «Оцените, как вы себя чувствуете по шкале от “очень плохо” до “очень хорошо”?», “Выберите из списка занятий то, чем вы сейчас занимаетесь?” (22 занятия — работа, просмотр телевизора и т.д.); “Думаете ли вы о чем-то, не связанном с тем, чем вы на данный момент занимаетесь?” (“нет” — человек полностью сосредоточен на занятии, “да” — думает о чем-то другом). Согласно результатам исследования, 47% времени люди думают о чем-то, не связанном с текущей деятельностью, и не менее 30% времени — в течение практически любого вида деятельности. При этом была обнаружена корреляция между мысленным переносом и ощущением счастья: люди чувствуют себя счастливее, сосредоточившись на текущей деятельности, а не в тот момент, когда мысленно куда-то переносятся. Авторы выдвинули гипотезу, что мысленный побег от реальности — скорее не следствие, а причина ощущения себя несчастным.

Схожую трактовку счастья как спутника деятельности разрабатывал М. Чиксентмихайи, утверждая, что счастье — это состояние потока (радости от творчества, полной поглощенности жизнью), “когда мы делаем что-то, в чем выражается наша сущность”⁷⁵, что противоречит расхожему мнению, будто люди обретают счастье только в моменты полного бездействия и расслабленности. Чиксентмихайи полагал, что состояние счастья человек обретает только в момент максимального напряжения телесных и душевных сил в стремлении добиться чего-то трудного и ценного, но удовлетворение от деятельности доступно только в том случае, если уровень индивидуальных способностей достаточен для качественного выполнения выбранного вида деятельности. Исследование Чиксентмихайи важно тем, что представляет собой промежуточный этап между традиционными опросными методами изучения счастья и нынешней модой на специальные технические и цифровые инструменты: первоначально он использовал привычные опросники и интервью, а затем разработал “Метод выборки переживаний” (Experience Sampling Method) — восемь раз в день в случайное время суток респондент получал сигнал на специальный пейджер и должен был в тот же момент записать в специальный дневник, о чем он думает, и охарактеризовать свое самочувствие⁷⁶. Данный подход (можно обозначить

⁷⁴ Killingsworth M.A., Gilbert D.T. A wandering mind is an unhappy mind // Science. 2010. Vol. 12. N 330.

⁷⁵ Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М., 2011. С. 13.

⁷⁶ Там же. С. 28.

его как экспериментальный — так он квалифицируется во многих изданиях) продолжил разрабатывать Л.З. Левит, который показал, что достижение состояния “потока” обеспечивает рост практически всех общепризнанных “компонентов счастья”. Однако Левит просил респондентов заполнять анкету каждые два часа, кроме времени сна, отмечая виды активности и оценивая каждый из них по 11-балльной шкале от 0 до 10 по следующим критериям: “уровень сложности”, “самочувствие”, “самореализация”, “самовыражение”, “саморазвитие”, “вовлеченность”, “удовольствие”, “собственный выбор”, “польза для себя”, “польза для других” и “хорошая жизнь”⁷⁷.

Таким образом, сегодня основным инструментом оценки уровня счастья являются опросные методики (самооценки респондентов), поскольку они зарекомендовали себя как внутренне согласованные, устойчивые во времени и валидные. Однако они имеют и серьезные ограничения: во-первых, в силу своего субъективного характера они крайне подвержены ситуативным смещениям (настроение респондента, полученная в момент опроса информация и т.д.)⁷⁸. Во-вторых, опросные методики требуют однозначной интерпретации их формулировок и терминологии, но не всегда человек, даже имея общее представление о своем обычном уровне счастья, может соотнести его с предложенной шкалой ответов, правильно выбрать модус оценки (реальные оценки счастья, идеальные представления, возможные состояния, необходимые или желательные) и сориентироваться в заданных временных рамках (исследователи оговаривают периоды оценки — день, неделя, месяц или год, но не всегда респондент может этот период представить и оценить). В-третьих, опросные методики крайне подвержены феномену социальной желательности: для преодоления этого смещения предлагается использовать проективные методики, но даже в вопросах о ближнем окружении респондента давление социальных стандартов нормальности весьма велико; кроме того, такой подход содержит и другие риски искажения информации, поскольку оценки респондентом других людей неизбежно отражают его с ними отношения. В-четвертых, все перечисленные проблемы усугубляются в сравнительных исследованиях: наиболее очевидны они в кросс-культурных проектах, поскольку социальные нормы различаются в разных социальных системах, даже если речь идет просто о выражении положительных и отрицательных эмоций,

⁷⁷ Левит Л.З. Исследование основных понятий позитивной психологии с помощью методов выборки переживаний (ESM) // Современная зарубежная психология. 2013. № 3.

⁷⁸ Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. N 1. P. 6.

не говоря уже о проблемах лингвистической эквивалентности в анкетах на разных языках⁷⁹. Один из способов снять искажения, связанные с вербальными формулировками вопросов, — использование рисунков и графических шкал, таких как “лестница”, “гора”, “лица” и др., однако и визуальные шкалы имеют социокультурно обусловленные коннотации.

Сегодня наметилась тенденция не только цифровизации, но и визуализации исследований счастья. В качестве примера можно привести проект на стыке социологии и урбанистики — создание “карт счастья”: была создана интернет-платформа в формате игры, в которой игрокам предлагалось выбрать из набора уличных панорам самую красивую, тихую и приятную; накопив значительный массив данных, исследователи сделали выводы о том, какие городские пейзажи вызывают у людей ощущение счастья, и разработали не самые короткие, а самые приятные маршруты городских передвижений⁸⁰.

Иной способ ухода от вербальных самооценок как способа измерения счастья — работа с текстовыми источниками: контент-анализ может выступать и как самостоятельный и единственный метод исследования, и как вспомогательный его инструмент. Пример первого применения контент-анализа — проект компании “Медиалогия”, которая специализируется на автоматизированных способах мониторинга сообщений средств массовой информации и социальных сетей. Методом контент-анализа было изучено более двух миллионов упоминаний регионов Российской Федерации в контексте “счастье” (учитывались и синонимичные выражения) на разных интернет-платформах (Facebook, Twitter, ВКонтакте, Instagram, LiveJournal и т.п.), чтобы построить рейтинг самых счастливых регионов страны⁸¹. Пример второго применения контент-анализа — изучение вербальной и жестовой репрезентации наивных представлений о счастье в устном нарративе американских и российских студентов: авторы использовали методы нарративного интервью и ранних воспоминаний (ретроспективные самоотчеты), предлагая респондентам вспомнить и описать ситуацию, в которой они чувствовали себя счастливыми. Интервью были записаны на видео и транскрибированы: вербальные данные были обработаны с

⁷⁹ *Duncan G.* What do we mean by “happiness”? The relevance of subjective well-being to social policy // *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005. Vol. 25.

⁸⁰ *Quercia D.* Happy maps. URL: https://www.ted.com/talks/daniele_quercia_happy_maps/up-next (accessed: 12.01.2019).

⁸¹ Регионы РФ в соцмедиа в контексте “счастье”. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/socmedia/trends/5788/index.php> (дата обращения: 01.11.2018).

помощью контент-анализа, а невербальные — посредством методики анализа жестовых единиц⁸².

Таким образом, сегодня в распоряжении социологов находится огромный массив литературы, предлагающий множество концептуальных и операциональных дефиниций счастья (общепризнано не менее 15 научных определений⁸³), а также методических решений для оценки уровня счастья и факторов, его детерминирующих. Для художественной литературы и публицистики множество неоднозначных трактовок счастья не представляет проблемы и даже является определенным преимуществом, стимулируя творческие поиски и дискуссии о роли счастья в самопознании и самоидентификации современного человека и общества. Однако для социологии отсутствие унифицированных концептуальных и операциональных определений счастья, а также четких критериев отбора методических решений для его изучения является проблемой, поскольку социологи претендуют не только на широкую экспликацию своих выводов, но и на специфику дисциплинарной трактовки счастья на теоретическом и эмпирическом уровне. Представленный в статье обзор имеющихся у социологов методических возможностей ни в коей мере не претендует на полноту и законченность, а лишь систематизирует накопленные на сегодняшний момент разработки и находки и указывает два многообещающих направления дальнейших социологических поисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003.
- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983.
- Бенгли Ш. Счастливы вместо // Русский Newsweek. 2008. № 8.
- Жданова С.Ю., Печеркина А.В., Строканов А.А. Структура репрезентации состояния счастья у представителей российской и американской культур // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 7.
- Журавлев А.Л. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8.
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2014.

⁸² Жданова С.Ю., Печеркина А.В., Строканов А.А. Структура репрезентации состояния счастья у представителей российской и американской культур // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 7; Мишланова С.Л., Суворова М.В., Жданова С.Ю., Строканов А.А. Вербальная и жестовая репрезентации наивного представления о счастье в устном нарративе американских студентов // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4.

⁸³ Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 153.

- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. СПб., 2004.
- Качур Н.В. Молодежное восприятие счастья (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 3.
- Левит Л.З. Исследование основных понятий позитивной психологии с помощью методов выборки переживаний (ESM) // Современная зарубежная психология. 2013. № 3.
- Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Сочинения. Т. 1. М., 1982.
- Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М., 2012.
- Мишланова С.Л., Суворова М.В., Жданова С.Ю., Строканов А.А. Вербальная и жестовая репрезентации наивного представления о счастье в устном нарративе американских студентов // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4.
- Намлинская О.О. “Экономика счастья”: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // Региональные проблемы преобразований экономики. 2014. № 4.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008.
- Родионова Л.А. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья // Вопросы статистики. 2012. № 6.
- Розанов В.В. Цель человеческой жизни. М., 1994.
- Рыжкова Ю.А., Климашина Е.А. Международный индекс счастья как показатель благосостояния нации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе. 2011. № 3.
- Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.
- Сен А. Идея справедливости / Науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016.
- Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. М., 2016.
- Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль, 1996.
- Сотов А. Кто в мире самый счастливый? // Российская газета. 2012.14.06.
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
- Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор). URL: <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf> (дата обращения: 26.12.2018).
- Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М., 2011.
- Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3.
- Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Науч. ред. А. Морозова. М., 2018.

REFERENCES

- Andrews F.M., Withey S.B.* Social Indicators of Well-Being: Americans' Perceptions of Life Quality. N.Y., 1976.
- Argyle M.* Psikhologiya schastya [The Psychology of Happiness]. SPb., 2003 (in Russian).
- Aristotle.* Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics] // Aristotle. Sochineniya [Works]. Vol. 4. M., 1983 (in Russian).
- Bengli Sh.* Schastlivy vmesto [Happy instead] // Russky Newsweek [Russian Newsweek]. 2008. N 8 (in Russian).
- Bradburn N.M., Noll C.E.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago, 1969.
- Chepurnykh M.N.* Indeksy schastya: opyt Zapada (sotsiologicheskii obzor) [Happiness indexes: Western experience (a sociological review)]. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf> (accessed: 26.12.2018) (in Russian).
- Csikszentmihalyi M.* Potok: psikhologiya optimalnogo perezhivaniya [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. M., 2011 (in Russian).
- Davidson D.* Essays on actions and events. Oxford, 1980.
- Duncan G.* What do we mean by "happiness"? The relevance of subjective well-being to social policy // Social Policy Journal of New Zealand. 2005. Vol. 25.
- Easterlin R.A.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations Are Households in Economic Growth / Ed. by P.A. David, M.W. Reder. N.Y., 1974.
- Easterlin R.* Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27.
- Easterlin R.* Income and happiness: towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III.
- Elster J.* Kisly vinograd. Issledovanie provalov ratsionalnosti [Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality] / Nauch. red. A. Morozova. M., 2018 (in Russian).
- Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P.* How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? // Economic Journal. 2004. Vol. 114. N 497.
- Kachur N.V.* Molodezhnoe vospriyatie schastya (po rezultatam sotsiologicheskogo oprosa) [The youth's perception of happiness (based on the sociological survey)] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [News of Saratov University. Series: Sociology. Political Science]. 2013. Vol. 13. Issue 3 (in Russian).
- Kahneman D.* Dumay medlenno... reshay bistro [Think Slowly... Decide Quickly]. M., 2014 (in Russian).
- Kahneman D., Krueger A.B.* Developments in the measurement of subjective well-being // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. N 1.
- Kahneman D., Slovik P., Tversky A.* Prinyatie resheny v neopredelennosti [Decision Making in Uncertainty]. SPb., 2004 (in Russian).

- Killingsworth M.A., Gilbert D.T.* A wandering mind is an unhappy mind // *Science*. 2010. Vol. 12. N 330.
- Layard R.* Schastye. Uroki novoy nauki [Happiness: Lessons from a New Science]. M., 2012 (in Russian).
- Leibniz G.V.* Nachala prirody i blagodati, osnovannye na razume [Principles of nature and grace based on reason] // *Sochineniya [Works]*. Vol. 1. Moscow, 1982 (in Russian).
- Levit L.Z.* Issledovanie osnovnykh ponyatiy pozitivnoy psikhologii s pomoshchyu metodov vyborki perezhivaniy (ESM) [Study of the basic concepts of positive psychology using sampling techniques experiences (ESM)] // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Contemporary Foreign Psychology]*. 2013. N 3 (in Russian).
- Mishlanova S.L., Suvorova M.V., Zhdanova S.Yu., Strokanov A.A.* Verbalnaya i zhestovaya reprezentatsii naivnogo predstavleniya o schastye v ustnom narrative amerikanskikh studentov [Verbal and gestural representations of the naive idea of happiness in the oral narrative of American students] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Series: Russian and Foreign Philology]*. 2014. Iss. 4 (in Russian).
- Namlinskaya O.O.* “Ekonomika schastya”: osobennosti opredeleniya i perspektivy razvitiya v usloviyakh modernizatsii [“Economics of Happiness”: Definition and prospects for the development under modernization] // *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformations]*. 2014. N 4 (in Russian).
- Osin E.N., Leontiev D.A.* Aprobatsiya russkoyazychnykh versy dvukh shkal ekspress-otsenki subiektivnogo blagopoluchiya [Testing of the Russian-language versions of the two scales for the express-assessment of subjective well-being] // *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]*. M., 2008 (in Russian).
- Rodionova L.A.* Metodologicheskie aspekty izmereniya i modelirovaniya urovnya schastya [Methodological aspects of measuring and modeling the level of happiness] // *Voprosy statistiki [Statistics Issues]*. 2012. N 6 (in Russian).
- Rozanov V.V.* Tsel chelovecheskoy zhizni [The Purpose of Human Life]. Moscow, 1994 (in Russian).
- Ryzhkova Yu.A., Klimashina E.A.* Mezhdunarodny indeks schastya kak pokazatel blagosostoyaniya natsii [International index of happiness as an indicator of the welfare of the nation] // *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode [Models, Systems, Networks in the Economy, Technology, Nature]*. 2011. N 3 (in Russian).
- Seligman M.E.P.* Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schastye i smysl zhizni [New Positive Psychology: A Scientific View of Happiness and Meaning of Life]. M., 2006 (in Russian).
- Sen A.* Ideya spravedlivosti [The Idea of Justice] / Per. s angl. D. Kralechkina; nauch. red. V. Sofronova, A. Smirnova. M., 2016 (in Russian).
- Shmatova Yu.E., Morev M.V.* Izmerenie urovnya schastya: literaturny obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies] // *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny:*

fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2015. N 3 (in Russian).

Smoleva E.O., Morev M.V. Udovletvorennost zhiznyu i uroven schastya: vzglyad sotsiologa [Life Satisfaction and Level of Happiness: Sociological Approach]. M., 2016 (in Russian).

Sokolova M.V. Shkala subiektivnogo blagopoluchiya [The Scale of Subjective Well-Being]. Yaroslavl, 1996 (in Russian).

Sotov A. Kto v mire samyy schastlivyy? [Who is the happiest in the world?] // Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. 2012.14.06 (in Russian).

Tatarkiewicz W. O schastye i sovershenstve cheloveka [On Happiness and Human Perfection] / Per. s polsk. L.V. Konovalovoy. M., 1981 (in Russian).

Tov W., Diener E. Subjective well-being // Research Collection of School of Social Sciences. Paper 1395. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/soos_research/1395 (accessed: 10.11.2018).

Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. N 4.

Veenhoven R. Questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots // Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz. Oxford, 1991.

World Happiness Report 2018 // New York: Sustainable Development Solutions Network / Ed. by J. Helliwell, R. Layard R., J. Sachs. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2018> (accessed: 13.12.2018).

Zhdanova S.Yu., Pecherkina A.V., Stokanov A.A. Struktura reprezentatsii sostoyaniya schastya u predstaviteley rossiyskoy i amerikanskoy kultur [The structure of the representation of happiness in the Russian and American cultures] // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. 2017. Vol. 19. N 7 (in Russian).

Zhuravlev A.L. Schastye kak nauchnaya kategoriya [Happiness as a scientific category] // Vestnik RAN [Bulletin of RAS]. 2014. Vol. 84. N 8 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-36-48

КОНЦЕПЦИЯ МЕГАЛОПОЛИСА ЖАНА ГОТТМАНА

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается концепция мегалополиса франко-американского ученого Жана Готтмана, который фиксирует в середине XX в. начало нового этапа урбанизации, характеризующегося формированием обширных урбанистических регионов. Основой для концепции мегалополиса становится «региональная иконография», согласно которой границы являются символическим образованием, формирующимся под влиянием культуры и образа жизни. Развитие информационных и коммуникационных технологий, по мнению Ж. Готтмана, меняет повседневную жизнь людей, в частности, упрощает перемещение на большие расстояния, что и делает возможным формирование мегалополиса. В центре внимания исследователя находится урбанизированный район северо-восточного побережья Соединенных Штатов, который охватывает территорию от Бостона до Вашингтона. Это скопление городских агломераций Ж. Готтман и называет мегалополисом, в котором стираются различия между городской и сельской местностью. Мегалополисы называются одной из главных форм урбанизации конца XX в. и рассматриваются как результат становления постиндустриального общества, в котором растет доля людей, занятых в сервисном секторе, активно участвующих в процессе субурбанизации. Одной из главных проблем называется отсутствие эффективного управления мегалополисами, поскольку принятие решений и их реализация требуют согласованных действий со стороны органов власти нескольких административно-территориальных единиц. Тем не менее, городское планирование должно быть постепенно вытеснено планированием региональным, так как именно оно соответствует тенденциям урбанизации, зафиксированным во второй половине XX столетия. Идеи Готтмана о формировании урбанизированных регионов впоследствии получают свое продолжение, например, в работах исследователей Лос-Анджелесской школы.

Ключевые слова: Жан Готтман, региональная иконография, границы, циркуляция, мегалополис, субурбанизация.

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

JAN GOTTMAN'S CONCEPT OF MEGALOPOLIS

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article deals with Jean Gottmann's concept of the megalopolis. In the middle of the twentieth century Gottmann fixed the beginning of a new stage of urbanization, which is characterized by the formation of vast urban regions. "Regional iconography" is the basis for his concept of the megalopolis. According to "regional iconography" borders are formed under the influence of culture and lifestyle, and so they are symbolic entities. The development of information and communication technologies, according to Gottmann, changes the daily lives of people, in particular, simplifies moving over long distances, which makes the formation of a megalopolis possible. The researcher focuses on the urbanized region of the northeast coast of the United States, which covers the territory from Boston to Washington. This urbanized region without significant differences between urban and rural areas is called "megalopolis" by Gottmann. Megalopolises, according to Gottmann, are one of the leading forms of urbanization of the 20th century and are considered as the result of the formation of a post-industrial society, with an increasing number of people employed in the service sector who are actively involved in the suburbanization process. One of the main problems is the lack of megalopolises' effective management, because decision-making requires combined actions from the authorities of several administrative-territorial units. Nevertheless, city planning should be gradually superseded by regional planning, since it corresponds to the urbanization trends fixed in the second half of the 20th century. Gottmann's ideas on the formation of urbanized regions become common, their continuation are the works of researchers at the Los Angeles School, for example.

Key words: Jean Gottmann, regional iconography, borders, circulation, megalopolis, suburbanization.

Представитель немецкой классической социологии Г. Зиммель отметил, что границы имеют, в первую очередь, психологический характер: пространственные границы, по его словам, являются лишь "кристаллизацией или пространственным выражением процессов психологического ограничения"¹, которые и необходимо рассматривать как реальные барьеры между людьми. Эта мысль получила свое развитие в середине XX столетия в трудах франко-американского исследователя Жана Готтмана (*Jean Gottmann*), который рассматри-

¹ *Simmel G. The sociology of space // Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997. P. 142.*

вал физическое пространство в тесной взаимосвязи с “региональной иконографией”², формирующейся под влиянием культуры и образа жизни сообществ. Исследователь утверждал, что политическое разделение географического пространства происходит на основе именно культурных границ.

Ж. Готтман отмечает, что в XX столетии происходит перемещение фокуса географических исследований с физических факторов на социально-экономические, так как только они могут помочь объяснить “тенденции пространственной дифференциации”³, поскольку ментальные, символические барьеры преодолевать намного сложнее, чем физические⁴. Следовательно, необходимо сотрудничество географов с политологами, экономистами, психологами, антропологами, культурологами и социологами для понимания современного процесса урбанизации. В начале 1950-х гг. исследователь формулирует свою концепцию региональной иконографии, в которой рассматривает символические и культурные составляющие, позволяющие сообществу конституировать идентичность и отличать себя от других, не прекращая, тем не менее, интенсивного взаимодействия с ними.

На протяжении всего своего творческого пути Ж. Готтман демонстрирует возрастающую важность сетей и связей при объяснении пространственных процессов и формировании значимых мест (узлов), поэтому один из главных для него терминов — “циркуляция”⁵ (*circulation*), в англоязычных работах — “движение” (*movement*), которые во многом трактуются как коммуникация. Ж. Готтман полагает, что французский термин “циркуляция” (*circulation*) описывает всю совокупность движений в пространстве, охватывает все разнообразие, сложность и текучесть обменов; однако к сожалению, его фактический эквивалент в английском языке отсутствует⁶. “Движение” (*movement*) кажется ему слишком расплывчатым и общим термином для описания потоков людей, армий, материальных благ, капиталов, сообщений и идей в пространстве во всех направлениях и с разными целями, однако он не находит лучшего слова в английском языке для описания всех этих процессов.

² *Gottmann J. Geography and international relations // World Politics. 1951. Vol. 3. N 2. P. 162–163.*

³ *Gottmann J. Spatial partitioning and the politician's wisdom // International Political Science Review. 1980. Vol. 1. N 4. P. 435. DOI: 10.1177/019251218000100402.*

⁴ *Gottmann J. La politique des Etats et leur géographie. P., 2007. P. 223.*

⁵ *Gottmann J. La politique des Etats et leur géographie. P., 1952. P. 119, 215.*

⁶ *Gottmann J. The political partitioning of our world: an attempt at analysis // World Politics. 1952. Vol. 4. N 4. P. 515. DOI:10.2307/2008963.*

Одно из проявлений циркуляции — миграция, т.е. перемещения людей с континента на континент, из страны в страну, из сельской местности в город и из одного города в другой, которые постоянно отмечаются в пространстве и времени, и не выглядят хаотичными⁷. Действие циркуляции материализуется в сетях обмена благодаря единству географического пространства. Миграции рабочих, которые в стремлении к более высокой оплате труда перемещаются через международные границы, свидетельствуют, по словам Ж. Готтмана о том, что границы проницаемы⁸, а сила циркуляции весьма велика.

Еще одним важным понятием для исследователя является “доступность”. Он рассматривает возможность доступа как одну из центральных проблем и косвенную причину разделения пространства, т.е. появления границ⁹. Границы регулируют условия доступа, сообщество ограждает территорию от доступа “чужаков” к своей земле и ресурсам. Одновременно это же сообщество хочет получить доступ к пространству и ресурсам внешнего мира. Желание не пустить чужаков на свою территорию и одновременно проникнуть на соседнюю становится причиной многих социальных конфликтов.

Циркуляция осложняется не только конфликтами, но и самой иконографией, которая включает в себя культурную составляющую рассматриваемых процессов. Если циркуляция способствует движению, то иконография, наоборот, затрудняет его: “Изучение взаимосвязи между географией и политикой... неоднократно указывало нам на фундаментальную важность систем движения и систем сопротивления движению: системы движения образуют все, что мы называем циркуляцией в пространстве”¹⁰. Но исследователя также интересуют системы сопротивления движению, поскольку они рассматриваются как главные источники границ. Он называет иконографиями границы, которые состоят из ряда символов¹¹, но несмотря на свою абстрактность создают барьеры на пути циркуляции. Таким образом, разделение территории — явление, которое рассматривается им как конструируемое сознанием людей.

Дифференциация географического пространства и особенности политического поведения связаны с культурными или духовными различиями, которые Ж. Готтман называет “национальным духом”

⁷ *Gottmann J.* De la méthode d'analyse en géographie humaine // *Annales de Géographie.* 1947. N 301. P. 6.

⁸ *Gottmann J.* The significance of territory. Charlottesville, 1973. P. 139.

⁹ *Ibid.* P. 9.

¹⁰ *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. P., 1952. P. 214.

¹¹ *Ibid.*

(*national spirit*) или “региональным духом” (*regional spirit*): “Границы между соседними странами существуют потому, что каждая страна считает, что она отличается от другой. Этот национальный или региональный дух всегда состоит из многих компонентов: исторический фон и его интерпретация, общие для членов сообщества, но чуждые тем, кто находится за пределами его границ. Общая связь сохраняется и часто подкрепляется образованием, которое семья и школа дают молодым поколениям. Местная среда всегда играет роль основы такого национального или регионального духа, но важно и то, чему людей учат физические и социальные условия, в которых они живут”¹². Впоследствии упоминания о “региональном духе” вытесняет термин “иконография”, поскольку Ж. Готтман приходит к выводу, что «“дух” — это сложное понятие, использование которого может показаться довольно ненаучным»¹³.

Однако вне зависимости от того, какой термин используется для характеристики особенностей сообщества, очевидно, что исследователь рассматривает границы как следствие разницы в убеждениях — религиозных, социальных или политических, а часто и комбинации всех трех¹⁴. Эти убеждения и составляют основу иконографии, символики, отличающийся от той, которая значима для соседних сообществ. Убеждения в какой-то мере материализуются в видимых и узнаваемых объектах — своеобразных “иконах”. «“Иконография группы” содержит множество элементов: от национального флага до формы башни с часами и принятой социальной структуры, религиозных убеждений, образовательных принципов»¹⁵.

Иконография — это система множества разнообразных символов, в которые верит народ. Она включает в себя воспоминания о вызывающих гордость исторических событиях, основные положения преобладающей религии, общепринятые правила экономического поведения, сложившуюся социальную иерархию, героев, о которых рассказывают в школах, классическую литературу и т.д.¹⁶ Таким образом, иконография — это общее “заветное” наследие, фактор сохранения стабильности и сопротивления изменениям.

Иконография создается через передачу символов, ценностей и идей последующим поколениям, поскольку люди сами выбирают форму, в которой они “записывают прошлое для передачи после-

¹² *Gottmann J. Geography and international relation... N 2. P. 162–163.*

¹³ *Gottmann J. The political partitioning of our world... P. 516.*

¹⁴ *Gottmann J. Geography and international relations... P. 163.*

¹⁵ *Gottmann J. Géographie politique // Géographie Générale. Collection Encyclopédie de la Pléiade. Vol. 20. P., 1966. P. 1762–1763.*

¹⁶ *Gottmann J. The political partitioning of our world... P. 516.*

дующим поколениям”¹⁷. Иконографии позволяют сформировать идентичность и создать культурную солидарность, которые обеспечивают сообществу историческую преемственность, т.е. стабильность. Причем важна не только территориальная преемственность, не менее значимой является символическая, которая базируется на вере в официальную иконографию и, что важно, в осознании социальной справедливости¹⁸, которая может трактоваться сообществами по-своему. Поддерживая определенное представление о социальной справедливости, иконографии способствуют, в том числе, и воспроизводству определенной социальной структуры. Таким образом, иконографии играют важную роль в конституировании сообщества, имеющего свои специфические характеристики, помогающие отличить его от других.

Следовательно, по словам Ж. Готтмана, “разделенность мира”¹⁹ связана скорее с барьерами, которые находятся в умах. Территория отражает не только организационные проекты общества, но и его бессознательные компоненты, которые материализуются в пространственных структурах, и в способах деления пространства.

Еще одно важное понятие концепции Ж. Готтмана — “перекресток” (*carrefour*). Когда циркуляционные потоки пересекаются, они образуют перекрестки, или узлы в сети циркуляций, которые структурируют окружающее пространство. На перекрестках встречаются люди, идеи, товары и услуги²⁰. Перекрестки — это также места встреч процессов циркуляции и иконографии, которые помогают организовать движение и коммуникацию. Исследователь отмечает, что даже на обычных перекрестках дорог путешественники себя чувствуют некомфортно. Это перепутье, где можно выбрать разные направления дальнейшего движения, т.е. это места принятия значимых решений.

Ж. Готтман подчеркивает, что для анализа политических, экономических, культурных и других процессов необходимо рассматривать не только государства, но и регионы. Поэтому он и акцентирует внимание на региональной иконографии, поскольку главной единицей анализа он считает именно регионы. Поэтому логичным продолжением его концепции иконографии становится анализ мегалополиса, который рассматривается как главный “перекресток” в формирующейся урбанистической системе. Циркуляция

¹⁷ *Gottmann J.* The political partitioning of our world... P. 514.

¹⁸ *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. P. 159.

¹⁹ *Ibid.* P. 223.

²⁰ *Gottmann J.* Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. N.Y., 1961. P. 9.

способствует росту числа взаимодействий, а сети коммуникаций создают новую иконографию со своим особым образом жизни и новыми урбанистическими формами, в которых границы становятся более проницаемыми.

Наиболее значимым мегалополисом середины XX столетия Ж. Готтман считает территорию атлантического побережья США от Бостона до Вашингтона, которую он подробно рассматривает в своей самой известной работе 1961 г. “Мегалополис: урбанизированное северо-восточное побережье Соединенных Штатов”²¹.

Исследователь отмечает, что обширная густонаселенная полоса между Бостоном и Вашингтоном образовалась вследствие полного слияния еще недавно обособленных урбанизированных территорий, сформировавшихся вокруг больших городов²². Он считает это новым уникальным явлением и использует термин “мегалополис” для характеристики большого урбанизированного региона, хотя ранее данное понятие имело иной смысл. В 1915 г. британский ученый П. Геддес, а впоследствии и американский исследователь Л. Мамфорд критически отзываются о мегалополисах, рассматривая их как кризисный этап развития городов²³. П. Геддес называет огромные урбанизированные территории “удручающими скоплениями болезней и глупости, порока и апатии, лени и преступности”²⁴, и полагает, что здоровый и счастливый тип социального развития предполагает отказ от крупных урбанистических форм в пользу небольших городов²⁵.

Ж. Готтман указывает на то, что Л. Мамфорд называет мегалополисом общую тенденцию к укрупнению городских образований, с которой связывает негативные последствия для общества²⁶. Тем самым, исследователь демонстрирует знакомство с произведениями Л. Мамфорда и П. Геддеса. Тем не менее, подробное обсуждение всех возможных вариантов с коллегами заставляет его считать це-

²¹ *Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States.*

²² *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. N 3. P. 189.*

²³ *Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities. L., 1915; Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970; Idem. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989.*

²⁴ *Baigent E. Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis” // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. N 6. P. 689.*

²⁵ *Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities. L., 1915. P. 86.*

²⁶ *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 189.*

лесообразным использование термина “мегалополис” для описания обширного географического региона, который характеризуется интенсивным ростом нескольких городов и их постепенным слиянием в единое целое²⁷.

Для Ж. Готтмана концентрация является не причиной проблем, как для Л. Мамфорда, а наоборот, становится источником для развития. Он воспринимает мегалополис как “необычайно интересную естественную лабораторию”²⁸, тем самым, демонстрируя некую преемственность с идеями представителей Чикагской школы социологии. Исследователь рассматривает мегалополис как новые возможности, благоприятствующие инновациям, экспериментам и обмену знаниями и идеями.

Ж. Готтман приходит к выводу, что мегалополис является “колыбелью нового порядка в организации жилого пространства”²⁹, поскольку предполагает свободное и регулярное пересечение административных границ различных территориальных единиц, что требует анализа уже не городов, а урбанистических регионов в целом.

Как было сказано выше, Ж. Готтман использует термин “мегалополис” для описания интенсивно развивающегося урбанистического региона, простирающегося от Бостона до Вашингтона. Однако исследователь отмечает, что схожие образования формируются вокруг Лос-Анджелесса, Чикаго и других крупных американских городов³⁰. Таким образом, мегалополис рассматривается как новая форма урбанизации и географической организации мира, минимальная численность жителей которого начинается с 25 миллионов человек³¹. Мегалополисы по всему миру, по его мнению, объединяют самых богатых и наиболее образованных людей, которые будут способствовать дальнейшему развитию регионов и государств.

Ж. Готтман старается понять, что происходит с городами в экономиках и обществах, где ключевую роль играет сервисный сектор. Он призывает к изучению разнообразных услуг и влияния информационно-ориентированной экономической деятельности на организацию пространства, т.е. инициирует исследование особенностей урбанизации в постиндустриальном обществе.

²⁷ *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard.*

²⁸ *Ibid.* P. 190.

²⁹ *Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States.* P. 9.

³⁰ *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard.* P. 191.

³¹ *Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States.* P. 15.

Уже в начале 1960-х гг. Ж. Готтман пишет о том, что именно информация является “жизненной кровью коммерции”³². Исследователь указывает на то, что для мегалополиса стратегически важными являются коммерческие и финансовые функции³³, которые три десятилетия спустя подробно описывает С. Сассен как основные задачи глобальных городов³⁴. Тем самым, Ж. Готтман абсолютно верно определяет тенденции развития экономики и рынка труда. Вместе с тем, он отмечает, что успешное функционирование мегалополиса связано с выполнением функции культурного и образовательного центра, наличием известных университетов и современных лабораторий³⁵. Таким образом, для исследователя очевидно, что растет роль наукоемких технологий, именно они должны обеспечить мегалополису процветание.

Ж. Готтман демонстрирует, как меняется структура занятости, указывает на то, что происходит переход от рынка труда, на котором преобладают рабочие, производящие и обрабатывающие товары и материальные продукты, к работникам нового поколения, которые в большинстве своем участвуют в создании, обработке и управлении такими нематериальными активами, как информация и знания. Таким образом, происходит серьезная трансформация социально-экономической сферы, влекущая за собой изменение урбанистических форм.

Можно сделать вывод о том, что для Ж. Готтмана мегалополисы становятся отражением кардинальных изменений в обществе, связанных с трансформацией рынка труда. Развитие новых технологий, в первую очередь информационных, ведет к образованию урбанистических регионов, поскольку становится возможным новый образ жизни, характерный для них.

Следовательно, промышленная революция является одной из главных причин субурбанизации и образования мегалополисов³⁶. Механизация, автоматизация и новые технологии в разных сферах постоянно заменяют какую-то форму физического труда человека. Таким образом, постепенно меняются условия занятости, происходит не только увеличение доли белых воротничков, но и сокра-

³² *Gottmann J.* Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. P. 576.

³³ *Gottmann J.* Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 193.

³⁴ *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001.

³⁵ *Gottmann J.* Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 193.

³⁶ *Gottmann J.* Space, freedom, and stability // *International Political Science Review*. 1984. Vol. 5. N 2. P. 122.

щение времени трудовой занятости в течение дня, недели и года. Поэтому занятые в самых разных сферах получают возможность использовать больше своего времени по своему усмотрению, что создает гибкость в географическом пространстве, поскольку люди все чаще живут вдали от места работы: “Свобода передвижения во многом является результатом технического прогресса; это более свободное движение преодолело дистанцию и другие естественные барьеры; она пронизывает многие постоянные политические границы, которые толще и многочисленнее, чем естественные барьеры, движение работает на изменения, способствует большей текучести в разделенном пространстве”³⁷.

Вместе с тем, исследователь признает, что у мегалополиса есть не только преимущества, но и проблемы, которые необходимо решать. Он полагает, что многие из них можно преодолеть с помощью процесса планирования, причем планирования регионального, основанного на всестороннем исследовании высокоурбанизированных территорий, а не на частичном планировании, ограниченном пределами отдельного города.

Главные проблемы мегалополиса, которые называет Ж. Готтман, схожи с теми, которые существуют в отдельно взятых городах — это транспортные затруднения и теснота³⁸, наличие которых связано с социальным расслоением. Однако в мегалополисах эти проблемы, во-первых, приобретают больший масштаб, а во-вторых, встречаются с дополнительными затруднениями при их разрешении, требуя координации усилий местных властей разных административных единиц.

Одной из причин формирования мегалополисов Ж. Готтман называет еще одну социальную проблему — распространение преступности, что ведет к переселению семей из городов на периферию урбанизированных регионов³⁹. Новый образ жизни, который формируется в мегалополисе, предполагает ежедневное преодоление больших расстояний между домом, работой, торговыми центрами и т.д. Как следствие, растет загруженность дорог, поскольку этот новый образ жизни предполагает постоянные перемещения не преимущественно внутри городов, как прежде, но и между ними, причем на регулярной основе.

Ж. Готтман отмечает, что новые реалии требуют новых управленческих решений для преодоления существующих социальных

³⁷ *Gottmann J. Beyond megalopolis. Tokyo, 1994. P. 13–14.*

³⁸ *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 194.*

³⁹ *Ibid. P. 196.*

проблем, однако, управление по-прежнему осуществляется в пределах административных территориальных единиц: “Власти местного самоуправления и теория планирования в целом не приспособлены для борьбы с запутанностью новой ситуации... Город становится мозаикой разнообразных, но плохо отрегулированных частей, предлагая больше контрастов, чем гармонию”⁴⁰. Таким образом, одна из главных проблем, связанная с функционированием мегалополиса, — управление столь сложным образованием, состоящим из нескольких городов и прилегающих к ним территорий.

Ж. Готтман абсолютно верно указывает на то, что процесс планирования может сдерживать лишь физический рост города, но не может остановить рост взаимодействий между городами и регионами, которые оказываются экономически тесно связаны друг с другом. Исследователь отмечает, что мегалополис — это новая форма территориального образования и новая форма организации городской жизни, значение которой еще предстоит оценить⁴¹, но которую уже необходимо учитывать при принятии управленческих решений. Одна из главных характеристик мегалополиса — полицентричность, о переходе к которой в конце XX в. много пишут представители Лос-Анджелесской школы⁴², что усложняет как функционирование мегалополиса, так и управление им.

Таким образом, Ж. Готтман отмечает предпосылки процесса глобальной урбанизации, в результате которого формируется единое пространство, управляемое международными организациями, в центре которого находятся глобальные города. Исследователь одним из первых указывает на тенденцию перехода от изоляционизма (полиса) к космополитизму (мегалополису). Сегодня многие идеи Ж. Готтмана получают новое звучание, например, в трудах П. Ханна⁴³. Хотя сам Ж. Готтман называет своим единомышленником Э. Сойю⁴⁴, на труды которого он ссылается для подтверждения некоторых своих тезисов.

⁴⁰ *Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. P. 22.*

⁴¹ *Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard. P. 190–191.*

⁴² *Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 73.*

⁴³ *Вершинина И.А. Коннектография Парага Ханна: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 147–154.*

⁴⁴ *Gottmann J. The evolution of the concept of territory // Social Science Information. 1975. Vol. 14. № 3/4. P. 39. DOI: 10.1177/053901847501400302.*

Итак, Ж. Готтман прогнозирует изменение общества вследствие продолжающейся урбанизации⁴⁵. Мегалополисы — это новые территориальные образования, которые рассматриваются исследователем как результат социальной эволюции и перехода цивилизации на новый уровень. Одна из главных причин их появления — техническая революция, которая увеличивает скорость передвижения и обмена информацией.

Мегалополисы — это результаты урбанистической революции, которая формирует общество потребления, поглощающее пространство и время так же, как продукты питания и промышленные товары⁴⁶. Удовлетворение постоянно растущих потребностей требует усиления циркуляции и движения, которые охватывают все большие по размерам территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вершинина И.А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 75–85. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-2-75-85.

Вершинина И.А. Коннектография Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 147–154. DOI: 10.17223/1998863X/44/15.

Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4.

REFERENCES:

Baigent E. Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis” // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. N 6.

Corey K.E. Jean Gottmann, 1915–1994 // *Annals of the Association of American Geographers*. 1995. Vol. 85. N 2. DOI:10.1111/j.1467-8306.1995.tb01799.xa.

Geddes P. *Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities*. L., 1915.

Gottmann J. De la méthode d'analyse en géographie humaine // *Annales de Géographie*. 1947. N 301.

Gottmann J. *Geography and international relations* // *World Politics*. 1951. Vol. 3. N 2.

Gottmann J. *La politique des Etats et leur géographie*. P., 1952 (a).

⁴⁵ *Gottmann J.* *Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. P. 8.

⁴⁶ *Gottmann J.* *Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. P. 11.

Gottmann J. The political partitioning of our world: an attempt at analysis // World Politics. 1952. Vol. 4. N 4. DOI:10.2307/2008963 (b).

Gottmann J. Megalopolis or the urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. N 3.

Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. N.Y., 1961.

Gottmann J. Géographie politique // Géographie Générale. Collection Encyclopédie de la Pléiade. Vol. 20. P., 1966.

Gottmann J. The significance of territory. Charlottesville, 1973.

Gottmann J. The evolution of the concept of territory // Social Science Information. 1975. Vol. 14. N 3/4. DOI: 10.1177/053901847501400302.

Gottmann J. Spatial partitioning and the politician's wisdom // International Political Science Review. 1980. Vol. 1. N 4. DOI: 10.1177/019251218000100402.

Gottmann J. Space, freedom, and stability // International Political Science Review. 1984. Vol. 5. N 2.

Gottmann J. Beyond megalopolis. Tokyo, 1994.

Lyons R.D. Jean Gottman, 78, a geographer who saw a Northeast megalopolis. URL: <http://www.nytimes.com/1994/03/02/obituaries/jean-gottman-78-a-geographer-who-saw-a-northeast-megalopolis.html> (accessed: 15.01.2019).

Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970.

Mumford L. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L.; 1989.

Muscarà L. Territory as a psychosomatic device: Gottmann's kinetic political geography // Geopolitics. 2005. Vol. 10. N 1. DOI: 10.1080/14650040590907721.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001.

Simmel G. The sociology of space // Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997.

Vershina I.A. Ponyatijnyj apparat sociologicheskoy urbanistiki: kriticheskij analiz [The key concepts of urban sociology: a critical analysis] // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2015. N 2. P. 75–85. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-2-75-85 (in Russian).

Vershina I.A. Konnektografiya Paraga Hanny: seti gorodov v XXI veke [Parag Khanna's Connectography: Urban Networks in the 21st Century] // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta-Filosofiya-Sotsiologiya-Politologiya. 2018. N 44. P. 147–154. DOI: 10.17223/1998863X/44/15 (in Russian).

Vershina I.A., Polyakova N.L. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoy sociologicheskoy urbanistiki [Theoretical and methodological problems of contemporary urban sociology] // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2013. N 4. P. 60–84 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-49-70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.В. Кочетков, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Социологи обращаются к исторической социологии, чтобы объяснить те мирополитические реалии, которые остаются скрытыми для других теорий международных отношений. Однако в отечественной научной традиции историки, социологи и международники уделяют ей незаслуженно мало внимания, несмотря на то, что наука о международных отношениях находится на стыке истории и социологии. Настоящая статья призвана в какой-то степени компенсировать недостаток сведений об этом интереснейшем и перспективном подходе к изучению международных отношений. Автор формулирует понятие “исторической социологии” и характеризует три основных направления в ее развитии. Первое направление отдает приоритет в объяснении международных отношений таким факторам, как типы власти и способы производства. Второе направление рассматривает события международной жизни сквозь призму нравственности, культуры, эмоций и других духовных компонентов. Третье направление стремится объединить первые две группы исследовательских подходов в рамках единой объяснительной базы.

Ключевые слова: историческая социология, историческая психология, эмоциология, процессная социология Н. Элиаса, традиционные и современные государства, типы власти и способы производства, мораль и нравственность в мировой политике.

* Кочетков Владимир Викторович, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE INTERPRETATION OF THEORIES OF HISTORICAL SOCIOLOGY

Kochetkov Vladimir V., Doctor of Sociology, Professor of Sociology of International Relations Department, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

International affairs specialists turn to historical sociology to explain the world political realities that remain hidden to other theories of international relations. However, in the national scientific tradition, historians, sociologists, and international affairs specialists give it unjustly little attention, despite the fact that the science of international relations is at the intersection of history and sociology. This article intended to compensate to some extent for the lack of information about this most interesting and promising approach to the study of international relations. The author formulates the concept of historical sociology and characterizes three main directions in its development. The first direction gives priority to the explanation of international relations of such factors, as types of power and methods of production. The second direction considers the events of international life through the prism of morality, culture, emotions and other spiritual components. The third direction seeks to unite the first two groups of research approaches within a single explanatory framework.

Key words: *historical sociology, historical psychology, emotionology, process sociology of N. Elias, traditional and modern states, types of power and methods of production, morality and ethics in world politics.*

Историческая социология — направление социологии, изучающее то, как структуры общества развиваются в историческом процессе¹. От других традиций изучения международных отношений историческую социологию отличает фокус внимания на длительных фундаментальных исторических закономерностях. В основе исторической социологии лежит концепция “исторической долговременности” (*la longue durée*²) французского историка Ф. Броделя³. Эта концепция исследует медленно развивающиеся и зачастую едва заметные события, которые иногда игнорируются представителями “канонических парадигм” при анализе важнейших проблем современности. Ф. Бродель писал, что “события — это пыль,

¹ Kelly D. Karl Marx and Historical Sociology // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin E. L., 2003. P. 11–26.

² Длительная временная протяженность (фр).

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.) Т. 1. М., 2006.

даже великие события”. По его мнению, исторические события не имеют смысла до тех пор, пока не включены в ритмы *conjunctures*⁴ и в тенденции *la longue durée*⁵. С точки зрения исторической социологии, другим теориям международных отношений присущи три основных недостатка: *презентизм*, *хронофетишизм* и *темпоцентризм*. *Презентизм* — это сосредоточение исследователя на текущих событиях, изучаемых в краткосрочной перспективе. Событие при этом вырывается из исторического контекста и изучается вне связи с фундаментальными закономерностями⁶. Например, невозможно корректно охарактеризовать современное возвышение Китая вне анализа его прошлого и конфуцианских традиций. *Хронофетишизм* — это убеждение, что порядок международных отношений, который существует в настоящее время, является единственно возможным и неизменным. Например, взаимодействие народов во времена Римской Империи и в Средневековой Европе представители других теорий международных отношений объясняют на основе тех же принципов. *Темпоцентризм* — иллюзия однородности всех систем международных отношений на основании моделей, которые являются преобладающими сегодня⁷. Например, неверно переносить опыт и оценки, полученные на основе анализа Вестфальской системы, на совсем другие эпохи.

Неизменная ориентация исторической социологии на долгосрочные перспективы объясняется тем, что, с ее точки зрения, отличительные и уникальные черты современного мира будут непонятны до тех пор, пока они не будут включены в широкий исторический контекст. Отличительной особенностью исторической социологии является объединение знаний по различным дисциплинам, прежде всего, истории, социологии и науки о международных отношениях. Это необходимо для того, чтобы понять, как человечество прошло путь от племен (небольших изолированных сообществ численностью не более нескольких десятков человек) до сложных форм современной глобальной взаимозависимости всего человечества. Историческая социология изучает также, как отношения между государствами зависят от этого долгосрочного процесса и влияют на него. Представители исторической социологии считают, что на

⁴ Стечение обстоятельств (фр).

⁵ Длительная временная протяженность (фр).

⁶ *Elias N. The retreat of sociologists into the present // The Norbert Elias Reader / Ed. by J. Goudsblom, S. Mennell. Oxford, 1998. P. 11–39.*

⁷ *Hobden S. International relations and historical sociology: breaking down boundaries. L., N.Y., 1998; Hobden S., Hobson J. Historical sociology of international relations. Cambridge, 2001.*

основе понимания долгосрочных процессов могут быть сформулированы закономерности, благодаря которым можно объяснить такие явления, которые для представителей остальных теорий международных отношений оказываются необъяснимыми. Историческая социология обобщает основные трактовки конкретных эпох и событий, с тем чтобы проследить развитие человеческого общества на протяжении столетий или тысячелетий.

Историческая социология берет свое начало в социологии классической. Классическая социология возникла как реакция на коренные социальные изменения европейского общества, которые начались в конце XVIII — начале XIX вв. Главными среди них являются индустриализация, демократизация, урбанизация, бюрократизация и индивидуализация⁸. Первые социологи сосредоточились на переходе от “естественной общины” (*Gemeinschaft*) к “искусственному обществу” (*Gesellschaft*) (Фердинанд Тёнис⁹), от “статуса” к “контракту” (Генри Мейн), от “феодализма” к “капитализму” (Карл Маркс¹⁰), от “механической” к “органической” солидарности (Эмиль Дюркгейм¹¹), и от “традиционных” к “легальным” формам господства (Макс Вебер¹²). Все классические социологи пытались понять, как традиционные социальные связи ослабевали по мере наступления “денежных отношений” между людьми в капиталистическом обществе. Проведенный К. Марксом анализ перехода от феодализма к капитализму показал, как отношения господства и подчинения были заменены договорными отношениями между капиталистом и пролетарием. М. Вебер показал, что в условиях бюрократизации традиционные общественные отношения заменяются на рационально-правовые связи. В то время как К. Маркс считал, что существующие тенденции указывают на торжество социализма, М. Вебер утверждал, что социалистические общества, точно также как и капиталистические, не смогут избежать возрастающей бюрократизации. Выступая против классового подхода К. Маркса, М. Вебер подчеркивал влияние религиозных идей на социальные и политические изменения. Анализ этики кальвинизма привел его к выводу о родстве между протестантским мировоззрением и устоями

⁸ *Nisbet R.* The sociological tradition. N.Y., 1966.

⁹ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229.

¹⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: В 3-х т. Т. 1. М., 1978. С. 39.

¹¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 160.

¹² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. Т. 1. М., 2018. С. 226.

капитализма. Это позволило открыть уникальные закономерности экономического и политического развития на современном Западе. М. Вебер понимал влияние политики силы и национализма на международные отношения. Классическая социология возникла в период относительной международной стабильности, когда многие ученые считали, что рост промышленности и торговли может привести к вечному миру и глобализации. Например, еще А. Сен-Симон высказывал мнение о том, что история является переходом от племени к государству и дальнейшему объединению всего человечества¹³. Однако позже, в XX в., такие международные потрясения, как I Мировая война, а затем II Мировая война, и последующие за ними холодная война с распадом СССР, поколебали уверенность в мирном будущем международных отношений. Поэтому Т. Адорно позже напишет, подчеркивая возрастающие угрозы международной безопасности, что история — это переход “от рогатки к атомной бомбе”¹⁴.

Исследования в рамках исторической социологии отличаются продолжительностью исследуемого периода. Некоторые представители исторической социологии исследуют развитие современного мира в течение нескольких последних веков¹⁵. В качестве примера можно привести исследования мировой капиталистической системы И. Валлерстайна¹⁶, работы Ч. Тилли об увеличении политической роли современных государств¹⁷, И. Тэшке об особенностях Вестфальской мировой системы¹⁸. Например, И. Валлерстайн заметил, что смена мирового гегемона происходит по результатам тридцатилетних мировых войн. Так, Голландия стала мировым гегемоном в результате войны с Габсбургами с 1618 г. до 1648 г. После наполеоновских войн с 1792 г. до 1815 г. интересы Великобритании восторжествовали над интересами Франции. В результате долгих евроазиатских войн и революций с 1914 г. по 1945 г. интересы США одержали верх над интересами Германии¹⁹. В результате каждой из этих мировых войн

¹³ Сен Симон А. Очерк науки о человеке // Сен Симон А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. С. 146–208.

¹⁴ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.

¹⁵ Eisenstadt S.N. The political systems of empires. L., 1963.

¹⁶ Валлерстайн И. Три случая гегемонии в истории капиталистической макроэкономики // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 98–102.

¹⁷ Tilly C. Coercion, capital and European States: AD 1990–1992. Oxford, 1992.

¹⁸ Teschke B. Geopolitical relations in the European Middle ages // International Organization. 1998. Spring. Vol. 52. N 2. P. 325–358.

¹⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 100–102.

происходила смена международной системы (Вестфальская система, Священный союз европейских государств после Венского конгресса, Ялтинско-Потсдамская система). Все эти системы создавались гегемонами для обеспечения стабильности в собственных интересах. В упадок международные системы приходят также по одному и тому же сценарию. Вначале лидерство гегемона оказывается разрушенным экономически. Прежде всего, падает эффективность промышленного производства, а затем теряют преимущества в конкурентной борьбе и сдают международные позиции торговые и финансовые сферы экономики. В конце концов, это приводит к пересмотру отношений с бывшими союзниками, и с таким терпением и тщательностью созданные гегемоном “под себя” союзы и коалиции распадаются. На смену старой международной системе приходит другая с новым гегемоном во главе, и цикл повторяется. После заката гегемонии, как правило, возникают две державы — кандидаты в новые гегемоны: Англия и Франция после гегемонии Голландии, США и Германия после гегемонии Великобритании, и в настоящее время Китай и Европа после гегемонии США. Окончательный победитель превращает прежнего гегемона в своего “младшего партнера”: Англия — Голландию, США — Великобританию. Вопрос о том, кто превратит США в своего “младшего партнера”, пока остается открытым. По нашему мнению, подобные исследования позволяют исторической социологии на основании выявленных закономерностей прогнозировать будущее международных отношений.

Известные представители исторической социологии Э. Тодд и Р. Арон сравнивают между собой исторические эпохи и политические системы в течении нескольких тысячелетий²⁰. Например, французский социолог Э. Тодд²¹ в книге “После империи” с подзаголовком “*Rex Americana* — начало конца”, вышедшей в издательстве “Международные отношения” в 2004 г., проводит параллели между древнегреческой и древнеримской империями и современными США. По его мнению, из защитника и гаранта стабильности всего мира, какими они были до середины 1970-х гг., США превратились в источник проблем и хаоса. Э. Тодд считает, что к настоящему времени США достигли стадии “хлеба и зрелищ”, а не новой информационной экономики. Рост плутократии и расширение плебса привело к поляризации американского общества по типу Древнего Рима. Огромный внешнеторговый дефицит и все увеличивающийся государственный

²⁰ Eisenstadt S.N. Op. cit.

²¹ Todd Э. После империи. *Rex Americana* — начало конца. М., 2004.

долг свидетельствуют о возрастающей зависимости США от остального мира. В международном разделении труда американцы специализируются не на производстве (в самих США производятся только голливудские фильмы и различного рода услуги), а потреблении — в экономическом плане США превратились в своеобразную “черную дыру”, куда стекаются разнообразные товары (от нефти до продуктов повседневного спроса) со всего мира. Однако ресурсов, необходимых для того, чтобы контролировать остальной мир, у современных США недостаточно и становится все меньше. По мнению Э. Тодда, Америке не хватает “имперских” ресурсов двух видов.

Во-первых, ее возможности военного и экономического принуждения недостаточны, чтобы сохранять нынешний уровень эксплуатации планеты. Войны, которые ведут США, Э. Тодд называет “театральным микромилитаризмом”, поскольку боевой опыт США ограничивается “театральными постановками” с заведомо более слабым противником²². Поэтому они напоминают скорее компьютерные игры, предназначенные для трансляции американскими СМИ внутренней аудитории, а не реальные боевые действия. США проводят в основном воздушные и морские операции, но контролировать остальные страны без действий на суше невозможно.

Во-вторых, не позволяют США поддерживать имперский статус претензии на исключительность. Одной из основ империи является способность относиться на равноправной основе ко всем населяющим ее народам. Это делает возможным постоянное расширение границ путем интеграции завоеванных. Успех Рима и крушение Афин объясняются расширением возможностей получить римское гражданство и сужением — афинского²³. В результате своих рассуждений Э. Тодд приходит к выводу, что к 2050 г. американская империя прекратит свое существование²⁴. Автор данной статьи солидаризируется с этими идеями Э. Тодда и полагает, что подобные прогнозы имеют важное значение для социологии.

Известный французский социолог Р. Арон писал, что международные системы на каждом этапе имеют общее и различное. Сравнивая отношения между греческими полисами, европейскими монархиями XVII в., государствами Европы XIX столетия, взаимодействие современных ему политических систем Востока и Запада, он искал в них повторяемость, которая позволила бы выявить общие закономерности. На основе этих закономерностей Р. Арон делает

²² Тодд Э. Указ. соч. С. 80.

²³ Там же. С. 68.

²⁴ Там же. С. 45.

важные предположения о развитии международных отношений в будущем²⁵.

Наиболее долговременные исследования в рамках исторической социологии изучают весь ход истории человечества. Примерами этого подхода являются исследование развития власти за последние пять с половиной тысячелетий М. Манна²⁶, а также анализ международных отношений между политическими сообществами на протяжении тысячелетий Й. Фергюсона и Р. Мансбаха²⁷, А. Уотсона²⁸. Фундаментальное произведение М. Манна “Источники социальной власти” в 2018 г. переведено на русский язык и служит прекрасным источником сведений об исследованиях, ведущихся в зарубежной исторической социологии²⁹.

На всех вышеописанных уровнях исторической социологии изучается изменение типов власти в истории международных отношений, что выражается прежде всего в появлении и развитии государств. Сегодня невозможно представить мировую политику без государств. Однако на протяжении большей части человеческой истории государств не существовало. Ни в первобытных племенах, ни в сельскохозяйственных общинах не было политических органов власти, которые составляют сущность государства. При этом беспорядка не возникало, поскольку функционировали неформальные, прежде всего семейные, механизмы управления. Небольшие сообщества занимали лидирующие позиции в истории человечества вплоть до относительно недавнего времени, приблизительно с 3500 по 1500 гг. до н.э., когда число людей, занимающихся охотой и собирательством сократилось примерно до 1% от общей численности населения земли³⁰. С этой точки зрения формирование больших общественных систем, повышение уровня взаимозависимости, расширение сферы эмоциональной идентификации так же, как и изобретение разрушительных методов ведения войны были обусловлены аграрной революцией, которая последовала за последним ледниковым периодом. Различные исследователи подчеркивают колоссальные социальные и политические потрясения, которые были

²⁵ Арон Р. Мир и война между народами / Под ред. В.И. Даниленко. М., 2000.

²⁶ Манн М. Источники социальной власти: В 4-х т. М., 2018; Mann M. In praise of macro-sociology: reply to Goldthorpe // British Journal of Sociology. 1994. Mar. Vol. 45. N 1. P. 37–54.

²⁷ Ferguson Y.N., Mansbach R.W. Politics, authorities, identities and change. Columbia, 1996.

²⁸ Watson A. The evolution of international society. L., 1993.

²⁹ Манн М. Указ. соч.

³⁰ Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2000. С. 391.

обусловлены повышением роли городов вначале в Месопотамии около 3500 г. до н.э., а затем в других регионах мира³¹. Английский социолог Э. Гидденс таким образом описывает развитие человеческого общества: “Человечество существует на Земле около полумиллиона лет. Земледелие — необходимая основа существования оседлых поселений — лишь около двенадцати тысяч лет. История цивилизаций насчитывает не более шести тысячелетий. Если мысленно представить все время существования человечества как одни сутки, то окажется, что земледелие было изобретено в 23 часа 56 минут, цивилизации появились в 23 часа 57 минут, а современные общества в 23 часа 59 минут 30 секунд”³².

Первые, так называемые традиционные государства, возникли в результате повышения эффективности труда, приведшего к появлению излишков продуктов и социальному неравенству. Происхождение первых государств неразрывно связано с возникновением городов, в которых концентрировалась политическая власть (например, находилась военная ставка или центр сбора дани). Неслучайно слово “политика” произошло от греческого слова “Πολις” — “город”. В отличие от предшествующих обществ, довольствовавшихся *status quo*, традиционные государства имели экспансионистский характер и интеграционную миссию. Они стремились распространить свои ценности так далеко, как это было возможно.

Переход от традиционных к современным государствам начался в 1648 г., когда был подписан Вестфальский мирный договор. В нем впервые было сформулировано понятие суверенитета (от фр. *souveraineté* — “верховная власть, господство”) как верховенства государства во внутренней и независимости во внешней политике. Возникла Вестфальская мировая система, основанная на принципе юридического равенства суверенных государств, которая существует до настоящего времени. Постепенно понятие суверенитета модернизировалось. В конце XVIII в. в результате буржуазных революций суверенитет перешел от монарха к нации. Все современные государства устроены по национальному признаку. Нации, по определению английского конструктивиста Б. Андерсона, — воображаемые сообщества (*Imagined Communities*). Когда буржуазия свергла власть аристократии, она столкнулась с тем, что общество, которое досталось ей в управление, ничем не объединено, поскольку прежние ценности и верования были свергнуты вместе с аристократией.

³¹ The human past: world prehistory and the evolution of human societies / Ed. by C. Scarre. L., 2005.

³² Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 372.

Для того чтобы сплотить атомизированное разобщенное общество, буржуазия изобрела миф о единстве и со всей мощью доставшегося ей в управление государственного аппарата стала внедрять его в сознание населения, используя систему образования, СМИ, права. Переписывалась история, подтасовывались факты, победы преувеличивались, поражения преуменьшались или вовсе замалчивались, прежние герои свергались со своих пьедесталов, новые, наоборот, на них возводились³³.

Взаимозависимость между формированием национальных государств и развитием капиталистического способа производства вскрывает И. Валлерстайн в своей работе «Государства в институциональном водовороте капиталистической мироэкономики»³⁴. По его мнению, возникновение современных национальных государств является следствием развития капиталистической миросистемы. Эта миросистема возникла в Европе в XVI в., сменив предыдущую феодальную миросистему, находившуюся в кризисе. Национальное государство — прямое следствие капитализма.

Государство является институтом, созданным отражать потребности акторов мироэкономики. Государство — самый подходящий институт для продвижения интересов рыночных групп. Именно государства устанавливают международные правила и вмешиваются в дела более слабых государств, если те пытаются установить более благоприятные для себя условия. Сначала государства были аморфными, затем их границы и правила становились все более четкими. Эта тенденция достигла своего максимума в Организации Объединенных Наций.

Отличительной особенностью современного государства является его существование в рамках межгосударственной системы. Межгосударственная система — это система сдержек, ограничивающих возможности государственной машины принимать решения. Хотя правовой основой современной (Вестфальской) миросистемы является принцип суверенитета, на практике государства не являются ни равными, ни суверенными. Государства политическими и военными средствами навязывают друг другу ограничения возможностей влиять на закон стоимости, лежащей в основе капитализма.

По мнению большинства ученых, международная система анархична. Однако если смотреть не на лежащую на поверхности

³³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

³⁴ Валлерстайн И. Государства в институциональном водовороте капиталистической мироэкономики // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 401–413.

политику, а на глубинную экономику, мировая система действует в соответствии с четкими правилами. Государства создали правовые механизмы присвоения прибавочной стоимости и институты социализации детей в классы капиталистов или пролетариев. И те и другие нуждаются в помощи государственной машины для достижения своих интересов. Международные акторы стремятся определять свои интересы в терминах статусных групп. Наиболее эффективная сегодня статусная группа — нация.

Поскольку государства существовали не всегда, логично предположить, что они не всегда будут существовать в будущем. Каким же будет мир без государств? Наиболее вероятными представляются три сценария:

1) *Мировое государство, управляемое мировым правительством.* Прообразом может служить ситуация, если усилится роль ООН в международных отношениях — например, у нее появятся собственные налогооблагаемая база и вооруженные силы.

2) *Глобальное гражданское общество.* Первые ростки гражданского общества появились одновременно с возникновением национальных государств и развивались параллельно и благодаря им. Основным элементом и национального государства, и гражданского общества являются граждане. Однако на определенном этапе развития гражданского общества нация становится помехой ему, поскольку отвлекает силы и ресурсы на межнациональную конкуренцию. Сегодня глобальное гражданское общество продвигается идеологией прав человека, пацифизма и либерализма.

3) *Многополярный мир цивилизаций.* Гражданское общество — порождение западной цивилизации. Там оно высоко развито. Однако в настоящее время более быстрыми темпами развиваются страны БРИКС. Если Запад утратит свое лидирующее положение, то сценарий гражданского общества будет снят с повестки дня. Мир окажется поделен на цивилизации — автаркичные образования с отличающимися ценностями и религиями.

Значительное внимание историческая социология уделяет изменению способов производства. К. Маркс пытался найти логику движущих сил развития человеческих обществ. И он ее нашел в развитии производительных сил и способов производства. Технический прогресс и научные открытия являются, согласно К. Марксу, базисом отношений между людьми, в том числе международных отношений. Например, изобретение парового двигателя привело к фабричному способу производства, что изменило характер труда, взаимоотношения между людьми и в конечном счете международные отношения и мировую политику.

Важным направлением исторической социологии является исследование эволюции морали в развитии международных отношений. Международная мораль — система норм, санкций, образцов поведения, выполняющих функцию социального контроля и регулирования международных отношений. Моральные нормы — это нравственные императивы, требования определенного поведения, основанные на принятых в международном сообществе представлениях о добре и зле, о должном и непозволительном. В развитии международных отношений мораль претерпела значительную эволюцию. Как и международное право, мораль берет свое начало из религиозного источника и является продуктом постепенной рационализации религиозных ценностей. Становление международной морали происходило одновременно с формированием государства. Многие правила поведения в межгосударственных отношениях заимствовались из личной морали. Международная мораль включает компоненты профессиональной морали: дипломатической, парламентской, политической и военной.

Н. Макиавелли настаивал на том, что государственный деятель, призванный защищать интересы государства, не может выполнить свою задачу, не прибегая ко лжи и обману, насилию и злу³⁵. Т. Гоббс рассматривал взаимодействие государств как сферу непримиримых конфликтов, в том числе и моральных. Он считал, что человек — существо эгоистичное, агрессивное, жадное, трусливое. Поэтому естественное состояние человеческого общества — это война всех против всех и каждого против каждого. Для того чтобы спасти себя в этой кровавой братоубийственной войне, люди пришли к осознанию необходимости заключения между собой общественного договора, согласно которому они добровольно передают часть своих прав и полномочий высшей инстанции — государству. Оно обеспечивает безопасность, но может выйти из-под контроля своих создателей, и тогда появляется в образе страшного морского чудовища — Левиафана, пожирающего своих подданных³⁶.

М. Вебер утверждал, что дилемма социальной морали заключается в том, что «всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным максимам: оно может быть ориентировано либо на “этику убеждения”, либо на “этику ответственности”»³⁷. Большинство людей в своей повседневной жизни руководствуются этикой убеждения — поступают в

³⁵ *Макиавелли Н.* Государь. М., 2018.

³⁶ *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017.

³⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.

соответствии со своими нравственными установками. Однако политические лидеры в мировой политике должны следовать этике ответственности, поскольку отвечают перед выбравшим их народом для того, чтобы представлять и защищать его интересы. Политик, забывающий об интересах доверяющих ему людей, и поддающийся разговорам об абстрактных идеалах и общечеловеческих ценностях, не достоин называться политиком. Анализируя проблему соотношения морали и политики, М. Вебер обращает особое внимание на необходимость постоянно помнить о различиях между целью и средствами, лежащих в этической сфере. С этим соглашались политические реалисты. Так, Р. Арон писал: «Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение “хороших” целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться с использованием как нравственно сомнительных средств, так и с возможностью скверных побочных действий. Ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель “освящает” этически опасные средства и побочные следствия»³⁸. Представители политического реализма придерживались взглядов М. Вебера при изучении морали, согласно которым свойственная политической морали необходимость прибегать к плохим средствам находит логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего государства, М. Вебер не только устраняет из этой сферы моральный выбор по поводу целей государственной внешней политики, но и фактически переносит этот выбор в область средств, где он ограничен, поскольку решающим средством политики выступает насилие. М. Вебер писал: “Идеи подобны стрелочнику, определяющему динамику интересов, которые будут детерминировать действия”³⁹.

Не менее важны аргументы М. Вебера о взаимосвязи между мировыми религиями и так называемой двойственностью внутренней и внешней морали, которая имеет центральное значение для понимания международных отношений. М. Вебер утверждал, что принцип “Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе” применяется только внутри своих сообществ. Однако по отношению к другим обществам этот принцип не только может, но и должен нарушаться. Право отойти от этой этики всегда реализовывалось во взаимоотношениях с другими сообществами. Именно на этом основан принцип суверенитета. Хотя такие мировые религии, как

³⁸ Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000. С. 33.

³⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 625.

христианство и ислам, и призывали к всеобщему братству, утверждая, что этот принцип должен применяться ко всем людям, включая врагов, на практике этот принцип часто нарушался. Эти аспекты социологии религии М. Вебера важны для понимания сегодняшней напряженной ситуации между секуляризацией и религиозным возрождением во многих странах мира⁴⁰.

В своей ранней работе по реабилитации исторического материализма Ю. Хабермас рассматривает структуру и эволюцию нравственных принципов от клановых групп, первых государств и империй до современных глобальных социальных систем. Центральным в исследовании Ю. Хабермаса является вопрос разработанности нравственных обязательств общества перед всеми, кто пострадал от его действий, включая граждан других стран⁴¹.

К. Холсти⁴² различает три уровня, на которых поведение международного актора зависит от моральных норм: 1) уровень целей, провозглашаемых правительством (мир, справедливость), 2) уровень методов действия (одни государства допускают применение военных средств для достижения своих целей, а другие — нет), 3) ситуационный уровень — все решения, принимаемые “здесь и теперь”. П.А. Цыганков отмечает, что именно последний уровень “важнее всего в этическом плане, так как именно здесь проявляется способ достижения государством своих целей, и этика кажется наиболее применимой к международной политике”⁴³. Однако по-нашему мнению, этические нормы влияют на международные отношения независимо от уровня.

Нравственные нормы на подсознательном уровне воплощаются в эмоциональной жизни человека, порождая чувства стыда, вины, негодования и сострадания. Потрясения в международной системе могут порождать у людей множество эмоций: страха, паники, ощущения собственного превосходства и исключительности. Еще в 1920-е гг. французский историк Л. Февр исследовал, как страх и жалость, жестокость и сострадание менялись в разные исторические эпохи⁴⁴. Это направление получило название “историческая психология”. В настоящее время эмоции, испытываемые

⁴⁰ Turner B. Historical sociology of religion: politics and modernity // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, I. Isin. L., 2003. P. 349–363.

⁴¹ Habermas J. Communication and the evolution of society. Boston, 1979. P. 140.

⁴² Holsti K.J. International politics: a framework for analysis. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1983.

⁴³ Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М., 1994.

⁴⁴ Февр Л. История и психология // Бои за историю. М., 1991. С. 97–125.

участниками международных отношений, изучает специальная отрасль исторической социологии, называемая “эмоциологией”⁴⁵. Так, Г. Рэймонд изучал влияние чувств вины, стыда и сострадания на поведение государств в рамках международного сообщества⁴⁶. Н. Крауфорд исследовал, как изменение оценки людей относительно применения силы в международных отношениях способствовало прекращению трансатлантической работорговли и колониализма, а также содействовало международной защите прав меньшинств и коренных народов⁴⁷.

Помимо этого, возросшему значению морали и нравственности человечество обязано делегитимизацией колониализма и рабства — двух явлений, которые были широко распространены в практике международных отношений. Представитель исторической социологии Дж. Хобсон показывает, что все теории международных отношений до 1945 г. строились на расистском отождествлении европейской истории с историей всего человечества. Согласно его исследованиям, после 1945 г. неприкрытый расизм внешне изменился и сегодня он скрывается за терминами “помощь третьему миру”, “модернизация”, “развитие”, “структурная подстройка”, “глобализация”, “демократизация”⁴⁸. Поэтому принцип суверенитета в настоящее время применяется избирательно. В полной мере он действует лишь по отношению к развитым западным государствам, у остальных участников международных отношений он частичный. И если в колониальную эпоху право на захват чужих территорий оправдывалось “дикостью” и “варварством” проживающего там населения, то сегодня “гуманитарное”, и даже военное вторжение на территорию суверенных Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии и Сирии Запад связывает с необходимостью защиты там прав человека. Однако историческая социология призвана отличать истинные причины от поводов.

Анализ постколониализма подчеркивал пагубные последствия прогрессистских установок в отношениях между “передовыми” и “отсталыми” обществами. Представления о рациональности запад-

⁴⁵ *Bleiker R., Hutchison E.* Fear no more: emotions and world politics // *Review of International Studies*. 2008. Jan. Vol. 34. Special Iss. S1 (Cultures and Politics of Global Communication). P. 115–135.

⁴⁶ *Raymond G.A.* Problems and prospects in the study of international norms // *Mershon International Studies Review*. 1997. Vol. 41. P. 205–245.

⁴⁷ *Crawford N.C.* *Argument and change in world politics: ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge, 2002.

⁴⁸ *Hobson J.M.* *The Eurocentric conception of world politics: western international theory, 1760–2010*. Cambridge, 2011.

ных и иррациональности незападных обществ были неотъемлемой частью расистской идеологии колониальных завоеваний.

Социологическая концепция Н. Элиаса, которую он называет процессной социологией, позволяет объединить влияние на международные отношения материальной силы и производства, с одной стороны, а также нравственности, культуры, национальных особенностей, морали и эмоций, с другой стороны⁴⁹. Н. Элиас прослеживает события европейской истории с XV по XX в. Начиная с эпохи Модерна европейцы считали, что они опережают в развитии своих средневековых предшественников, а позже — все неевропейские народы. Н. Элиаса интересовали долгосрочные процессы, которые привели к таким представлениям. Средневековая Европа представлялась Н. Элиасом зоной конфликта из-за отсутствия монополии силы. Феодалные войны привели к территориальной концентрации власти и введению принципа суверенитета в 1648 г. Процессы монополизации власти привели к внутригосударственному умиротворению, строительству городов и развитию торговли. В результате все больше и больше людей стало вовлекаться в сложное социальное разделение труда. Безопасность людей стала меньше зависеть от внешнего принуждения, что привело к повышению уровня их самоконтроля. Ограничение на насилие стало частью базовой структуры личности вначале элиты, а затем и всех остальных социальных страт⁵⁰.

Изменения в эмоциональной жизни были центральными в цивилизационном процессе как в появлении постоянных монополий власти (суверенных государств), так и в удлинении цепочек взаимодействия. Механизмы принуждения не утратили своей прежней значимости, но стали завуалированы, поскольку те, кто контролирует инструменты насилия, отошли на второй план. В условиях длительного мира различные социальные группы пришли к убеждению, что жестокость и насилие несовместимы с цивилизацией. В итоге во многих обществах были ликвидированы публичные телесные наказания и приведение в исполнение приговоров о смертной казни, а затем и сама смертная казнь. Жестокость по отношению к животным и детям была объявлена вне закона. Сравнительно со Средневековьем, когда элита не беспокоилась о

⁴⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.

⁵⁰ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002. С. 146.

потерях среди своих подданных и эксплуатации собственного народа, современные общества свидетельствуют о расширении сферы эмоциональной идентификации между социальными группами внутри национальных обществ и даже за их пределами, пока еще в несущественной, но уже заметной степени⁵¹.

Н. Элиас выделялся среди социологов своего поколения интеграцией внутренней и международной политики в рамках одной теоретической системы. Красной нитью в трудах Н. Элиаса проходит мысль о том, что человеческие общества постоянно идентифицируются с теми единицами (группами, объединенными родственными связями, городами-государствами, современными национальными государствами), которые предлагают механизмы защиты от внутренних и внешних угроз. Обращаясь к позиции М. Вебера относительно нравственных качеств, он утверждал, что большинство сообществ обладает двойным стандартом морали, запрещая убийства представителей своей группы, но в то же время разрешая, а иногда и активно поощряя насилие в отношении внешних сообществ. Со временем количество международных акторов, обладающих реальным суверенитетом, стало уменьшаться, а их мощь — расти. В перспективе эта тенденция глобализации ведет к образованию мирового государства⁵².

Последний тезис рассматривается Н. Элиасом в качестве центрального для объяснения развития современных европейских обществ при изучении истории человечества в целом. Однако история человечества богаче, чем просто развитие суверенных государств, эволюция в применении насилия и изменения в структуре экономической жизни. Долгосрочные тренды привели к более высокому уровню взаимозависимости не только внутри общества, но и между обществами. Уничтожение противников и территориальное расширение власти, развитие экономических и социальных связей, а также усиление международных институтов свидетельствовали о долгосрочной тенденции к глобализации человеческого общества в целом⁵³. Увеличивающаяся взаимозависимость внутри социальных систем, функционирующих в условиях мира, приводит к необходимости создания национальных институтов, которые разработают направления дальнейшего развития⁵⁴. Увеличилась эмоциональная

⁵¹ Элиас Н. Придворное общество... С. 182.

⁵² Там же. С. 45.

⁵³ Mennell S. The globalization of human society as a very long-term social process. *Elias's Theory' // Theory, Culture and Society*. 1990. Vol. 7. N 2–3. P. 359–371.

⁵⁴ Mennell S. *The American civilizing process*. Cambridge, 2007.

идентификация между членами общества, особенно в демократических странах, где элиты существенно зависят от масс. Центральным вопросом социологии Н. Элиаса остается вероятность подобного развития событий при отсутствии единой монополии на власть⁵⁵.

Н. Элиас утверждал, что масштабные интеграционные процессы заставили общества объединиться в глобальные сети взаимозависимости, требующие сдержанности (особенно в отношении оружия массового поражения) и готовности к сотрудничеству по самому широкому кругу вопросов. Чувство моральной ответственности за причиненный другим участникам международных отношений ущерб выросло, но до сих пор нет никаких гарантий того, что в будущем человечество станет более космополитичным. Суверенные государства недовольны наступлением на свои национальные ценности и опасаются утраты влияния и власти в результате глобализации. В разных странах наблюдаются вспышки националистических и ксенофобских настроений в отношении глобализации. Борьба за власть и безопасность не окончена, так же как нет оснований для цивилизационных ограничений на применение силы, поскольку общества опасаются за свою безопасность и выживание в целом. Эти замечания относительно долговременных процессов в человеческой истории не внушают оптимизма относительно глобализационных процессов⁵⁶. Однако Н. Элиас добавляет, что достигнутый уровень взаимозависимости является лишь “предысторией человечества”. Для окончательной интеграции могут потребоваться многие тысячи и даже миллионы лет, если, конечно, до этого человечество не истребит себя⁵⁷.

Н. Элиас анализирует долгосрочные процессы как в общемировом масштабе, так и в контексте европейского Модерна, который повлиял на развитие человечества в целом. В процессной социологии отсутствует вера в неотвратимость социального и политического прогресса. Н. Элиас говорит о том, что утверждения о прогрессе являются непродуманными и основанными на так называемых “ненадежных доказательствах”, а также ложных представлениях о превосходстве Запада.

Взгляды Н. Элиаса нашли развитие в работах современных авторов Б. Бузана и Р. Литтла⁵⁸, Й. Фергюсона и Р. Мансбаха⁵⁹, К. ван

⁵⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации... Т. 1.

⁵⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации...

⁵⁷ Там же. С. 146.

⁵⁸ Buzan B., Little R. International systems in world history: remaking the study of international relations. Oxford. 2000.

⁵⁹ Ferguson Y.H., Mansbach R.W. Op. cit.

дер Пийля⁶⁰ и А. Уотсона⁶¹, С. Манна, Дж. Макнейла, которые исследуют развитие взаимосвязей между людьми за последние несколько тысячелетий⁶².

Итак, выше мы рассмотрели основные направления исторической социологии. Первое направление заключается в исследовании влияния на развитие международных отношений таких факторов, как типы власти и способы производства. Второе направление состоит в изучении эволюции представлений о легитимности, этике, морали и нравственности. Наконец, третье направление представляет собой попытку объединения двух первых направлений, т.е. материальных и нематериальных факторов развития международных отношений в рамках единой исследовательской парадигмы.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Историческая социология позволяет понять, каким образом современные суверенные национальные государства заняли лидирующие позиции в мировой политике. Она изучает причины появления государств и их эволюцию. Историческая социология показывает, как в результате колониализма эта форма политического объединения распространилась по всему миру. Она позволяет получить представление о различиях между современной Вестфальской системой суверенных государств и прежними формами мировой политической организации. Историческая социология вскрывает взаимозависимость между формированием национальных государств и развитием капиталистического способа производства. Она дает возможность проанализировать влияние на международные отношения меняющихся представлений о нравственности и легитимности во внутренней и внешней политике. Благодаря своим возможностям историческая социология может шире применяться в исследовании международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.
Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. 2001.
Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.). Т. 1. М., 2006.

⁶⁰ Pijl K., van. Der nomads, empires, states // Models of Foreign Relations and Political Economy. 2007. Vol. 1.

⁶¹ Watson A. The evolution of international society. L., 1993.

⁶² Manning P. Navigating world history: historians create global past. N.Y., 2003.

- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 1. М., 2018.
- Гидденс Э.* Социология. М., 2005.
- Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- Макиавелли Н.* Государь. М., 2018.
- Манн М.* Источники социальной власти: В 4-х т. М., 2018.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: В 3-х т. Т. 1. М., 1978.
- Сен Симон А.* Очерк науки о человеке // Сен Симон А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. С. 146–208.
- Теннис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229.
- Тодд Э.* После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.
- Февр Л.* История и психология // Бои за историю. М., 1991. С. 97–125.
- Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М., 1994.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.
- Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история. М., 2002.

REFERENCES

- Adorno T.* Negativnaya dialektika [Negative dialectic]. М., 2011 (in Russian).
- Anderson B.* Voobrazhayemyye soobshchestva [Imaginary communities]. М., 2001 (in Russian).
- Aron R.* Mir i voyna mezhdu narodami [Peace and war between nations]. М., 2000 (in Russian).
- Bleiker R., Hutchison E.* Fear no more: emotions and world politics // Review of International Studies. 2008. Jan. Vol. 34. Special Iss. S1 (Cultures and Politics of Global Communication). P. 115–135.
- Brodel F.* Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm (XV–XVIII vv.) [Material civilization, economy and capitalism (XV — XVIII centuries)]. Т. 1. М., 2006 (in Russian).
- Buzan B., Little R.* International systems in world history: remaking the study of international relations. Oxford. 2000.
- Crawford N.C.* Argument and change in world politics: ethics, decolonization, and humanitarian intervention. Cambridge, 2002.
- Diamond J.* Guns, gems and steel: a short history of everybody for the last thirteen thousand years. L., 1997.

- Dyurkgeym E.* O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. M., 1996 (in Russian).
- Eisenstadt S.N.* The political systems of empires. L., 1963.
- Elias N.* The retreat of sociologists into the present // The Norbert Elias Reader / Ed. by J. Goudsblom, S. Mennell. Oxford, 1998.
- Elias N.* O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya [On the process of civilization: sociogenetic and psychogenetic research]. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada. M.; SPb., 2001 (in Russian).
- Elias N.* Pridvornoye obshchestvo: issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii [The court society: research on the sociology of the king and the court aristocracy], s Vvedeniyem: Sotsiologiya i istoriya. M., 2002 (in Russian).
- Ferguson Y.N., Mansbach R.W.* Politics, authorities, identities and change. Columbia, 1996.
- Fevr L.* Istoriya i psikhologiya [History and Psychology] // Boi za istoriyu. M., 1991. S. 97–125 (in Russian).
- Giddens E.* Sotsiologiya [Sociology]. M., 2005 (in Russian).
- Gobbs T.* Leviatan [Leviathan]. M., 2017 (in Russian).
- Habermas J.* Communication and the evolution of society. Boston, 1979.
- Hobden S.* International relations and historical sociology: breaking down boundaries. L.; N.Y., 1998.
- Hobden S., Hobson J.* Historical sociology of international relations. Cambridge, 2001.
- Hobson J.M.* The Eurocentric conception of world politics: western international theory, 1760–2010. Cambridge, 2011.
- Holsti K.J.* International politics: a framework for analysis. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1983.
- Kelly D.* Karl Marx and historical sociology // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin. L., 2003. P. 11–26.
- Makiavelli N.* Gosudar' [Sovereign]. M., 2018 (in Russian).
- Mann M.* In praise of macro-sociology: reply to Goldthorpe // British Journal of Sociology. 1994. Mar. Vol. 45. N 1. P. 37–54.
- Mann M.* Istochniki sotsial'noy vlasti [Sources of social power]: V 4-h t. M., 2018 (in Russian).
- Manning P.* Navigating world history: historians create global past. N.Y., 2003.
- Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Criticism of political economy]. T.1. M., 1978 (in Russian).
- Mennell S.* The globalization of human society as a very long-term social process. Elias's Theory' // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7. N 2–3. P. 359–371.
- Mennell S.* The American civilizing process. Cambridge, 2007.
- Nisbet R.* The sociological tradition. N.Y., 1966.
- Pijl K., van.* Der Nomads, Empires, States // Models of Foreign Relations and Political Economy. Vol. 1. L., 2007.
- Raymond G.A.* Problems and prospects in the study of international norms // Mershon International Studies Review. Vol. 41. 1997. P. 205–245.

Sen Simon A. Ocherk nauki o cheloveke [Essay on the science of man] // Izbrannyye sochineniya. M.; L., 1948. S. 146–208 (in Russian).

Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and society] // Sotsiologicheskiy zhurnal. 1998. N 3/4. S. 207–229 (in Russian).

Teschke B. Geopolitical relations in the European Middle ages // International Organization. 1998. Spring. Vol. 52. N 2. 1998. P. 325–358.

The human past: world prehistory and the evolution of human societies / Ed. by C. Scarre. L., 2005.

Tilly C. Coercion, capital and European States: AD 1990–1992. Oxford, 1992.

Todd E. Posle imperii. Pax Americana — nachalo kontsa [After the empire. Pax Americana — the beginning of the end]. M., 2004 (in Russian).

Tsygankov P.A. Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnosheniy [Political Sociology of International Relations]. M., 1994 (in Russian).

Turner B. Historical sociology of religion: politics and Modernity // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin. L., 2003. P. 349–363.

Vallerstayn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. SPb., 2001 (in Russian).

Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. M., 1990 (in Russian).

Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays understanding sociology]: V 4-h t. T. 1. M., 2018 (in Russian).

Watson A. The evolution of international society. L., 1993.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И КИБЕРПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-71-93

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА РОССИЙСКИХ ВОЛОНТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ VKОНТАКТЕ)

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005*

В статье анализируются особенности современного этапа развития волонтерства в Российской Федерации. В качестве информационной базы исследования использованы данные интернет-сообществ социальной сети vkontakte. Общее количество проанализированных групп — 2894, количество участников — 1446008 человек. Для извлечения данных об онлайн-сообществах и участниках был написан скрипт на языке программирования Python3, который позволял собирать соответствующую информацию с помощью API vkontakte.

В статье предложена авторская типология сообществ добровольцев, в том числе группы-франшизы, сервисные онлайн сообщества и группы прямого действия. Автор анализирует распределение сообществ по предмету их деятельности. Доминирующие позиции с точки зрения количества участников и количества групп занимают сообщества, основной сферой деятельности которых является поиск пропавших людей. Наименее представлены в пространстве социальной сети vkontakte сообщества защитников животных.

На основании социально-демографического анализа членов сообществ сделаны выводы об особенностях их распределения по возрасту и полу. В частности, молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет занимают доминирующее положение среди членов группы. Во многом это связано с незрелостью механизмов вовлечения людей среднего и пожилого возраста в волонтерскую деятельность.

В статье представлен анализ ценностных ориентаций участников. Делаются выводы о доминировании индивидуальных ценностей и интересов, в основе которых лежит стремление к саморазвитию и личностному росту. На основании этого автор говорит о необходимости разработки новых социальных технологий для вовлечения граждан России в волонтерскую деятельность.

* Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые дисфункции в развитии добровольчества в Российской Федерации: отсутствие механизмов вовлечения граждан среднего и пожилого возраста, имитационный характер многих добровольческих проектов. Исходя из этого делаются выводы о необходимости корректировки социальной, образовательной, молодежной политики в сфере развития волонтерства в России.

***Ключевые слова:** доброволец, волонтер, социальная сеть vkontakte, онлайн-сообщества.*

ONLINE COMMUNITY OF RUSSIAN VOLUNTEERS (ON THE EXAMPLE OF SOCIAL NETWORK VKONTAKTE)

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, Dzerzhinsky Street, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

The article analyzes the features of the current stage of development of volunteerism in the Russian Federation. As the information base of the research data from online communities of the social network vkontakte are used. The total number of analyzed groups is 2894, the number of participants is 1446008 people. To extract data about online communities and participants, a script was written in the programming language Python3, which allowed to gather relevant information using the vkontakte API.

Based on the analysis, the author's typology of volunteer communities is proposed in the article, including franchise groups, online service communities and direct action groups. The author analyzes the distribution of communities on the subject of their activities. The dominant positions in terms of the number of participants and the number of groups are occupied by communities based on the search for missing people. The least represented in the space of the social network vkontakte community of volunteers — animal advocates.

Based on the socio-demographic analysis of community members, the author draws conclusions about the features of their distribution in terms of age and sex. In particular, young people between the ages of 14 and 30 take the dominant position among group members. This is largely due to the underdevelopment of the mechanisms for including middle-aged and older people in volunteer activities. As for the gender of the participants, the main contingent of the communities are women, while their relationship with men changes with age.

The article presents an analysis of the participants' value orientations. Conclusions are drawn about the domination of individual values and interests, which are based on the desire for self-development and personal growth. On the basis of this, a conclusion is drawn on the need to develop new social technologies for involving Russian citizens in the volunteer activity.

The article explores some dysfunctions in the development of volunteerism in the Russian Federation: the lack of mechanisms for involving middle-aged and older citizens, the imitative nature of many volunteer projects. Based on this, conclusions

are drawn about the need to adjust the social, educational, youth policy in the field of volunteer development in Russia.

Key words: “dobrovolec”, volunteer, social network vkontakte, online communities.

Введение

Можно констатировать, что российское общество переживает сегодня своеобразный “бум” волонтерства (добровольчества). Достаточно посетить любое мероприятие, научное, спортивное, творческое и т.п., чтобы стать свидетелем слаженной, или не очень, работы групп молодых людей, на бейджах которых значится “волонтер”. Сталкиваясь с той или иной социальной проблемой можно обнаружить в любом городе, поселке самоорганизующиеся группы, которые безвозмездно посещают детские дома, помогают больным детям, ищут пропавших людей, защищают животных, участвуют в развитии конкретной территории. Они также определяют свою деятельность и свои сообщества как волонтерские или добровольческие.

Государственные и муниципальные служащие говорят о необходимости развития добровольчества, бизнес-сообщество обсуждает, каким образом следует выстраивать корпоративное волонтерство и прививать культуру “pro bono”¹, социально-ориентированные некоммерческие организации проводят форумы, в ходе которых идет осмысление механизмов и социальных технологий привлечения волонтеров к тем или иным проектам.

Следуя логике О.Н. Яницкого, стоит констатировать, что сегодня в России формируются два волонтерских сообщества: “прогосударственное” и “общественное”². Деятельность первого инициируется политическими институтами и управляется ими с использованием традиционных для Советского Союза социальных технологий. Основу второго составляет собственно общественная самоорганизация людей, основным содержанием которой становится решение тех или иных социальных проблем. Такая ситуация позволяет говорить о серьезной стратификации волонтерского движения в нашей стране, возникновении в нем псевдодобровольческих сообществ, которые отдельные социологи обозначают термином “полуволонтерство”³.

¹ “Pro bono” (от лат. pro bono publico — “ради общественного блага”) – это оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям на безвозмездной основе (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pro_bono (дата обращения: 10.12.2018)).

² Яницкий О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 71–89.

³ Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110–119.

В этом контексте теоретико-методологические подходы западных исследователей не всегда могут быть перенесены на российскую действительность. В частности, рассмотрение волонтерства только через призму развития институтов гражданского общества и некоммерческого сектора⁴, учитывая вышесказанное, является недостаточным. При этом, анализ добровольческого труда как системного элемента современных экономик⁵ также не всегда возможен в нашей стране. В то же время, в западной социологии в последние годы появляются исследования, которые в той или иной мере актуализируют проблематику участия государственных институтов в развитии волонтерства⁶.

В российском научном дискурсе “разговор” о волонтерстве идет сегодня вокруг трех ключевых вопросов.

Во-первых, кто такие российские добровольцы (волонтеры), как возникают такие сообщества? В данном контексте российские исследователи идут вслед за западными коллегами, рассматривая волонтеров как феномен развивающегося гражданского общества в нашей стране⁷. При этом, достаточно большое количество социологов видит в добровольческих сообществах серьезный активистский потенциал, который способен перерасти в протестный⁸.

Во-вторых, каковы механизмы и технологии социального управления развитием волонтерства в нашей стране? Говоря о важности социального управления развитием добровольческого движения, российские социологи указывают на целый ряд противоречий, которые возникают в этой сфере⁹ и определяются особенностями

⁴ *Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2011. N 82(3). P. 217–252.

⁵ *Anheier H.K., Salamon L.M.* Volunteering in cross-national perspective: initial comparisons // *Civil Society: Working Paper*. 2001. N 10. P. 2–25.

⁶ *Gil-Lacruz A., Marcuello C.* Voluntary work in Europe: comparative analysis among countries and welfare systems // *Springer Science and Business Media B.V.* 2012. N 3; *Hackl F., Halla M., Pruckner G.* Volunteering and the State // *Discussion Paper*. 2009. N 2.

⁷ *Волков Д., Гончаров С.* Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014; *Зборовский Г.Е., Кузьминчук А.А.* Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // *Вестник СурГПУ*. 2014. № 2 (29). С. 57–70; *Иванова И.И., Петренко Е.С.* Авангардные группы — основа российского добровольчества. М., 2012.

⁸ *Истомина А.Г., Оберемко О.А.* Легитимация протестного участия волонтеров // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. № 6. С. 32–47; *Климов И.А.* Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12. № 2. С. 201–216.

⁹ *Певная М.В.* Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 69–77.

становления гражданского общества¹⁰ и зачастую имитационным характером деятельности¹¹. При этом, сегодня появляются исследования, которые описывают эффективный опыт развития волонтерства в отдельных локальностях российского гражданского общества¹².

Наконец, *в-третьих*, имеются ли существенные различия между сообществами, конструирующими свое самоопределение с использованием терминов “волонтер” и “доброволец”? Как справедливо отмечается в целом ряде эмпирических исследований, для гражданских активистов, вовлеченных в безвозмездную деятельность, термины “волонтер” и “доброволец” являются рядоположными¹³. Несмотря на тот факт, что при исследовании глубинных психологических структур участников таких сообществ “могут обнаруживаться существенные различия, диктуемые морфогенезом организаций, объединяющих под своим крылом волонтеров и/или добровольцев”¹⁴, тем не менее, мы в рамках данной статьи, будем рассматривать эти термины как синонимы.

Несмотря на достаточно широкий спектр исследований волонтерства в нашей стране остается целый ряд вопросов, которые требуют внимания и частично представлены в настоящей статье.

Это, в частности, углубленный анализ различных волонтерских сообществ и построение их типологии, расширение представлений о социально-демографических характеристиках российских добровольцев, изучение их ценностных установок.

Описание информационной базы

Настоящая статья основывается на анализе интернет-сообществ российских волонтеров, представленных в социальной сети vkontakte¹⁵. Для сбора данных был написан скрипт на языке программирования Python3, который, используя API vkontakte, собрал информацию о самих сообществах, а также об участниках, входящих в них. Для анализа были отобраны только русскоязычные

¹⁰ Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–74.

¹¹ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015.

¹² Краснопольская И.И. Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик. М., 2012.

¹³ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации: отчет по проекту ФОМ / Под науч. ред. С.Г. Климовой, Е.С. Петренко. М., 2012.

¹⁴ Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 95.

¹⁵ Социальная сеть vkontakte. URL: <https://vk.com> (дата обращения: 10.12.2018).

группы, в названии которых содержался термин “волонтер” и “доброволец” (во всех возможных лексических формах). На момент сбора информации (декабрь 2018 г.) количество таких групп равнялось 2894, общее число участников, включенных в данные сообщества, — 1446008 человек. Таким образом, объектом настоящего исследования являются все русскоязычные волонтерские сообщества (не заблокированные и не удаленные администраторами сети), которые были зарегистрированы на момент формирования базы.

Типология онлайн-сообществ российских волонтеров

Сегодня в среде российского сегмента социальной сети vkontakte сложилось несколько типов волонтерских сообществ, которые можно дифференцировать по числу участников, формату и направленности их деятельности. Если говорить о количественном составе, то в данном случае мы можем наблюдать значительный разброс. Например, минимальное количество участников групп на момент исследования составляет 5 человек, максимальное — 142 963 человека. При этом, важно отметить, что большинство онлайн-сообществ — это группы, в которых среднее количество членов составляет 500 человек, медиана, делящая всю совокупность на две части, равняется 55. Это свидетельствует о том, что количество вновь создаваемых сообществ велико, но при этом интерес и привлекательность их для участников достаточно низкие.

Проведенный анализ позволил выделить три кластера сообществ с точки зрения их внутренней организации и механизма создания.

1. *Волонтерские онлайн-сообщества — франшизы.* Данный вид сообществ — это региональные или местные отделения какого-либо крупного федерального или межрегионального объединения, чья деятельность осуществляется на достаточно большой территории. Обычно такой кластер имеет крупную федеральную группу в социальной сети, по образу и подобию которой создаются региональные, городские, поселковые, университетские и т.п. онлайн-сообщества. В качестве наиболее крупных можно назвать поисковые волонтерские сети (например, сеть поисковых сообществ “Лиза Алерт”), волонтеров-медиков, волонтеров Победы, различного рода юридические клиники, которые сегодня являются наиболее распространенным форматом реализации волонтерства “pro bono” в нашей стране. Например, количество групп, относящихся к сети поисковых отрядов “Лиза Алерт”, равняется 84, общее количество участников сети составляет 527256 человек. При этом, наиболее

крупное, федеральное, сообщество “Лиза Алерт” включает в себя 142963 человека¹⁶, число участников самой малочисленной группы — 31¹⁷. Несмотря на такую дифференциацию с точки зрения количества участников все группы имеют общую тематику, направленность и цель деятельности, что позволяет их отнести к единой сети или определить как своеобразные социальные франшизы.

2. *Сервисные волонтерские онлайн-сообщества.* К данной категории мы отнесли группы, основным форматом деятельности которых является сопровождение каких-либо событий и мероприятий. В этом контексте стоит говорить скорее о полуволонтерстве, квазиволонтерстве¹⁸, поскольку участники таких сообществ мобилируются под какие-либо событийные проекты, к которым относятся различного рода крупные форумы, спортивные мероприятия и т.п. Деятельность волонтера в данном контексте — это не участие в решении какой-либо социальной проблемы, а профессиональное сопровождение события (встреча гостей, решение организационных вопросов и т.д.).

Доминирующие позиции здесь занимают различного рода крупные спортивные мероприятия, которые требуют мобилизации достаточно большого количества людей, их сопровождающих. При этом мы можем наблюдать ситуации, когда достаточно большие с точки зрения числа участников сообщества после завершения события, ради которого они были инициированы, практически перестают поддерживаться администраторами и создателями. Это в свою очередь свидетельствует о воспроизводстве утилитарного, потребительского отношения к добровольческой активности, к ее развитию и расширению. В качестве примера такого сообщества можно привести группу “Движение спортивных волонтеров Москвы”, которая включает в себя более 1800 участников, но при этом последняя активность организаторов группы наблюдалась 22 января 2014 г.¹⁹ Важно отметить, что участники группы продолжают поддерживать сообщество, размещая посты и делая комментарии, фактически перейдя в режим самоорганизации. Представляется, что данная группа, как и большинство ей подобных, была создана под какое-то конкретное событие. После того как оно было проведено,

¹⁶ Поисковый отряд Лиза Алерт. URL: http://vk.com/lizaalert_real (дата обращения: 10.12.2018).

¹⁷ Лиза алерт. URL: <http://vk.com/club86678691> (дата обращения: 10.12.2018).

¹⁸ Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия.

¹⁹ Движение спортивных волонтеров Москвы. URL: <https://vk.com/volontersporta> (дата обращения: 10.12.2018).

организаторы события перестали модерировать и сопровождать онлайн-сообщество.

К данному кластеру мы можем отнести и сообщества, которые создаются различными благотворительными фондами, и также ориентированы на привлечение волонтеров под какие-то конкретные акции и проекты. Основное их отличие — поддержка групп в социальной сети после окончания конкретного проекта. Тем не менее, суть данных сообществ — мобилизация граждан на осуществление социальных действий, спроектированных конкретным социальным институтом (будь то государственный орган по делам молодежи или некоммерческая организация).

В социальной сети vkontakte можно найти и фактически профессиональные сообщества, основная функция которых — предоставление обученных волонтеров для проведения мероприятий самого разного типа. В данном случае речь идет фактически о бизнесе в сфере проведения событий, который не имеет к добровольчеству никакого отношения.

3. *Волонтерские онлайн-сообщества прямого действия.* В эту группу входят онлайн-сообщества, созданные отдельными активистами, некоммерческими организациями, образовательными и социальными учреждениями для решения конкретных социальных проблем того или иного сообщества. Они не являются частью какой-либо крупной официальной сети, а также не формируются под конкретные акции и мероприятия. Их деятельность носит постоянный проектный характер и связана с личностными интересами участников и их ценностными ориентациями в сфере добровольчества. Таких групп большинство, при этом практически все они достаточно малочисленны и представляют собой небольшие локальные сообщества. В то же время численность таких сообществ никак не влияет на их активности в сети. Очень часто именно они генерируют достаточно большой объем информационного контента, вовлекаются в конкретные акции и проекты, направленные на решение тех или иных проблем какой-либо социальной группы или территории. Важно и то, что отдельные сообщества могут иметь достаточно большое количество участников и подписчиков, особенно если в качестве направленности деятельности выбираются действительно важные и значимые проблемы. Так, сообщество волонтеров по поиску пропавших детей в городе Красноярске включает в себя более 54000 участников²⁰, Содружество волонтеров “Добро-

²⁰ Сообщество волонтеров по поиску пропавших детей в городе Красноярске. URL: <http://vk.com/poiskdeteikrasnoyarsk> (дата обращения: 10.12.2018).

Спас-Новосибирск” — более 24000 человек²¹, группа “Православные Добровольцы” — более 21000²².

Говоря о волонтерских сообществах, представляется важным дифференцировать их с точки зрения направленности деятельности. Мы разделили их на семь групп: “Поиск людей” (основное содержание деятельности — поиск пропавших людей), “Культура, городские пространства” (группы городских волонтеров, основу деятельности которых составляют различные акции, в том числе и в сфере развития территорий), “Патриотизм, гражданственность” (сообщества патриотической тематики, включая сеть сообществ “Волонтеры Победы”), “Медицина, здоровье” (волонтеры-медики, волонтеры, работающие в больницах), “Спорт” (сообщества, созданные как агрегаторы волонтеров для проведения каких-либо спортивных событий, включая Олимпиаду, Чемпионат мира по футболу и т.п.), “Дети, детские дома” (группы, ориентированные на работу с детьми с ограниченными возможностями, сиротами и т.д.), “Защита животных” (волонтерские сообщества, в качестве основного направления деятельности определяющие защиту животных). Распределение этих групп представлено на рис. 1.

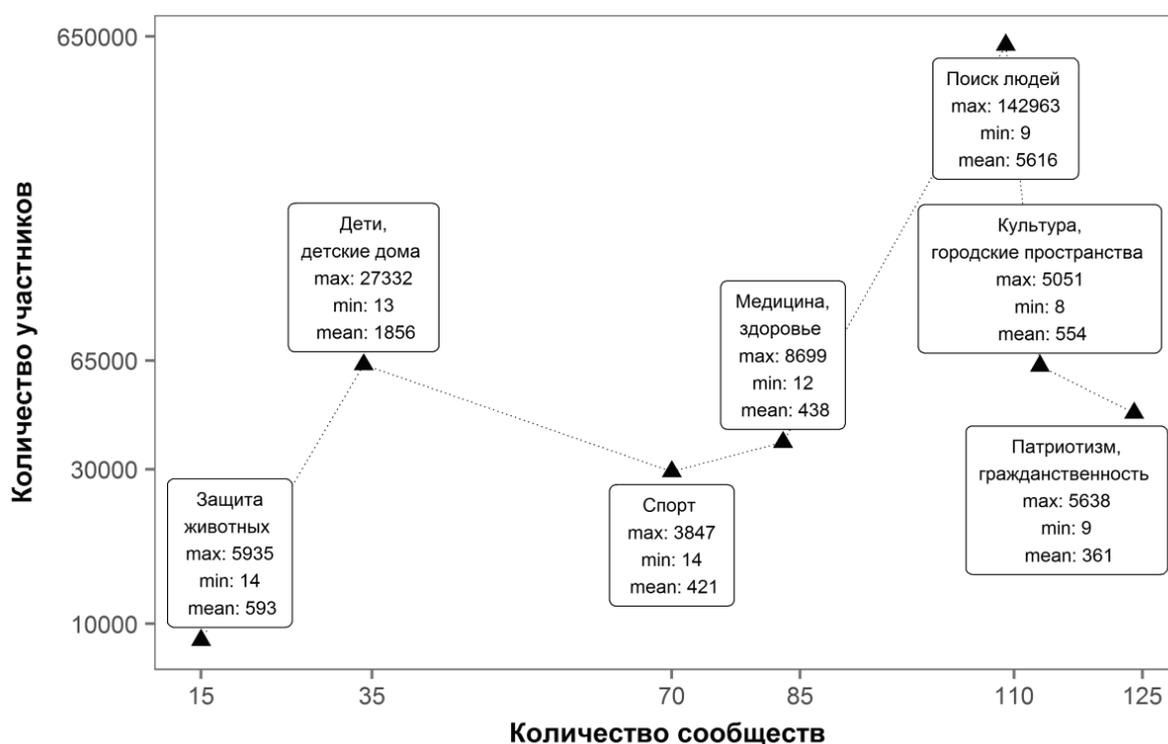

Рис. 1. Распределение волонтерских онлайн-сообществ по тематике

²¹ Содружество волонтеров “ДоброСпас-Новосибирск”. URL: <http://vk.com/dobrospasnsk> (дата обращения: 10.12.2018).

²² “Православные Добровольцы”. URL: <http://vk.com/sr700> (дата обращения: 10.12.2018).

На рис. 1 представлены онлайн-сообщества с точки зрения направленности их добровольческой деятельности, дифференцированные по двум критериям: количество сообществ и общее число участников всех групп, имеющих сходную тематику. Кроме этого, представлены максимальное (max), минимальное (min) и среднее (mean) значения участников по всем группам, вошедшим в кластер.

Доминирующие позиции занимают добровольческие группы, ориентированные на поиск пропавших людей. Наибольшее число таких групп являются сетью федерального проекта “Лиза Алерт”, в то же время и число не связанных с ним групп также достаточно велико. Более 600000 человек состоит сегодня в волонтерских онлайн-сообществах, основным содержанием деятельности которых является поиск пропавших людей. При этом, именно к ним относятся сообщества, имеющие максимум участников по всей выборке, что естественным образом приводит и к наибольшему показателю среднего значения.

Наименее представлены в социальной сети vkontakte сообщества волонтеров, связанные с защитой животных. Таких групп не более 15, с общим количеством участников менее 10000 человек. В то же время именно они демонстрируют более высокий уровень интеграции, когда сторонники данного вида волонтерской деятельности не “распылены” по большому числу групп, а концентрируются в одном крупном сообществе. Здесь имеется объединение, в котором число участников достаточно велико и превышает, например, максимальные показатели сообществ, отнесенных к спортивной, патриотической, городской тематике. Отметим, что достаточно высокий уровень интеграции демонстрируют и сообщества, основным направлением деятельности которых является помощь детям самых различных категорий. Уровень концентрации людей в одной онлайн-группе здесь так же высок и уступает лишь поисковым группам. При этом, число подобных сообществ значительно меньше, чем у других групп, за исключением защитников животных.

Описанная ситуация позволяет увидеть еще одно измерение российского сегмента волонтерских онлайн сообществ, которое, на наш взгляд, репрезентирует ситуацию с добровольчеством в нашей стране в целом. Государство, заинтересованное в мобилизации, в первую очередь, молодого поколения, генерирует большое количество различных событий, акций, проектов, направленных на привлечение волонтеров. В то же время организаторы данной деятельности зачастую не видят возможностей для сохранения и

развития онлайн-сообщества после завершения того проекта, под который оно формировалось. Именно поэтому средние показатели участников группы в кластерах “спорт” и “патриотизм, гражданственность” самые низкие по выборке. Они демонстрируют воспроизводство описанной деструктивной практики — создания большого числа сообществ под модную и социально одобряемую тематику, и в то же время отсутствие понимания того, как развивать данную группу, каким содержанием наполнить ее активность. В этом смысле “поисковики”, “защитники животных”, “волонтеры-медики” и даже “городские волонтеры” в большей степени осознают смыслы и цели собственной деятельности.

Таким образом, мы можем наблюдать дифференциацию онлайн-сообществ российских волонтеров с точки зрения численности, формата и направленности деятельности, что является, на наш взгляд, репрезентацией реальных процессов, происходящих в нашей стране.

Социально-демографический портрет участников онлайн-сообществ

При анализе социально-демографических характеристик участников онлайн-сообществ важно понимать, что не все персональные страницы тех, кто подписан на ту или иную группу, являются открытыми и позволяют собирать обобщенную информацию о возрасте, гендере, семейном положении людей. Поэтому для анализа социально-демографических характеристик участников были отобраны только те, чьи страницы открыты для сбора данной информации. Таких участников, включенных в разные сообщества волонтеров, 694812 человек.

Начнем наш анализ с оценки распределения участников по полу и возрасту.

На рис. 2 представлено распределение участников, а также результаты использования критерия t-Стьюдента, который позволяет сделать выводы о значимости различий двух выборок по тому или иному критерию (в нашем случае по полу участников).

Во-первых, можно констатировать, что в целом по всем сообществам количество женщин существенно превышает число мужчин. Их количество составляет более 60% от общего числа участников. Данная тенденция нарушается лишь в ситуации с поисковыми сообществами, в которых доминируют участники-мужчины, что, тем не менее, не меняет общей картины.

Во-вторых, с точки зрения возрастной динамики мы можем наблюдать рост числа участников сообществ в подростковом и мо-

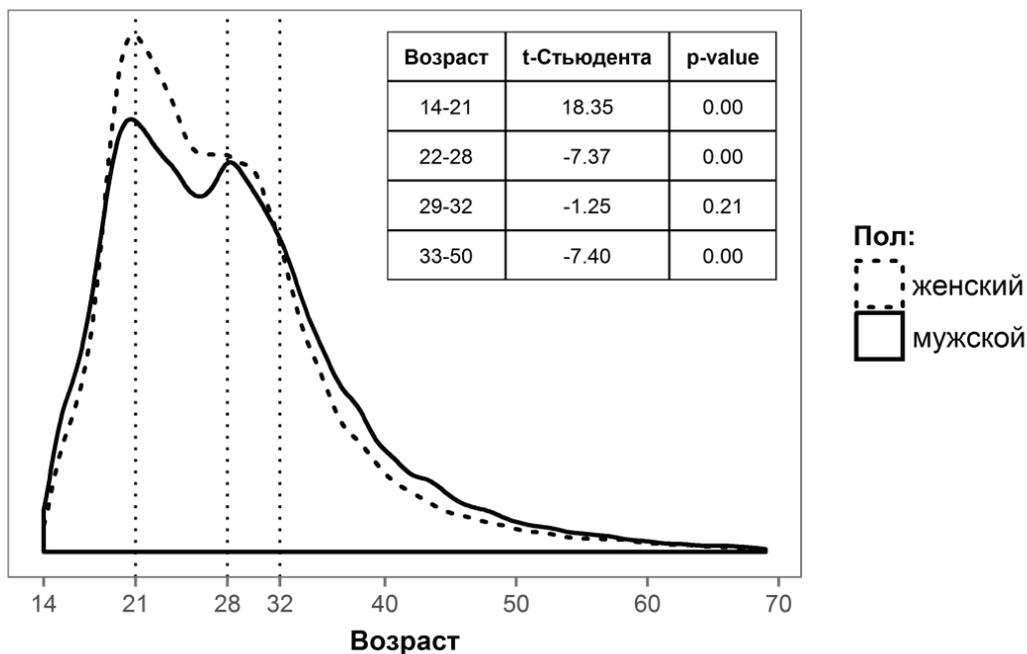

Рис. 2. Распределение участников по полу и возрасту

лодом возрасте (14–21 год), и постепенное их сокращение начиная примерно с 30 лет. На наш взгляд, такая динамика отражает особенности становления волонтерства в нашей стране. Вовлечение молодых людей в различного рода добровольческие проекты — это яркое проявление мобилизационной молодежной политики²³, основной задачей которой становится создание критической массы молодых гражданских активистов, способных к участию в реализации тех или иных значимых для государства проектов. В то же время отсутствие системной политики по вовлечению в добровольческую деятельность граждан страны разных возрастов, низкий уровень развития корпоративного волонтерства, отсутствие культуры “pro bono” — все это ведет к тому, что у россиян среднего и старшего возраста практически нет социальных каналов для участия в добровольческой активности. Несмотря на постепенное проникновение в общественный дискурс понятия “серебряное волонтерство” действительно реальных социальных технологий для вовлечения людей среднего и старшего возраста в эту сферу на сегодня практически нет. При этом анализ, например, поисковых онлайн-сообществ демонстрирует, что потребность участвовать в волонтерской деятельности у людей среднего и старшего возраста имеется. В этой связи перед органами государственной и муниципальной власти, социально-ориентированными некоммерческими организациями

²³ Подробнее см.: Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

возникает серьезная задача развития доступных и привлекательных механизмов вовлечения данной категории россиян в добровольческую активность.

В-третьих, информация, отраженная на рис. 2, позволяет сделать интересные выводы о динамике участия в волонтерских сообществах мужчин и женщин в зависимости от их возраста. На рис. 2 выделены (вертикальными пунктирными линиями) несколько возрастных границ, в рамках которых поведение мужчин и женщин различается. Как можно видеть, начиная с подросткового возраста и примерно до 17 лет число участников сообществ разных полов примерно одинаково. Существенные и статистически значимые различия мы наблюдаем, начиная с 17 примерно до 28 лет, когда количество женщин, участвующих в деятельности волонтерских групп, превышает число мужчин. В возрасте 28–32 года эти различия нивелируются. Результаты теста Стьюдента для данного возраста позволяют отвергнуть гипотезу о значимости различий между мужчинами и женщинами. Наконец, начиная примерно с 33 лет количество мужчин-участников значимо увеличивается по сравнению с числом женщин.

Данная ситуация подтверждает выводы сделанные ранее.

“Молодежное волонтерство” — это в большей степени яркая, интересная жизнь. Участие в акциях, форумах, проектах — это возможность выйти за рамки повседневности, почувствовать себя включенным в социальные движения. Такая возможность в большей степени привлекает девушек, во-первых, как наиболее социально активных в принципе, во-вторых, как в меньшей степени обремененных необходимостью зарабатывать. При этом можно выдвинуть гипотезу, что сегодня в молодежной среде формируются новые гендерные модели поведения, в основе которых лежит своеобразный общественный договор. В рамках него сфера самореализации молодых людей — это бизнес, сфера самореализации девушек — социальная активность, в том числе и волонтерская деятельность. Не менее важно и то, что девушки старшего молодого возраста (24–27 лет) зачастую рассматривают сферу гражданской активности как социальный лифт для построения карьеры, в том числе и в системе государственной и муниципальной власти. Кроме этого, безусловно, часть женского волонтерского сообщества — это работники молодежной и социальной сферы, участвующие в подобных онлайн-группах в виду *“профессиональной необходимости”*.

“Зрелое волонтерство” — это осознанный выбор человека, его стремление делать что-то для решения тех или иных социальных

проблем. Доминирование в данной группе мужчин объясняется тем, что значительная часть девушек к этому времени начинает концентрироваться на семье, те из них, кто успешно сделал карьеру, также покидают сообщества. В то же время именно мужчины среднего и старшего возраста становятся участниками поисковых сообществ, что, безусловно, способствует тому, что их число начинает превышать число женщин. Полученные результаты могут стать основой для разработки управленческих решений в сфере развития добровольческой активности граждан нашей страны как для органов власти, так и для некоммерческих организаций, социально-ориентированного бизнеса.

Важным при рассмотрении социально-демографических характеристик участников сообществ является анализ их семейного статуса. Мировой тенденцией сегодня становится активное включение в волонтерскую деятельность не только отдельных граждан, но и целых семей.

В рамках настоящей статьи мы разделим всех участников на три большие группы в соответствии с теми статусами, которые пользователи социальной сети могут демонстрировать на своей страничке. *Первая группа* — это те участники, которые состоят в официальном или гражданском браке, *вторая группа* — те, кто находится на момент исследования в каких-либо отношениях (влюблен, помолвлена и т.д.), и, наконец, *третья группа* — те, кто указал на отсутствие каких-либо отношений на момент сбора данных (рис. 3).

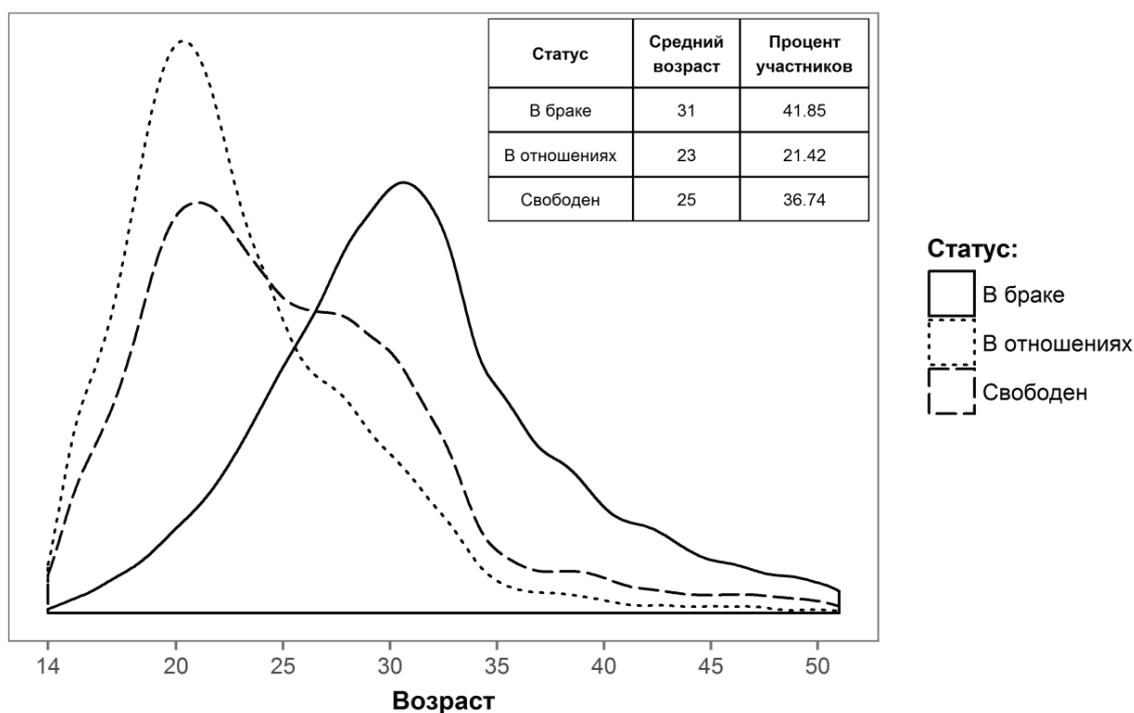

Рис. 3. Распределение участников по возрасту и семейному статусу

На рис. 3 представлено распределение участников волонтерских сообществ с точки зрения семейного положения в разрезе их возраста. Кроме этого, также указан средний возраст участников в зависимости от семейного статуса и процент попавших в каждую группу.

Как можно видеть, доминирующие позиции занимают “семейные” участники. Те, кто в качестве своего статуса указал “в браке”, “гражданском браке”, а также “в отношениях” (в самых разных форматах), занимают в общей совокупности более 63%. Это свидетельствует о том, что волонтерство сегодня в нашей стране также формируется как возможный вариант организации свободного времени семьи или пары.

При этом представляет интерес анализ того, каким образом семейный статус участников меняется в зависимости от возраста. Наиболее важным представляется возраст 25–26 лет. Здесь мы можем наблюдать пересечение всех трех статусов, при этом количество участников “в браке” продолжает расти, тех, кто “в отношениях”, резко снижаться, наконец, “свободные” участники хоть и демонстрируют падение численности, тем не менее, оно достаточно умеренное. Таким образом, количество участников, имеющих статус “свободен” остается устойчивым на протяжении достаточно длительного периода, в то время как те, кто находился “в отношениях”, постепенно переходят в статус “в браке”.

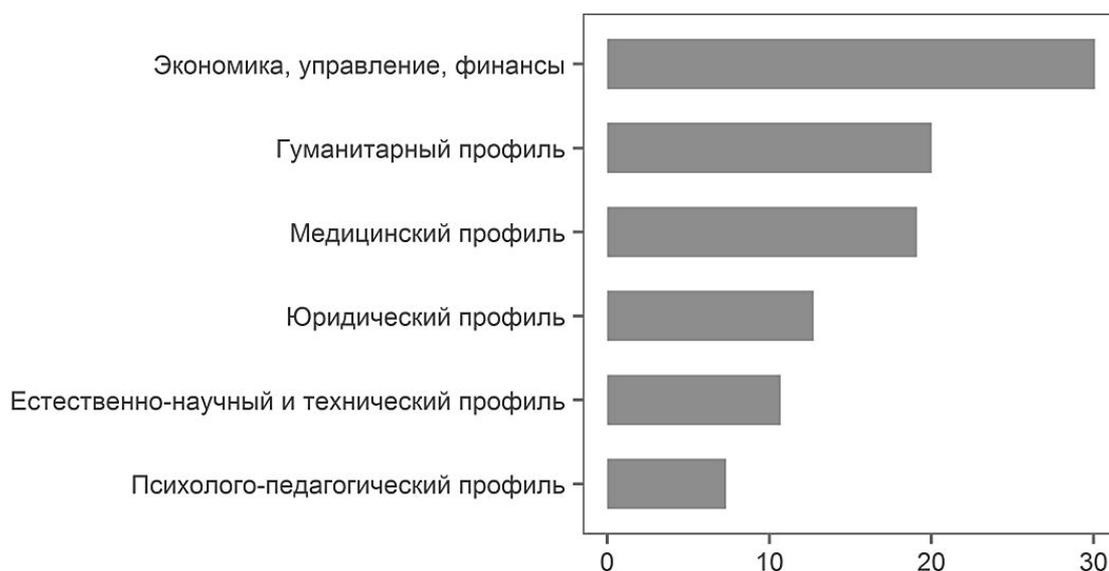

Рис. 4. Профессиональный статус участников сообществ (в %)

В завершение данного раздела проанализируем профессиональный статус участников сообществ. В данном контексте нас

в большей степени будет интересовать профессиональная направленность участников, оценивать которую мы будем на основе полученного ими образования, указанного в статусе на личной странице (рис. 4).

Во-первых, очевидно, что доминирующее число участников волонтерских сообществ — это люди, имеющие гуманитарное образование, что, по всей видимости, связано с тем фактом, что данная деятельность предполагает достаточно большое число встреч, коммуникаций и т.д. Кроме этого, в ситуации, когда мы говорим о студенчестве как доминирующей когорте среди участников, именно гуманитарные профили обучения предполагают наличие большего свободного времени, нежели профили технические и медицинские.

Во-вторых, вызывает интерес небольшое число участников (менее 10%) из когорты тех, кто имеет психолого-педагогическое образование. Можно предположить, что эта группа изначально достаточно сильно вовлечена в работу с другими людьми как в процессе обучения (учебные практики, социальные проекты и т.п.), так и после нее, что не рассматривает участие в волонтерских онлайн-сообществах, поскольку это компенсируется повседневной деятельностью.

В-третьих, отметим достаточно высокий процент вовлеченности в онлайн-сообщества представителей медицинской сферы. Эта ситуация демонстрирует тренд, который можно наблюдать сегодня в нашей стране, связанный с активным вовлечением студентов-медиков в добровольческие проекты. Данная тенденция рождается скорее из необходимости более глубокой профессионализации студентов, обучающихся по медицинским специальностям, развития у них таких личностных качеств, как эмпатия, социальный интеллект и т.п.

В целом, информация, представленная на рис. 4, отражает тезис, сформулированный ранее: развитие волонтерства в нашей стране имеет определенные дисфункции. Поскольку доминирующие позиции в российском движении волонтеров занимает студенчество, то наибольшая вовлеченность обучающихся по экономическим и гуманитарным профилям в данный процесс — это не только проявление их изначальной социальной экстраверсии, но в то же время и меньшая (в среднем) загруженность в рамках образовательного процесса, что позволяет мобилизовать их значительно легче под конкретные акции, проекты и события.

Ценностные ориентации участников сообществ

Важным аспектом понимания динамики развития волонтерских онлайн-сообществ является анализ ценностных ориентаций их участников. Действительно, волонтерская деятельность предполагает наличие устойчивых ценностей, связанных с социальным служением, готовностью к реализации собственной социальной и гражданской активности. Мы проанализировали интересы участников, которые размещены в открытом доступе на страницах в социальной сети vkontakte, те ценности, которые они декларируют как наиболее важные в других людях и своей жизни (рис. 5)

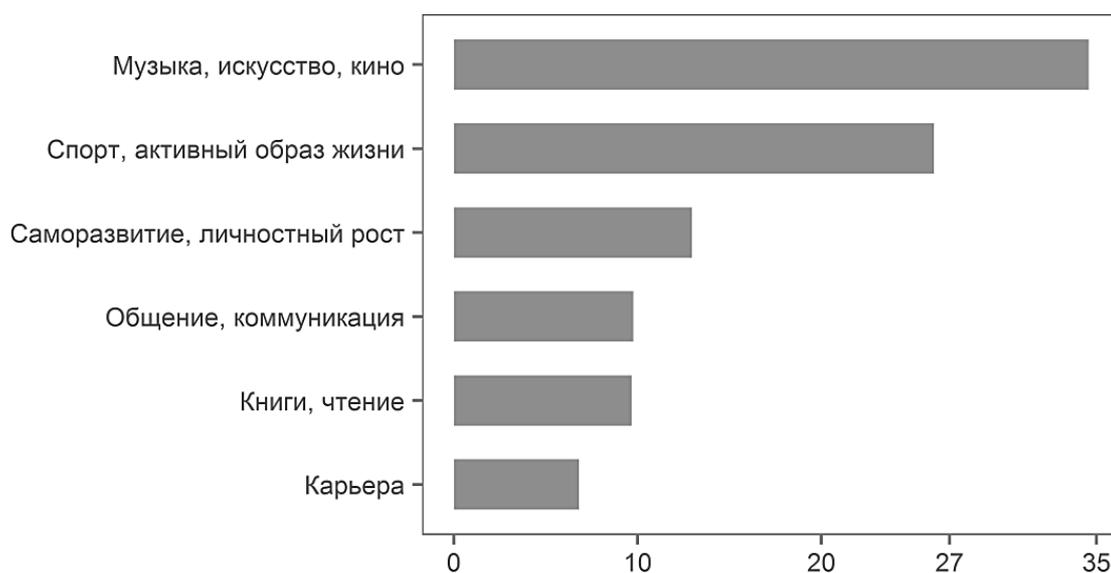

Рис. 5. Интересы участников сообществ (в %)

Как можно видеть, в целом интересы участников волонтерских сообществ достаточно типичны для современного молодого поколения и людей среднего возраста. Это, в первую очередь, традиционный для значительной части россиян интерес к музыке, кино, искусству и культуре в целом, развивающийся тренд здорового образа жизни и все более привлекательная тема личностного роста и саморазвития. При этом более 45% участников сообществ в качестве конкретных музыкальных предпочтений указывают на рок-музыку как российскую, так и зарубежную, 18% выбирают классику, среди кино-жанров на первом месте — комедии, самым популярным литературным произведением является роман М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Подтверждением вышесказанного об особых ценностных установках волонтеров является достаточно низкий интерес к построе-

нию карьеры. При этом, если по всем позициям, представленным на рис. 5, различия между мужчинами и женщинами отсутствуют, то “карьера” чаще встречается на страницах девушек. Это подтверждает сформулированную выше гипотезу о том, что определенная часть молодых девушек рассматривает участие в волонтерской деятельности как один из возможных социальных лифтов.

Отметим, что выделенные жизненные интересы участников волонтерских сообществ во многом репрезентируют процесс индивидуализации, происходящий в современном мире. Практически все представленные на рис. 5 интересы носят индивидуалистский, личностный характер (за исключением общения и коммуникации), что позволяет сделать вывод о том, что и сама волонтерская деятельность воспринимается через призму личностного изменения и развития. Это важно учитывать при разработке социальных технологий вовлечения в нее. Сегодня по-прежнему в качестве ключевого дискурсивного шаблона для вовлечения в волонтерскую деятельность остается обращение к абстрактным коллективистским ценностям, в то время как основная сфера интересов потенциальных добровольцев лежит в плоскости “собственной самости”. Это не имеет никакого отношения к каким-либо корыстным интересам, личной выгоде и т.п. В данном случае мы говорим лишь о том, что

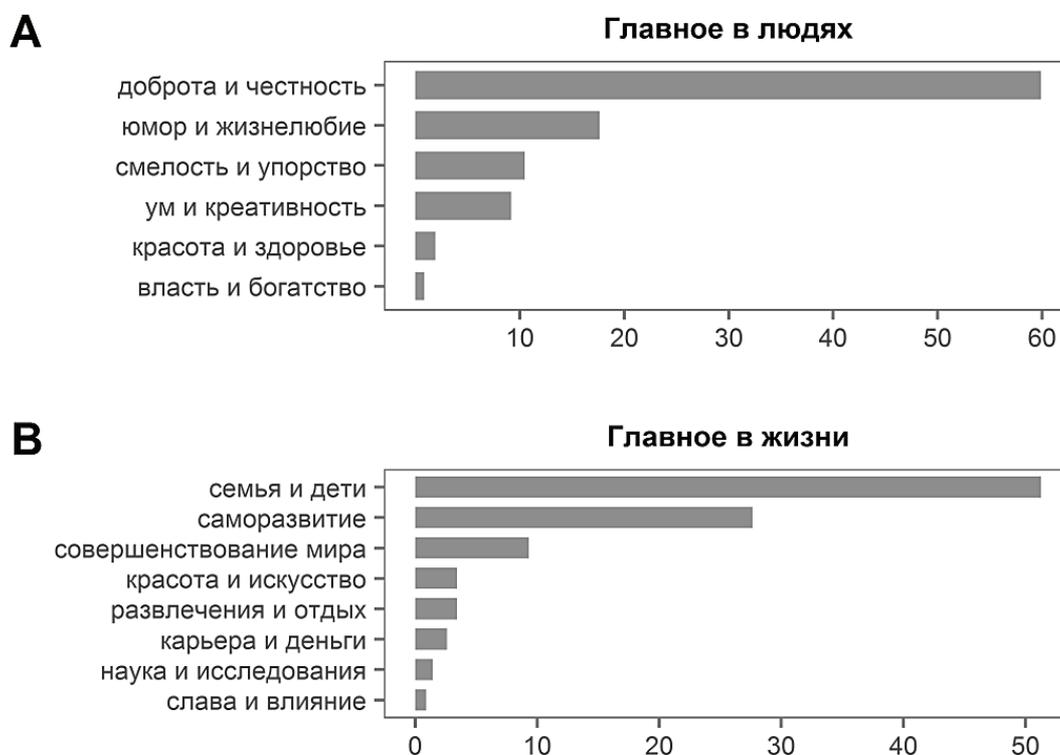

Рис. 6. Ценностные ориентации участников сообществ (в %)

мотивирующим фактором для человека становятся ответы на вопросы, что случится лично с ним, какие новые впечатления, эмоции, компетенции он сможет приобрести, вовлекаясь в добровольческие проекты.

Говоря о ценностях участников сообществ, важно проанализировать их социальные установки и восприятие других людей (рис. 6).

На рис. 6 под литерой “А” представлены мнения исследуемых о значимых качествах других людей, под литерой “В” сосредоточены ценности, определяющие главное в жизни. Мы можем наблюдать доминирование отдельных позиций, которые разделяются большинством участников волонтерских групп. Главным в других людях волонтеры считают доброту и честность, на втором месте — юмор и жизнелюбие, примерно 10% участников указывают на смелость и упорство.

Что касается оценки главного в жизни, то здесь доминируют семья и дети, саморазвитие и совершенствование мира. Установки участников волонтерских сообществ, безусловно, во многом отражают направленность их деятельности, особенности работы в сфере решения социальных проблем. В то же время выбор в других людях таких качеств, как доброта, честность, юмор и жизнелюбие, по всей видимости, имеет два объяснения. Для определенной группы волонтеров, работающих, например, с серьезными социальными проблемами, такими, как больные дети, поиск пропавших людей, выбор указанных качеств становится своеобразным психологическим механизмом компенсации. Постоянное наблюдение страданий и боли приводит к необходимости в повседневной жизни вступать в коммуникацию с людьми, обладающими жизнелюбием, чувством юмора, открытостью и т.д. В то же время думается, что для отдельных представителей волонтерского сообщества выбор таких ценностей связан с тем фактом, что само становление добровольчества в нашей стране носит акционно-мероприятийный характер, в особенности в молодежной среде. Это, в свою очередь, ведет к тому, что на первый план зачастую выходит не решение какой-либо социальной проблемы, а “драйв”, возможность коллективного участия в каком-либо событии, переживание ощущений групповой солидарности и т.п. Безусловно, это становится возможным только рядом с жизнелюбивыми, честными, веселыми людьми.

Что касается восприятия главного в жизни, то здесь мы видим подтверждение тезиса, сформулированного выше и связанного с развитием индивидуализма. Действительно, доминирующие цен-

ности участников, такие как семья, дети, саморазвитие, в большей степени связаны с личностным развитием и развитием своего локального мира. Тем не менее, нельзя не отметить и тот факт, что почти 10% участников онлайн-групп в качестве значимых указывают возможность и необходимость совершенствования мира, его улучшение, что в конечном итоге и является сверхзадачей деятельности волонтера.

В целом стоит отметить, что ценностные ориентации участников волонтерских сообществ отражают особенности трансформации жизненных целей и траекторий большинства россиян, актуализируя те ключевые тренды, которые можно наблюдать сегодня в российском обществе. При этом обратим внимание на достаточно высокий процент участников, которые в качестве важного в жизни, людях, а также собственного интереса выбирают саморазвитие и личностный рост. Это свидетельствует о том, что само волонтерское движение сегодня становится инструментом социального воспитания, саморазвития, повышения собственных компетенций и т.п. В этой ситуации возникает задача при разработке того или иного волонтерского проекта закладывать в него возможности для саморазвития и личностного роста участников.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что сегодня добровольчество становится модным трендом, о чем свидетельствует значительное число участников волонтерских онлайн-сообществ. Мы можем утверждать, что эти сообщества дифференцированы как с точки зрения числа участников, так и с позиции направленности и формата деятельности. При этом основной костяк добровольческого движения составляет студенчество.

Важным с точки зрения управления развитием волонтерства в нашей стране является учет интересов, ценностей и социальных установок участников добровольческого движения, в основе которых лежит личное развитие и самореализация. Именно эти мотиваторы сегодня являются значимыми для вовлечения в волонтерские проекты.

Представляется важным пересмотреть практики и технологии вовлечения граждан в добровольческую активность, отказаться от схемы мобилизации их для участия в отдельных акциях и мероприятиях. Акцент должен быть сделан на развитие долговременных проектов, в которые могут вовлекаться граждане разного возраста, пола, профессионального и социального статуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014.

Зборовский Г.Е., Кузьминчук А.А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник СурГПУ. 2014. № 2 (29). С. 57–70.

Иванова И.И., Петренко Е.С. Авангардные группы — основа российского добровольчества. М., 2012.

Истомина А.Г., Оберемко О.А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 32–47.

Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–74.

Климов И.А. Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 201–216.

Краснопольская И.И. Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик. М., 2012.

Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 94–101.

Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110–119.

Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77.

Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации: отчет по проекту ФОМ / Под науч. ред. С.Г. Климовой, Е.С. Петренко. М., 2012.

Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015.

Яницкий О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 71–89.

REFERENCES

Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in cross-national perspective: initial comparisons // Civil Society: Working Paper. 2001. N 10. P. 2–25.

Gil-Lacruz A., Marcuello C. Voluntary work in Europe: comparative analysis among countries and welfare systems // Springer Science and Business Media B.V. 2012. N 4.

Hackl F., Halla M., Pruckner G. Volunteering and the State // Discussion Paper. 2009. N 2.

Istomina A.G., Oberemko O.A. Legitimatsiya protestnogo uchastiya volonterov [Legitimation of protest participation of volunteers] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2015. N 6. S. 32–47 (in Russian).

Ivanova I.I., Petrenko E.S. Avangardnye gruppy — osnova rossiiskogo dobrovol'chestva [Avant-garde groups are the basis of Russian volunteerism]. M., 2012 (in Russian).

Kirdina S.G. Grazhdanskoe obshchestvo: ukhod ot ideologemy [Civil Society: Departure from Ideologeme] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2012. N 2. S. 63–74 (in Russian).

Klimov I.A. Konstruktivnye i protestnye dvizheniya kak resurs dlya izmeneniya sotsial'nykh praktik i institutov [Constructive and protest movements as a resource for changing social practices and institutions] // Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [Journal of Social Policy Studies]. 2014. T. 12. N 2. S. 201–216 (in Russian).

Krasnopol'skaya I.I. Korporativnoe volonterstvo v Rossii: osnovnye kharakteristiki [Corporate Volunteering in Russia: Key Features] // Korporativnoe volonterstvo v Rossii. Sbornik luchshikh praktik [Corporate Volunteering in Russia. Collection of best practices]. M., 2012 (in Russian).

Oberemko O.A. Volonter ili dobrovolets: elementarnye ob'yasneniya dlya samoopredeleniya [Volunteer or volunteer: elementary explanations for self-determination] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2016. N 6. S. 94–101 (in Russian).

Pevnaya M.V. Volonterstvo kak sotsiologicheskaya problema [Volunteering as a sociological problem] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2013. N 2. S. 110–119 (in Russian).

Pevnaya M.V. Upravlenie rossiiskim volonterstvom: sushchnost' i protivorechiya [Management of Russian Volunteerism: Essence and Contradictions] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2016. N 12. S. 69–77 (in Russian).

Resurs dobrovol'cheskogo dvizheniya avangardnykh grupp dlya rossiiskoi modernizatsii: otchet po proektu. FOM [The resource of the volunteer movement of the avant-garde groups for Russian modernization: the project report. FOM] / Pod nauch. red. S.G. Klimovoi, E.S. Petrenko. M., 2012 (in Russian).

Smirnov V.A. Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth policy: experience of system description] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2014. N 3. S. 72–80 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Fantomy rossiiskogo obshchestva [Phantoms of Russian society]. M., 2015 (in Russian).

Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. 2011. N 82(3). P. 217–252.

Volkov D., Goncharov S. Potentsial grazhdanskogo uchastiya v reshenii sotsial'nykh problem: svodnyi analiticheskii otchet [The potential of civic partici-

pation in solving social problems: a consolidated analytical report]. M., 2014 (in Russian).

Yanitskii O.N. Volontery: grazhdanskie i gosudarstvennye [Volunteers: civil and state] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological studies]. 2014. N 1(5). S. 71–89 (in Russian).

Zborovskii G.E., Kuz'minchuk A.A. Sotsial'naya obshchnost' volonterov skvoz' prizmu temporal'nykh strategii ikh povedeniya [Social community of volunteers through the prism of temporal strategies of their behavior] // Vestnik SurGPU [Bulletin of Surgut]. 2014. N 2 (29). S. 57–70 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-94-116

УНИЧТОЖЕНИЕ РЕПУТАЦИИ ЛИДЕРА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ВЛИЯНИЕ ИМИДЖЕВЫХ ОШИБОК И ВНЕШНИХ АТАК

М.М. Сурхайханов, генеральный директор пиар-агентства Овертон, соискатель кафедры управления персоналом факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

Важность феномена репутации как инструмента власти и влияния остается актуальной с древнейших времен до наших дней. В эру цифровых технологий способы передачи информации обретают новые формы и динамику. Это во многом отражается на развитии социальных коммуникаций и скорости формирования мнений. При этом актуализируются вопросы об улучшении инструментов воздействия на общественное мнение с целью повышения степени влияния средств трансформации репутации. В данной статье подробно рассматривается феномен репутации как инструмент влияния на целевую аудиторию и средство воздействия на принятие решений аудиторией. Анализируется социальная ценность репутации, способы ее роста и укрепления. Учитывается специфика методов формирования репутации и методов воздействия на репутацию с использованием современных каналов коммуникации. Особое внимание уделяется связи репутации с имиджем, рассматриваются их основные сходства и способы формирования, а также отличия и особенности коррекции. Проводятся исследование методов воздействия на репутацию с целью ее дискредитации, подробный анализ составных частей атаки на репутацию. Отмечается различие атак на репутацию и их последствий для субъекта репутации. На конкретных примерах рассматриваются приемы по нивелированию негатива и коррекции репутации.

Ключевые слова: репутация, имидж, киберпространство, атаки на репутацию, информационные атаки, технологии черного пиара, социальные сети.

* Сурхайханов Магомед Махмудович, e-mail: maga_pr@mail.ru

THE DESTRUCTION OF A REPUTATION AS A LEADER IN CYBERSPACE: THE IMPACT OF IMAGE ERRORS AND EXTERNAL ATTACKS

Surkhaikhanov Magomed M., General Director of PR Agency AME, candidate of the Department of personnel management of the Faculty of public administration of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Lomonosov Avenue, 27, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: evzerov@list.ru

The importance of the phenomenon of reputation as an instrument of power and influence remains relevant from ancient times to the present day. In the era of digital technology, ways of transmitting information are taking on new forms and dynamics. This largely affects the development of social communications and the speed of opinion formation. At the same time, the issues of improving the instruments of influence on public opinion in order to increase the degree of influence by means of reputation are updated. This article discusses in detail the phenomenon of reputation as a tool to influence the target audience and a means of influencing decision-making audience. The social value of reputation, ways of its growth and strengthening are analyzed. The specificity of methods of reputation formation and methods of influence on reputation with the use of modern communication channels is taken into account. Special attention is paid to the relationship of reputation with the image, their main similarities and methods of formation, as well as differences and features of correction. Research of methods of influence on reputation for the purpose of its discredit, with the detailed analysis of components of attack on reputation is carried out. The difference between attacks on reputation and their consequences for the subject of reputation is noted. Specific examples are considered techniques for leveling the negative and reputation correction.

Key words: reputation, image, cyberspace, attacks on reputation, information attacks, black PR technologies, social networks.

Введение

Найти способ управлять собственной репутацией, корректировать ее в нужном направлении и эффективно атаковать репутацию оппонента люди пытались с древнейших времен и продолжают пытаться в наши дни. Труды, в которых описываются явные и скрытые приемы по перехвату инициативы, воздействию на противника путем нанесения ущерба его репутации и внушения страха его окружению методом укрепления собственной репутации, можно встретить в упоминаниях о событиях, происходивших в древнем Китае. Методы воздействия на подданных посредством своей репутации, сбор положительной или отрицательной информации о собственной

репутации, способы использования репутации при воздействии на массы излагаются также в древнеримских трактатах¹.

В современном мире методы воздействия на репутацию в основном применяются в киберпространстве², поскольку именно в этом пространстве находится большая часть каналов коммуникации, используемых для внедрения информации в разные социальные группы. Применение методов воздействия на репутацию в киберпространстве обусловлено также расширением самого киберпространства, которое, в свою очередь, обусловлено развитием цифровых технологий. Технологии сегодняшнего дня способствуют вовлечению населения в актуальные для него дискуссии, обсуждению важных тем и объединению по интересам относительно тех или иных проблем.

Вместе с каналами коммуникации в киберпространство сегодня также переходят общение и обмен файлами между учеными³, связи с деловыми партнерами, обсуждение социальных случаев, межличностные отношения индивидов. В киберпространство переходят также противостояние конкурирующих организаций, борьба за электорат между политиками, борьба власти и оппозиции, противоборство стран за мировое влияние и природные ресурсы. В вышеперечисленных процессах влияние репутации играет важную роль, вследствие чего повышается значимость совершенствования методов воздействия на репутацию, а также важность их максимальной адаптации к современным условиям коммуникации. Направления, указанные выше, попадают также в поле зрения социальных технологов, пиар-специалистов и рекламщиков, которые в свою очередь эксплуатируют создавшиеся тенденции и тем самым ведут работу по улучшению инструментов влияния на репутацию. Значение репутации в общественном понимании укрепляется также в силу взаимодействий целевой аудитории и образа лидера, вокруг которого формируется аудитория. В такой петле факторов на репутацию возлагается формирование важных с точки зрения морали и нравственности человеческих ценностей. Возросшую значимость репутации нам также демонстрирует статистика судебных исков⁴ о защите чести

¹ См., например: Тридцать шесть стратагем (перевод с китайского В.В. Малявина), работы Н. Макиавелли, и др.

² *Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 4.

³ *Богданова И.Ф.* Онлайн-пространство научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 2–3.

⁴ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4146> (дата обращения: 29.09.2018).

и деловой репутации, которая с каждым годом меняется в сторону увеличения.

Понятие репутации

Репутация — это социальная оценка, совокупность рациональных и эмоциональных суждений, сформированных у целевой аудитории об организации или персоне в результате деятельности организации или персоны на протяжении длительного времени; всеобщее отношение и признание, возникшее вследствие конкретных действий. Хорошая репутация позволяет в большинстве случаев обеспечить гарантию взятых на себя исполнителем обязательств перед клиентами компании, электоратом кандидата на выборах или партнерами делового человека.

По мнению И. Важениной, репутация создается очень медленно, но работает при этом достаточно долго⁵, однако следует учесть возросшую скорость передачи информации, что безусловно влияет и на динамичность формирования репутации.

Репутация может быть выстроена целенаправленно или же формироваться стихийно. Н. Устинова утверждает, что репутация может не соответствовать требованиям общественности, поскольку ее носитель воспринимается таким, каков он есть на самом деле⁶, к этому следует добавить, что Н. Устинова, на наш взгляд, пишет о стихийно сформированной репутации, поскольку спланированная репутация формируется на основании в том числе требований общественности с целью сделать носителя репутации максимально соответствующим требованиям целевой аудитории.

В своем сравнительном анализе И. Харламов также подчеркивает, что репутация — это не общее мнение разных индивидов, а сформированная позиция, возникшая в ходе не только получения информации, но и ее осмысления и переработки, в том числе путем дискуссий⁷.

В работах Р. Масленникова по организации пиар-акций⁸, направленных на формирование репутации, большое внимание уделяется термину “сухой остаток” — мнению о продукте, сформированному в результате резонансного события, связанного с продуктом. Авторы

⁵ Важенина И.С. Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // Управленец. 2010. № 5–6. С. 5.

⁶ Устинова Н.В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования. Екатеринбург, 2005. С. 10.

⁷ Харламов И.Г. Формирование репутации в политике и бизнесе. М., 2009. С. 5.

⁸ Масленников Р.М. Наконец-то знаменит. М., 2010. С. 10.

пособия по связям с общественностью А. Чумиков и М. Бочаров в свою очередь утверждают, что репутация тождественна термину сухой остаток⁹. А. Трубецкой рассматривает репутацию как структурный психологический феномен, сформированный в общественном сознании¹⁰.

Опираясь на утверждения приведенных выше авторов, можно констатировать, что репутация является важным инструментом влияния. С ее помощью можно внушать страх и побеждать, вызывать доверие и получать прибыль. Ее отсутствие или негативный оттенок, напротив, будут препятствовать субъекту в достижении целей. Репутация имеет свойство укрепляться или ослабевать, меняться в положительную или отрицательную сторону. Носителю репутации необходимо постоянно заботиться о ее росте и укреплении.

Репутация как нематериальный актив

В торговой сфере репутация является базовой категорией, поскольку огромный ассортимент товаров и услуг, мало уступающих друг другу в качестве, дезориентирует потребителя. Репутация производителя как лидера отрасли часто выступает главным аргументом при совершении покупки, позволяет расширить рынок и удерживать клиентов долгое время. Для политических деятелей репутация также является основой положительного исхода на выборах и увеличения электората.

Проникновение СМИ и социальных сетей почти во все слои общества обязало поддерживать репутацию даже персон абсолютно далеких от политики и публичности. В фильме “Исчезнувшая” режиссера Дэвида Финчера можно видеть, как муж, зная о коварстве и преступлении своей супруги, боится подать на развод, поскольку за это его могут возненавидеть соседи и все жители города¹¹.

В репутацию организаций вкладывают большие средства даже самые успешные компании на рынке. По данным информационного канала РБК, рекламный бюджет компании “Кока-Кола” в 2016 г. составил 3,98 млрд рублей. По данным Лента.ру, компания “Эппл” в 2009 г. потратила на рекламу 1,5 млрд долларов, а начиная с 2010 г. засекретила данные о маркетинговых бюджетах¹².

⁹ Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью. М., 2009. С. 21.

¹⁰ Трубецкой А.Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации. М., 2005. С. 3.

¹¹ “Исчезнувшая”, триллер, драма, реж. Дэвид Финчер. 2003–2018 // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/692861/> (дата обращения: 23.07.2018).

¹² РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2017/58b531e09a79477b14585a82 (дата обращения: 27.07.2018).

Для управления таким нематериальным активом, как репутация, а также с целью планирования ее роста и укрепления существуют репутационный менеджмент и репутационный аудит.

Репутационный менеджмент — это комплекс приемов и технологий, способствующих созданию, росту и укреплению репутации в сознании тех, на кого направлено ее влияние. Это долгосрочная процедура, нацеленная на расширение и упрочение репутации и недопущение ее хаотического развития. Репутационный менеджмент направлен также на освещение положительных ситуаций и успехов обладателя репутации, нивелирование оплошностей носителя репутации и профилактики ситуаций, угрожающих репутации.

В задачи репутационного менеджмента входят:

- мониторинг восприятия носителя репутации целевой аудиторией;
- популяризация обладателя репутации в массах, расширение целевой аудитории;
- улучшение положительных характеристик обладателя репутации в сознании потребителей и электората;
- подбор лояльных площадок для регулярного распространения информации о носителе репутации;
- увеличение роста лояльности среди целевой аудитории;
- рост интерактивной коммуникации с потребителями и избирателями;
- донесение важных информационных поводов, связанных с организацией или персоной, до общественности.

Американский эксперт репутационного менеджмента Элвин Голин ввел понятие “Bank of Trust” — банк доверия или депозит доверия. Согласно его теории, компания в период относительного “штиля” на рынке должна вкладывать деньги в собственный имидж и репутацию и, когда возникнут трудности, вложения помогут ей их преодолеть и удержать позиции¹³.

Основной задачей репутационного аудита выступает установление близкой к реальным показателям социально-экономической оценки для дальнейшего выстраивания позитивного роста репутации у целевой общественности. Словосочетание “близкой к реальным показателям” использовано нами неслучайно, поскольку в настоящее время еще не созданы высокоточные инструменты анализа репутации персоны и измерения нематериальных активов

¹³ PROGRESSIONS. URL: <http://progressions.prssa.org/index.php/2014/01/20/legends-of-public-relations-alvin-golin/> (дата обращения: 27.07.2018).

предприятий. И. Важенина в своих работах отмечает¹⁴, что социологические опросы и рейтинговые оценки вообще не предполагают точного измерения репутации. Похожее мнение можно встретить в работах О. Матвейчева, в которых он утверждает, что часто во время предвыборных кампаний избиратель в социальных опросах дает один ответ, а во время голосования делает совершенно другой выбор.

Репутация политического лидера

Репутация политического деятеля — сложный феномен, прежде всего, в силу своей многоаспектности. Идея о том, что репутация политика — это основа всех его успехов, стоящая порой выше компетентности, выдвигалась еще в трудах Платона¹⁵, в которых политика и ее представители неотъемлемо связаны с мнением всех граждан (общественным мнением).

Н. Макиавелли в своем труде “Государь” также указывает на важность благоприятного общественного мнения, сформированного о политике. Если правитель пришел к власти от народа, необходимо всеми силами сохранить “дружбу с народом”, если же правитель пришел к власти наперекор народу, первое, что необходимо сделать — заручиться поддержкой народа¹⁶.

В конце второго десятилетия XXI в. деятельность политиков в виртуальном пространстве значительно активизируется: цитаты мыслителей и философов прошлого на фоне собственных фотографий, мотивационные тексты о достижениях целей, отчет о проведенных встречах и проделанной работе — все это государственные деятели спешат выложить на страницах своих аккаунтов в социальных сетях. Такая гласность направлена на улучшение социально-политической репутации госслужащего и формирование положительного отношения к нему. Демонстрация определенного поведения в разных ситуациях и предсказуемость в отношении собственной принципиальности укрепляют репутацию политика и повышают кредит доверия ему. Продолжая анализировать работы А. Трубецкого, можно найти утверждение, что положительная репутация человека связана не в последнюю очередь с его социальной ответственностью¹⁷. В этом случае для политика высокая степень социальной ответственности имеет исключительную важность,

¹⁴ Важенина И.С. Концептуальные основы форматирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде // Автореферат. ЕКБ. М., 2008. С. 16.

¹⁵ См., например, трактат Платона “Государство”.

¹⁶ Макиавелли Н. Государь. М., 2005. С. 21–25.

¹⁷ Трубецкой А.Ю. Указ. соч. С. 16.

поскольку непосредственно переплетается с его функциональными обязанностями и реализацией миссии в обществе.

Репутация политического деятеля, особенно если он занимает высокие должности, как правило, идеализирует его персону в соответствии с ожиданиями его целевой аудитории. В работе Н. Розановой результаты проведенных опросов показывают, что 82% опрошенных уверены, что репутация политика может быть выстроена искусственно¹⁸.

До последнего времени репутация политиков формировалась преимущественно средствами массовой информации, принадлежащими государственным органам. Сегодня интернет захватывает все больше аудитории, вытесняя печатные издания и переориентируя целевую аудиторию с ТВ-формата на потребление информации из сети¹⁹. В этой связи манипулятивное воздействие политиков на электорат начинает ослабевать, появляется необходимость поиска новых инструментов для роста и укрепления собственной репутации. Принципы формирования репутации политического лидера основываются на характерных чертах личности носителя репутации, главных целях и принципиальных позициях по социально значимым вопросам.

Корреляция репутации с имиджем

Слово “репутация” стоит в одном синонимическом ряду со словом “имидж”²⁰, оба феномена часто пересекаются, но имеют некоторые отличия. Для лучшего понимания обратимся к их этимологии. Слово “имидж” происходит от английского слова “image”, что означает “образ, изображение, отражение”. В латинском языке существует слово “imitari”, что означает “имитировать”. И первое и второе этимологическое значение можно подвести под современное представление слова “имидж”. Слово “репутация” образовано от французского слова “renome”, что означает “слава”, “доброе имя”, однако и в латинском языке есть слово близкое к репутации по смыслу и звучанию, это слово “reputation”, переводится как “размышление”.

¹⁸ Розанова Н.Н. Совершенствования процесса управления репутацией власти на уровне региона // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. Т. 24. № 4. С. 96.

¹⁹ Дергачев В., Истомина М. Социологи зафиксировали снижение доверия россиян к государственным СМИ // РБК. 2018. 27 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfd31189a79475d5dae5a51> (дата обращения: 29.01.2019).

²⁰ Словарь синонимов русского языка — онлайн подбор. URL: <https://bit.ly/2TB1Nwk> (дата обращения: 29.09.2018).

В работе Л. Пироговой имидж — это многогранное явление, создаваемое вследствие субъектного взаимодействия общества²¹. Г. Татарина классифицирует имидж²² тремя категориями:

1. Реальный имидж — имидж, близкий к действительному образу субъекта в восприятии целевой аудитории.

2. Зеркальный имидж — имидж, близкий к восприятию себя самим субъектом, кажущийся имидж. Субъект (носитель имиджа) воспринимает себя именно таковым, причем восприятие может быть далеким от реального образа.

3. Искомый имидж — идеальный, совершенный образ субъекта в восприятии целевой аудитории.

Имидж бывает внешний, отвечающий за образ; внутренний, состоящий из привычек и поведения; мимический, позволяющий контролировать и маскировать проявление эмоций; кинетический, связанный с походкой, осанкой и жестами; вербальный, связанный с уровнем разговорной речи и словарным запасом. Имидж создается с определенной целью и является целенаправленно сформированным образом, а не врожденным²³. Рассчитанный как инструмент воздействия на целевую аудиторию, имидж формируется, исходя из ее предпочтений и на основе ее исследования.

И. Харламов отмечает, что репутация более рациональна, чем имидж, и формируется в результате осмысления эмоций, полученных от восприятия и оценок деятельности объекта репутации²⁴. К. Тендит утверждает, что инструменты, используемые в формировании имиджа и репутации, одинаковы, имидж — это маска, а репутация — это то, что скрывается за ней²⁵. В работе Н. Устиновой имидж рассматривается как целенаправленно формируемый образ субъекта, тогда как репутация выделяется как стихийно складывающийся в массовом сознании нравственный и профессиональный образ²⁶, но, как было отмечено выше, репутация также бывает спланированной и стихийной.

Представляя собой образ субъекта, имидж находится в поле непосредственного влияния со стороны субъекта, соответственно

²¹ Пирогова Л.Н. Имидж власти как отражение политической культуры общества. М., 2005. С. 14.

²² Татарина Г.Н. Имиджелогия. М., 2003. С. 202.

²³ Федорова А.В. Соотношение понятий “имидж” и “репутация” предприятия // Экономика транспортного комплекса вып. 2014. № 23. С. 71.

²⁴ Харламов И.Г. Указ. соч. С. 4.

²⁵ Тендит К.Н. Основы репутационного менеджмента. Комсомольск н/А., 2013. С. 6.

²⁶ Устинова Н.В. Указ. соч. С. 10.

управлять имиджем легче, чем репутацией. Лидер может прямо влиять на свой внешний вид, манеру поведения, стиль речи, однако он не может прямо влиять на разговоры о себе в свое отсутствие, мысли и эмоции, возникающие у окружающих его индивидов после контакта с ним. В материалах А. Федоровой дана сравнительная таблица имиджа и репутации²⁷. В таблице подробно анализируются сравнительные характеристики имиджа и репутации, в то же время репутация постоянно рассматривается как рациональная (правдивая) оценка субъекта, тогда как действия субъекта не всегда могут выражать его правдивые намерения и как и в случае с имиджем быть специально смоделированными для улучшения собственной репутации. В работе О. Матвейчева приводится пример, когда политтехнолог, обращаясь к своему другу, предлагает ему перевести крупную сумму в благотворительный фонд, объясняя, что данное действие скорректирует его репутацию, целевая аудитория начнет воспринимать его не просто как предпринимателя, а уже как мецената²⁸.

Исходя из данных таблицы в работе А. Федоровой, можно заключить, что имидж быстро формируется и быстро утрачивается. Как было отмечено выше, имидж находится в непосредственном поле воздействия субъекта. Репутация, согласно сравнительной таблице А. Федоровой, формируется медленнее, но утрачивается быстро. С этим утверждением сложно согласится, так как хорошо сформированная репутация может действовать достаточно долго. Пример тому: репутация И. Сталина, которая, несмотря на многочисленные и целенаправленные воздействия по ее дискредитации для большого количества людей остается сильной и сегодня, подтверждение этому можно найти в соцсетях, проанализировав большое количество сообществ, посвященных И. Сталину²⁹. Данный пример позволяет сделать вывод о том, что длительное и правильное формирование репутации влечет за собой столь же длительный эффект воздействия репутации, вследствие чего быстрая утрата эффекта этого воздействия маловероятна. Из сказанного выше также можно сделать вывод, что для формирования имиджа важен контакт с образом субъекта, тогда как для формирования репутации важнее информация о деятельности субъекта.

²⁷ Федорова А.В. Указ. соч. С. 73.

²⁸ Матвейчев О.А. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. М., 2005. С. 76–80.

²⁹ См., например Instagram, Facebook, VK, поиск сообществ по запросу “Сталин”.

На наш взгляд, имидж, который часто ставят в один синонимический ряд с репутацией, отличается от нее по способу формирования и функциональной направленности; являясь в большей степени отражением образа субъекта, имидж влияет на формирование информационного образа, который может как привлекать целевую аудиторию, так и отталкивать ее, репутация же является отражением действий (деятельности) субъекта, которые также могут привлекать и отпугивать целевую аудиторию в зависимости от стоящих перед субъектом задач.

Рис. 1. Корреляция репутации и имиджа

В большинстве случаев имидж первичнее репутации, поскольку образ субъекта появляется раньше его действий. Но бывают исключения, когда информация о действиях достигает целевой аудитории раньше, чем у аудитории произойдет непосредственный контакт с образом субъекта (репутация “бежит” впереди носителя). Задачей имиджа является привлечение целевой аудитории к субъекту, задачей репутации — формирование доверительного отношения целевой аудитории к субъекту и возможность влиять на решения целевой аудитории. Имидж и репутация по-разному формируются, но в то же время решают общие задачи и дополняют друг друга. Целевой аудитории сложно поверить в дела и сделать выбор в отсутствии образа, так же как и сформировать доверительное отношение к образу в отсутствии информации о деятельности носителя образа.

Дискредитация положительной репутации

Методы негативного воздействия на репутацию можно обнаружить еще в Древнем Риме, когда политики изображали своих оппонентов на городских стенах в виде ослов и других животных³⁰. Подобные инциденты были также в Средневековье и в Новое время. В зависимости от динамики социальных правил менялись и методы атак на репутацию. Нападения на репутацию в прошлом, как правило, имели целью борьбу за престол. Сегодняшние атаки на репутацию имеют разнообразные цели: ослабление влияния, потеря доверия, переориентация потребителя, подрыв социальной базы, ослабление социальных связей, лишение социальной поддержки, понижение продаж, прибылей конкурирующей организации, перехват инициативы и т.п.

Нравы 90-х гг. XX в. в России постепенно “сходят на нет”. Развитие информационного пространства позволяет мгновенно информировать население о любых происшествиях, не взирая на уровень социальной значимости. Решение проблем с помощью силы и физического устранения перешло в другую плоскость — информационную. “Зачем устранять физически, если проще уничтожить репутацию человека”, — как сказал драматург Марюс Ивашкявичюс о деле против Кирилла Серебренникова³¹.

Воздействие на репутацию с целью ее ухудшения и ослабления — это комплекс коммуникационных действий, направленных на разрушение положительных свойств носителя репутации, а также их полная, либо частичная ликвидация в сознании целевых групп путем обнародования негативной информации. Американский социолог Джером Дэвис перечисляет следующие составляющие общественного мнения, на которых основывается разрушение репутации: страх, невежество, зависть, подозрительность, злоба, ревность, разочарование, жадность, агрессия, экономическое соперничество, эмоциональная нестабильность и неполноценность³².

Атака на репутацию может иметь хорошую почву, если субъект репутации совершал определенные социальные действия, не прогнозируя, что в один прекрасный день они могут обернуться против него. Политического деятеля, позволяющего себе коррупционные преступления или безнравственные деяния, так же как и организа-

³⁰ Ромат Е.В. История рекламы // Лектмания. 2016. URL: <http://lectmania.ru/2x29ec.html> (дата обращения: 20.09.2018).

³¹ Зачем устранять физически, если проще уничтожить репутацию человека. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/03/zachem-ustranyat-fizicheski-esli-prosche-unichtozhit-reputatsiyu-cheloveka> (дата обращения: 03.08.2018).

³² Цит. по: Давыдов С., Самойленко С. Разрушить репутацию. Как? // Отчет о конференции: разрушение репутации в теории и на практике. Вашингтон, 2017. С. 2.

цию, использующую с целью наживы недоброкачественные материалы или “черные” финансовые схемы, легче скинуть с социального пьедестала, нежели тех, кто заботится о чистоте своей репутации и избегает подобных действий. В одном из интервью известный российский политконсультант О. Матвейчев на вопрос, как защититься от компромата, ответил, что лучше всего не совершать ничего компрометирующего³³.

Профессор университета Джорджа Мейсона (Вирджиния, США) Сергей Самойленко перечисляет пять факторов репутационного уничтожения: нападающий, мишень, медиа, аудитория, социальные нормы³⁴.

С целью детального понимания структуры репутационной атаки рассмотрим подробно каждый фактор.

Мишень репутационной атаки — это объект, на который направлена совокупность воздействия коммуникационных инструментов с целью дискредитации. Сошлемся на высказывание С. Самойленко, о том, что не всякая мишень может стать жертвой, все зависит от уровня репутации мишени, ее ресурсов и месте в социальной структуре. Среди пиар-технологов и имиджмейкеров также существует утверждение о том, что при “мощной” (сформированной годами) репутации одноразовый компромат или атака может “кусаться” не сильно. На примере репутации И. Сталина можно сделать вывод, что даже специально организованная массированная атака на репутацию может быть мало эффективна, как уже говорилось выше.

Медиа выступают важным инструментом в уничтожении репутации. Они могут как усилить атаку, гипертрофировать общественный резонанс и растянуть его на долгое время, так и потопить атаку в информационном потоке других событий, если не сочтут ее составляющую интересной или социально значимой. При планировании атаки на репутацию нападающему необходимо учитывать все аспекты взаимодействия с медиа-ресурсами и знать, как они работают.

Аудитория, на которую рассчитана информационная атака, бывает разной. Если рассматривать ее исходя из мишени “объекта атаки”, можно выделить следующие целевые группы: клиенты, конкуренты, партнеры, органы государственной власти, персонал, поставщики, жители, проживающие вблизи, избиратели. Аудитория,

³³ Матвейчев О.А. Посредник между народом и политиком // Матвейчев О.А. Уши машут ослом... С. 16.

³⁴ Самойленко С.А. Репутационные издержки в современном мире: многоканальный трафик репутаций // Гефтер. 2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24731> (дата обращения: 25.09.2018).

как и медиа, может усилить атаку и расширить ее масштабы. Эффект атаки на репутацию помимо целей атакующего измеряется также степенью вовлеченности аудитории.

Социальные установки также играют большую роль в уничтожении репутации. Нападающий может сколь угодно долго и часто атаковать репутацию своего оппонента, но, если негативные составляющие носителя репутации не противоречат социальным нормам данного общества, атака не возымеет должного эффекта. Примером этому может быть Усама Бен Ладен, который для граждан США является террористом и угрозой, а для граждан Афганистана может являться героем, борцом за свободу и т.п.

Совершающий атаку на репутацию, как правило, движим целями расширения влияния, устранения конкурентов, увеличения прибыли. Он также может руководствоваться такими мотивами, как жажда мщения, личные обиды, зависть, порожденная собственной несостоятельностью, и, как следствие, желание навредить более успешному. Сложно сказать, какой тип атакующих может быть более эффективен в разрушении репутации, одни руководствуются расчетом, другие — эмоциями. Атакующий репутацию при правильной атаке должен действовать скрытно, атака на репутацию должна выглядеть как следствие стихийных обстоятельств, повлекших за собой выявление скрываемых от общественности негативных фактов его деятельности или биографии. Нападающий должен прекрасно ориентироваться в информационном пространстве, следить за перепадами настроений общественного мнения, постоянно мониторить повестку дня и значимые события. Атакующий должен знать основные общественные стереотипы социальных групп (объекта репутации) и уметь их эксплуатировать.

Репутационные атаки в современном информационном пространстве делятся на стихийные и спланированные. Стихийные атаки реализуются как следствие имиджевой ошибки, нарушения сложившейся политики компании или поведения персоны в сознании целевой аудитории, несоблюдения законодательства, нарушения взятых на себя обязательств, неосторожных высказываний. Стихийные атаки нередко случаются в связи с утечкой конфиденциальной информации об организации или персоне. Стихийные атаки на репутацию в большинстве случаев носят краткосрочный характер и редко перерастают в массовую истерию среди населения.

Одним из самых свежих примеров стихийных атак на репутацию можно привести неудачное высказывание директора департамента молодежной политики Свердловской области Ольги Глацких.

Чиновница, выступая на официальной встрече с волонтерами Кировграда, заявила о том, что государство ничего не должно молодежи, им должны их родители, которых государство вообще не просило рожать их на свет³⁵.

Высказывание, противоречащее общечеловеческой нравственности, демографической политике страны да и вообще здравому смыслу, вызвало огромную волну гнева в интернете и СМИ. Заявление, недопустимое для чиновника такого уровня, после попадания в интернет повлекло реакцию органов государственной власти. Одним из первых на слова чиновницы отреагировал губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев, заявивший о некорректности слов Глацких и о намерении лично поговорить с ней. Глацких поступила так же, как поступает большинство публичных людей, попавших в скандал: после временного отстранения от должности она попыталась исчезнуть из информационного пространства, что в условиях современной медиасреды крайне сложно, а после записала интервью со словами извинения, объясняя, что она просто “ляпнула”³⁶, и что она обычный человек.

Традиционные и во многом устаревшие приемы, используемые публичными людьми в подобных ситуациях, не помогли свердловской чиновнице. Губернатор своим приказом ликвидировал департамент³⁷, возглавляемый Ольгой Глацких, лишив таким образом поста саму Ольгу и распустив возглавляемый ею департамент. Как было сказано выше, для политика степень социальной ответственности очень важна, поскольку она прямо пропорциональна его функциональным обязанностям и реализации его миссии в обществе. Соответственно, политик или чиновник, пренебрегающий этой ответственностью, вообще не должен занимать место в аппарате государственного управления.

В подтверждение сказанного можно вспомнить детского омбудсмена Павла Астахова, который при общении с пострадавшими детьми неосторожно пошутил³⁸.

³⁵ Сидорчик А. Государство не просило вас рожать. Ольга Глацких не хочет уходить // Аргументы и факты. 2018. 7 дек. URL: http://www.aif.ru/society/people/gosudarstvo_ne_prosilo_vas_rozhat_olga_glackih_ne_hochet_uhodit (дата обращения: 08.12.2018).

³⁶ Там же.

³⁷ Калюков Е., Кокорева М. Куйвашев лишил поста автора фразы “государство не просило вас рожать” // РБК. 2018. 1 дек. URL: https://www.rbc.ru/society/10/12/2018/5c0e1a1e9a794712f7600acb?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.12.2018).

³⁸ Парфилов В. От макарошек до легендарного мема. За какие слова и как поплатились российские чиновники // Федерал пресс. 2018. 9 нояб. URL: <http://fedpress.ru/article/2150595> (дата обращения: 28.10.2018).

Недопустимое общение омбудсмана с пострадавшими детьми вызвало негативную реакцию в СМИ и интернете. Граждане, недовольные поведением чиновника, начали собирать подписи в поддержку отстранения его от должности. Стихийная атака на репутацию в данном случае также возымела эффект и 9 сентября 2016 г. указом Президента Российской Федерации Павел Астахов был отправлен в отставку.

Стихийная атака на репутацию бывает также сформирована носителем репутации в ходе его противозаконных или аморальных действий продолжительного характера. Наглядным примером может служить уничтоженная репутация известного голливудского продюсера Харви Вайнштейна, от которого после сексуального скандала отвернулись известные кинокомпании, и он потерял выгодные контракты. По утверждению С. Самойленко, действия продюсера достигли критической массы, и он должен был отдавать себе отчет, что в будущем они сыграют ему не лучшую службу.

В некоторых случаях ущерб репутации, возникший стихийно вследствие имиджевой ошибки, можно поправить конкретными действиями. Сотрудник компании, допустивший нарушение, может быть сразу уволен или наказан, компания может принести официальные извинения, политик может официально извиниться за грубое высказывание или действие своих сотрудников. Перевести крупную сумму в благотворительный фонд. Иногда этого достаточно, чтобы снизить общественное возмущение.

Спланированные атаки на репутацию сложны в своей реализации и весьма опасны для субъекта репутации. Зачастую источник спланированной атаки искусственно гипертрофирует ситуацию, растягивая общественный негатив на длительное время.

Главным инструментом в спланированной атаке на репутацию являются социальные резервы и общественные каналы коммуникации (социальные сети, мессенджеры, форумы, крупные тематические сообщества), а также заказные статьи в СМИ и репортажи на телеканалах.

Спланированная атака на репутацию, как правило, носит полуанонимный характер. Атака не может быть полностью анонимной, поскольку в этом случае подрывается доверие к источнику атаки. Спланированную атаку на репутацию можно структурировать в соответствии со следующими элементами: невидимый субъект атаки, видимый субъект атаки, информационный повод (компромат), источники распространения (интернет, СМИ, ТВ, слухи), объект атаки (клиенты, избиратели, конкуренты, административные органы, контролирующие органы), жертва атаки (политический лидер, организация-лидер).

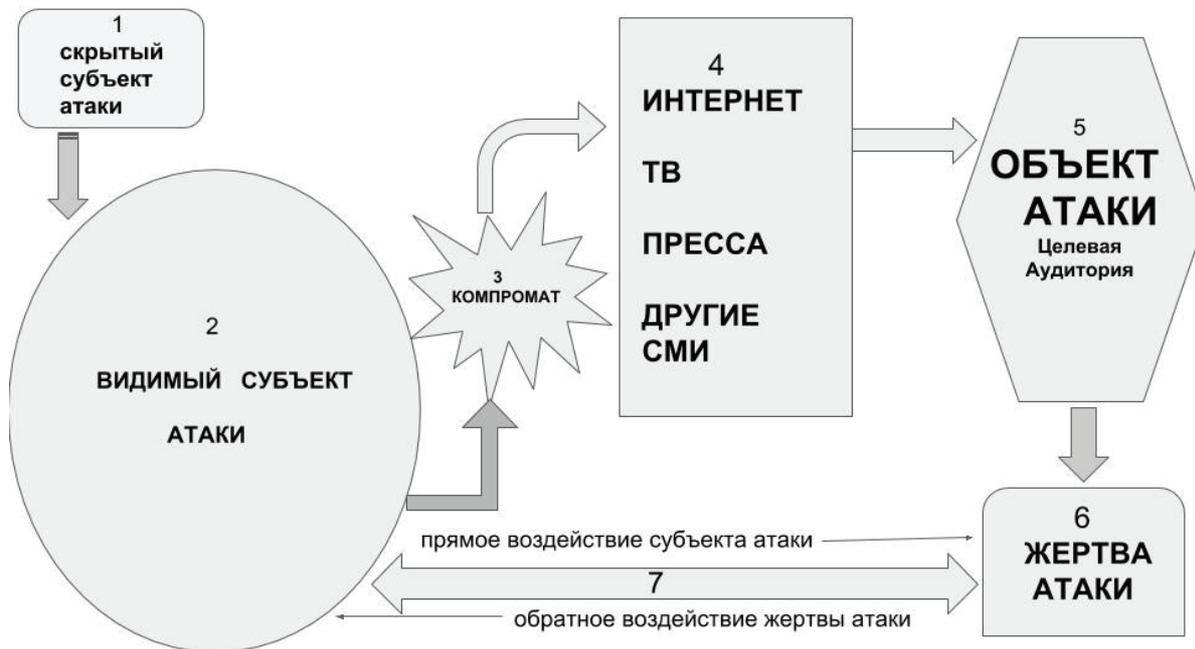
Более близкий по времени образец уничтожения репутации — крах репутации мэра города Киева, и бывшего профессионального боксера Виталия Кличко. В настоящее время огромное количество граждан России считают киевского градоначальника, мягко говоря, человеком несознательным, со слабым пониманием происходящих вокруг процессов, неспособным правильно излагать собственные мысли. Примечательно, что репутация бывшего боксера начала страдать после событий на Майдане 2014 г. и присоединения Крыма к Российской Федерации. До политических событий на Украине Виталий Кличко, как и его брат Владимир, были любимцами многих россиян. О них снимали документальные фильмы на Первом Федеральном канале, они участвовали в известной телепередаче “Новогодний огонек”, присутствовали на мероприятиях среди других звезд российской эстрады. После расхождения политических курсов России и Украины, Виталий Кличко, вставший на сторону руководства Украины и занявший в нем должность мэра Киева, стал объектом насмешек, героем мемов и анекдотов, человеком, который не умеет нормально излагать свои мысли и не понимает, что происходит вокруг. Израильский нейрохирург Йонатан Деген, глядя на бывшего боксера по телевизору, даже сумел поставить ему диагноз: ранняя степень болезни Паркинсона. Сам Виталий Кличко в интервью Владимиру Познеру на вопрос о диагнозе ответил, что вообще сомневается в существовании такого хирурга и готов к любым проверкам³⁹. Позднее на российском телевидении начали также появляться репортажи о криминальном прошлом братьев Кличко и их связях с известными авторитетами. Позднее на канале “Россия-1” показали новость о том, как Виталий Кличко упал с велосипеда, также акцентируя внимание на общей неспособности политика даже к элементарным действиям.

Поучительно наблюдать, как из героя и любимца страны человек может превратиться в умственно отсталого преступника и врага. Данный пример подтверждает, что способствовать краху репутации может как новая информация о его деятельности, так и дела давно минувших дней. Очевидно, что на первом этапе компрометирующая информация была вброшена и донесена до целевой аудитории, а на втором недруги, завистники и просто пользователи социальных сетей, которые обладают большим количеством свободного времени, сделали свое дело. Скрытый субъект атаки на репутацию Виталия

³⁹ Познер В. Гость. Виталий Кличко // Первый канал. Познер. 2011. Вып. от 13.12.2011. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-vitaliy-klichko-pozner-vypusk-ot-13-12-2011> (дата обращения: 08.08.2018).

Кличко остается анонимным, и вся атака умело маскируется под стихийную.

Спланированную атаку на репутацию можно разложить на следующие составные части:

- 1 — скрытый субъект атаки
- 2 — видимый субъект атаки
- 3 — компромат
- 4 — каналы распространения компромата
- 5 — объект атаки (целевая аудитория)
- 6 — жертва атаки, конечная мишень скрытого субъекта атаки
- 7 — реверсивное воздействие

Рис. 2. Спланированная атака на репутацию

Методы преобразования репутации

Для коррекции репутации лидера хорошо подходит использование фасцинативных поступков. Фасцинация (от лат. “завораживание”), как пишет Ю. Кнорозов, — это эффективное захватывающее действие, при котором ранняя информация полностью или частично стирается. Фасцинативные поступки направлены на выработку следующих реакций: ликование, восторг, ужас, паника, разрыв шаблона⁴⁰.

Примером фасцинативных поступков можно назвать полет президента РФ Владимира Путина на истребителе Су-27⁴¹, который

⁴⁰ Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 63.

⁴¹ Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/38841> (дата обращения: 27.10.2018).

был освящен во всех российских и многих мировых СМИ. Данный поступок показал, что глава государства в отличной физической форме, полон отваги и решимости, обладает важными качествами для занимаемой должности. Полет Путина вызвал тогда положительные эмоции у населения, которые, безусловно, способствовали росту и укреплению его репутации.

При использовании фасцинативных поступков в построении или изменении репутации необходимо помнить об оригинальности, эксклюзивности каждого поступка. В отличие от навязчивой рекламы, которая доносит информацию до потребителя путем многократного повторения, фасцинативные поступки не повторяются и всегда носят строго индивидуальный характер. Повторение фасцинативных поступков может негативно сказаться на репутации. Например, президент Украины Петр Порошенко, севший за штурвал истребителя Су-27, был обвинен интернет-общественностью в плагиате и назван “жалкой копией” Путина⁴².

Из более ранних примеров фасцинативных поступков в политике можно вспомнить знаменитое заседание ООН 12 октября 1960 г., во время которого первый секретарь ЦК КПСС, глава СССР Никита Хрущев стучал ботинком по столу⁴³. Эмоциональный поступок советского лидера освещали тогда почти все мировые СМИ и расценили его крайне неоднозначно. Несмотря на обрастание множеством домыслов и слухов поступок характеризовал Хрущева как жесткого и твердого политика, не опасющегося выражать свои эмоции. К фасцинативным поступкам можно отнести и выкрик главы Чеченской республики Рамзана Кадырова во время футбольного матча “Терек” — “Рубин”, когда на 87-й минуте игры российский государственный деятель крикнул нелицеприятные слова в адрес главного судьи матча⁴⁴. Позднее Р. Кадыров извинился перед болельщиками, телезрителями и всем футбольным миром, но не перед судьей. Он готов был понести любые административные взыскания и санкции, но намерен стоять на своей позиции до конца. Поступок главы Чечни также вызвал бурную и неоднозначную реакцию в СМИ и интернете, и так же, как в случае с Хрущевым, характеризовал его как твердого

⁴² Голованов Р. Соцсети высмеяли полет Порошенко на истребителе: “Два часа гонялся за белочкой” // Комсомольская правда. 2017. 6 авг. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26713/3739718/> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴³ Краснослободцева Е. “Кузькина мать” с трибуны ООН // Комсомольская правда. 2007. 12 окт. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2007/10/12/76001-kuzkina-mat-s-tribunyi-oon.html> (дата обращения: 29.10.2018).

⁴⁴ Шарова А. Рамзан Кадыров: «Это я назвал судью “козлом”! Слова обратно не возьму» // Комсомольская правда. 2013. 18 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/26046.5/2960545/> (дата обращения: 11.11.2018).

и принципиального человека, готового открыто высказаться против несправедливости.

Перечисленные выше примеры и их подробный разбор в соответствии со схемой уничтожения репутации позволяют сделать сразу несколько выводов:

- 1) репутация имеет склонность к динамике;
- 2) атака на репутацию с целью ее дискредитации является опасным инструментом в конкурентной борьбе;
- 3) атака на репутацию может быть успешной, если при ее планировании учитываются социальные нормы и общественные стереотипы целевой группы, на которую рассчитано воздействие атаки;
- 4) объект репутационной атаки не всегда является жертвой атаки;
- 5) способов защиты репутации во время атаки может быть несколько;
- 6) постоянная работа над укреплением репутации — это депозит, которым можно воспользоваться в случае репутационной атаки и минимизировать потери.

Заключение

Репутация — это основа влияния на формирование мнений и один из главных инструментов воздействия на целевую аудиторию как в системе открытого, так и скрытого управления (манипуляции). Благодаря репутации можно принуждать к выбору, направлять человеческие массы на созидание или разрушение. Когда репутация растет, крепнет и ее носитель; он может воздействовать на аудиторию, даже не находясь в непосредственном контакте с ней; когда же репутация ослабевает, носитель репутации не только не оказывает воздействие на аудиторию, но и может стать жертвой аудитории, подтверждением тому являются бывшие лидеры Ирака и Ливии: свергнутые и уничтоженные репутационными атаками они подверглись прямому уничтожению со стороны своих граждан. Лидеру необходимо постоянно заботиться о своей репутации, наравне с тем, как он заботится о других жизненно важных аспектах своего существования. Использование методов воздействия на аудиторию через репутацию можно оценивать наряду с другими методами влияния, однако влияние посредством репутации выступает как векторное, направленное.

Взятый лидером курс указывает аудитории четкое направление, цель. Таким образом можно отследить весь этап воздействия от незнания субъекта репутации до принятия решений под воздействием субъекта репутации. Иногда этот путь исчисляется десятками лет.

Другие методы влияния, такие как скрытое воздействие посредством запуска слухов, не ведут к структурному формированию мнения и четко очерченной цели, при таких методах воздействия сложно прогнозировать формирование мнений, однако с их помощью можно сильно навредить носителю репутации и дезориентировать его аудиторию. Лидеру важно быть технологичным в построении и укреплении своей репутации, отслеживать все тревожные сигналы извне, реагировать на них или игнорировать их, исходя из максимально утилитарной функциональности каждой конкретной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова И.Ф. Онлайнное пространство научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2010. № 1. С. 141–161.

Важенина И.С. Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // Управленец. 2010. № 5–6. С. 5–9.

Важенина И.С. Концептуальные основы форматирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде // Автореферат. ЕКБ. 2008. С. 16.

Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 52–67. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70

Ефремов Г. Зачем устранять физически, если проще уничтожить репутацию человека. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/03/zachem-ustranyat-fizicheski-esli-prosche-unichtozhit-reputatsiyu-cheloveka> (дата обращения: 03.08.2018).

Макиавелли Н. Государь М., 2017.

Масленников Р.М. Наконец-то знаменит. М., 2010.

Матвейчев О.А. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. М., 2005.

Розанова Н.Н. Совершенствования процесса управления репутацией власти на уровне региона // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 4. С. 89–103.

Ромат Е.В. История рекламы // Лектмания. URL: <http://lectmania.ru/2x29ec.html> (дата обращения: 20.09.2018).

Самойленко С.А. Репутационные издержки в современном мире: многоканальный трафик репутаций // Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/24731> (дата обращения: 25.09.2018).

Словарь синонимов русского языка — онлайн подбор. URL: <https://bit.ly/2TB1Nwk> (дата обращения: 29.09.2018).

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4146> (дата обращения: 29.09.2018).

Тридцать шесть стратегем. М., 2000.

Трубецкой А.Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации. М., 2005.

Устинова Н.В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования. Екатеринбург, 2005.

“Исчезнувшая”, триллер, драма, реж. Дэвид Финчер. 2003–2018 // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/692861/> (дата обращения: 23.07.2018).

Федорова А.В. Соотношение понятий “имидж” и “репутация” предприятия // Экономика транспортного комплекса в.п. 2014. № 23.

Харламов И.Г. Формирование репутации в политике и бизнесе. М., 2009.

Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью. М., 2009.

REFERENCES

Bogdanova I.F. Onlajnovoe prostranstvo nauchnyh kommunikacij [On-Line space research communications] // Sociologiya nauki i tekhnologii [Sociology of science and technology]. 2010. N 1. S. 141–161 (in Russian).

Chumikov A.N., Bocharov M.P. Svyazi s obshchestvennost'yu. M., 2009 (in Russian).

Dobrinskaya D.I. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoj zhizni [Cyberspace: the territory of modern life] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2018. T. 24. N 1. S. 52–67. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70 (in Russian).

Efremov G. Zachem ustranyat' fizicheski, esli proshche unichtozhit' reputaciyu cheloveka [Why eliminate physically, if it is easier to destroy a person's reputation]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/03/zachem-ustranyat-fizicheski-esli-prosche-unichtozhit-reputatsiyu-cheloveka> (data obrashcheniya: 03.08.2018) (in Russian).

Fedorova A. V. Sootnoshenie ponyatij “imidzh” i “reputaciya” predpriyatiya [The Ratio of the concepts of “image” and “reputation” of the enterprise] // Ekonomika transportnogo kompleksa vip [Economy of the transport complex]. 2014. N 23 (in Russian).

Harlamov I.G. Formirovanie reputacii v politike i biznese [Formation of reputation in politics and business]. M., 2009 (in Russian).

“Ischeznuvshaya”, rezh. D. Fincher [“Gone Girl”, D. Fincher] // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/692861/> (data obrashcheniya: 23.07.2018).

Makiavelli N. Gosudar' [Sovereign]. M., 2017 (in Russian).

Maslennikov R.M. Nakonec-to znamenit [Finally famous]. M., 2010 (in Russian).

Matvejchev O.A. Ushi mashut oslom. Sovremennoe social'noe programmirovaniye [Waving Ears of a donkey. Modern social programming]. M., 2005 (in Russian).

Romat E.V. Istoriya reklamy [History of advertising] // Lektmaniya. URL: <http://lectmania.ru/2x29ec.html> (data obrashcheniya: 20.09.2018) (in Russian).

Rozanova N.N. Sovershenstvovaniya processa upravleniya reputaciej vlasti na urovne regiona [Improving the process of managing the reputation of the authorities at the regional level] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21.

Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Moscow State University Bulletin. Series 21. Management (state and society)]. 2014. N 4. S. 89–103 (in Russian).

Samojlenko S.A. Reputacionnye izderzhki v sovremennom mire: mnogokanal'nyj trafik reputacij [Reputational costs in the modern world: multi-link traffic records] // Gefter. URL: <http://gefter.ru/archive/24731> (data obrashcheniya: 25.09.2018) (in Russian).

Slovar' sinonimov russkogo yazyka — onlajn podbor [Dictionary of synonyms of the Russian language — online selection]. URL: <https://bit.ly/2TB1Nwk> (data obrashcheniya: 29.09.2018) (in Russian).

Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4146> (data obrashcheniya: 29.09.2018) (in Russian).

Tridcat' shest' stratagem [Thirty-six stratagems]. M., 2000 (in Russian).

Trubeckoj A.Yu. Kategoriya reputacii v social'no-politicheskoj kommunikacii [The category of reputation in social and political communication]. M., 2005 (in Russian).

Ustinova N.V. Politicheskaya reputaciya: sushchnost', osobennosti, tekhnologii formirovaniya [Political reputation: the nature, characteristics, technology formation]. Ekaterinburg, 2005 (in Russian).

Vazhenina I.S. Imidzh, brend i reputaciya kak konkurentnye preimushchestva regiona [Image, brand and reputation as competitive advantages of the region] // Upravlenec [Manager]. 2010. N 5–6. S. 5–9 (in Russian).

Vazhenina I.S. Konceptual'nye osnovy formatirovaniya imidzha i reputacii territorii v konkurentnoj srede [Conceptual bases of the format of the image and reputation of territory in a competitive environment] // Avtoreferat. EKB [abstract. EKB]. 2008. S. 16 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139

ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСЛЯЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

В.М. Карпова, канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматривается проблема внутрисемейной межпоколенной трансляции ценностных ориентаций и, в первую очередь, репродуктивных установок, потребности в детях, ценностей семейно-детного образа жизни. Подчеркивается важность повышения репродуктивных установок населения для преодоления демографического кризиса в современной России и мире в целом. Отмечены сложность корректного измерения ценностных ориентаций и репродуктивных установок, существенное отличие заявляемых ценностей от реального репродуктивного поведения.

Для анализа и прогнозирования развития ценностных ориентаций населения, репродуктивных установок, характерных для представителей современной молодежи, необходимо изучение процесса межпоколенной трансляции ценностей. Причем, учитывая, что основные ценности семейно-детного образа жизни формируются в рамках первичной внутрисемейной социализации, необходимы исследования процесса именно внутрисемейной трансляции ценностных ориентаций от поколения родителей и прародителей детям.

В работе представлены результаты анализа трех волн исследования семейно-детного образа жизни 2014–2016 гг. по совокупной базе 4500 ответов респондентов. При помощи корреляционного и многофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок показано, что семейные ценности родителей транслируются детям не в полном масштабе, причем искажение происходит не только на этапе принятия транслируемых ценностей, но и на уровне первичной коммуникации. Для респондентов разного социально-демографического статуса, представляющих семьи с разным числом детей, одинаково характерно снижение значимости семьи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и не-транзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037.

** Карпова Вера Михайловна, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

при трансляции этой ценности собственным детям. В свете отмеченной закономерности становится важной задача работы с семьей и молодежью, направленная на повышение статуса семьи и укрепление межпоколенного внутрисемейного взаимодействия.

Ключевые слова: межпоколенное взаимодействие, семейно-детный образ жизни, семейная социализация, ценностные ориентации, трансляция ценностей.

FEATURES OF THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF FAMILY VALUES

Karpova Vera M., PhD in Sociological Sciences, Senior Lecturer of Department of Family Sociology and Demography at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

The article deals with the problem of intra-family intergenerational values transmission and, first of all, reproductive attitudes, the need for children, the values of family and child life. It emphasizes the importance of increasing the reproductive attitudes in the population to overcome the demographic crisis in modern Russia and the world as a whole. The complexity of correctly measuring value orientations and reproductive attitudes, the significant difference between the declared values and real reproductive behavior is noted.

To study and predict the development of value orientations of the population, reproductive attitudes characteristic of modern youth representatives, it is necessary to study the process of intergenerational values transmission. Moreover, taking into account that the basic values of a family-children lifestyle are formed within the primary intra-family socialization, it is necessary to study the process of intra-family values transmission from the generation of parents and grandparents to children.

The paper presents analysis results of three waves of the study devoted to family-children life performed in 2014–2016, based on a total base of 4500 respondents' responses. Using correlation and multivariate analysis of variance for paired samples, it is shown that family values of parents are not fully transmitted to children, and the distortion occurs not only at the stage of acceptance of the transmitted values, but also at the level of primary communication. For respondents of different socio-demographic status, representing families with different numbers of children, the decline in the significance of the family is equally characteristic when they transfer the values to their children. In the light of this pattern, the task of working with families and young people becomes important, aimed at raising the status of the family and strengthening intergenerational intra-family interaction.

Key words: intergenerational interaction, family-children lifestyle, family socialization, value orientations, values transmission.

Современные условия кризиса института семьи, ослабления потребности в детях, снижения репродуктивных установок и как результата этих изменений снижения рождаемости делают все более актуальной и насущной задачу поиска эффективных мер демографической политики. Как показывают различные исследования, даже при наличии положительного эффекта от проводимой в России политики стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми¹ повышение суммарного коэффициента рождаемости недостаточно велико и не позволяет перейти к качественным изменениям в демографической динамике.

В свете этих тенденций возникает задача воздействия не только на полноту реализации существующей потребности в детях, но и воспитания нового поколения с более высокими репродуктивными установками, чем были у их родителей. Появляются предложения о введении курса «семе́ведение», причем в некоторых регионах России эти предложения даже находят практическую реализацию². Здесь важно учитывать, что первичная социализация и формирование основных ценностей происходят в детстве в рамках семейной социализации и именно здесь ребенок получает самые первые и общие представления о ценностях, разделяемых его близкими родственниками, в первую очередь родителями. Исследования показывают, что людям свойственно в будущем воспроизводить структуру семьи своих родителей: например, рост числа детей в ориентационной семье прямо связан с числом детей в нуклеарной семье³. Таким образом, становится актуальной задача изучения механизма внутрисемейной межпоколенной трансляции ценностей и, в первую очередь, ценности семьи и семейно-детного образа жизни. Встают вопросы о том, насколько полно родители передают свои ценности будущим поколениям, насколько полно дети воспринимают эти транслируемые ценности и насколько они впоследствии руководствуются ими в собственном семейном поведении.

¹ Подробнее об этом см.: *Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л.* Результативность демографической политики России. М., 2016.

² Подробнее об этом см.: Курс семе́ведения уже преподают в школах 38 регионов России // РИА-новости. 2016.25.11. <https://ria.ru/society/20161125/1482199417.html?inj=1>; Преподавание курса «Семе́ведение» в современном Татарстане // Материалы республиканской научно-практической конференции. 2014. 5 апр. URL: http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_234966.pdf

³ *Гришина О.В.* Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 6. С. 29–41.

Место семьи в системе ценностей россиян

При оценке важности семьи для современного российского общества и населения страны можно отметить два возможных подхода. Во-первых, можно оценивать важность семьи на основе результатов опросов общественного мнения, проводимых как российскими исследовательскими центрами, так и в рамках европейских или всемирных исследований. Результаты, получаемые в ходе такого рода опросов, достаточно стабильны, и неизменно семья оказывается наиболее важной в иерархии ценностей респондентов.

Так, по данным всемирного исследования ценностей семья остается самым важным в жизни большинства опрошенных (рис. 1), однако в России эта ценность реже называется респондентами как “очень важная” по сравнению с общемировым уровнем (85,0% против 91,3%). В целом ответы россиян по всем шести сферам жизни, включенным в анкету всемирного исследования ценностей (семья, работа, религия, друзья, свободное время и политика), имеют более низкий уровень, по сравнению с общемировым: частота ответов “очень важно” и суммарного ответа “в целом важно” ниже по всем ценностям. Другими словами, для россиян в целом все перечисленные сферы жизни менее важны, чем для людей в мире в целом, причем нет смещения в сторону какой-либо из ценностей, а наблюдается общее более индифферентное отношение к ключевым сферам жизни современного человека. На фоне других ценностей семья выделяется тем, что по сумме ответов “очень + скорее важна” только эта сфера выходит на общемировой уровень (98,1% по сравнению с 98,7%). Важность остальных ценностей, кроме свободного времени, остается для россиян менее значимой, причем именно за счет большей частоты ответов “не важно”.

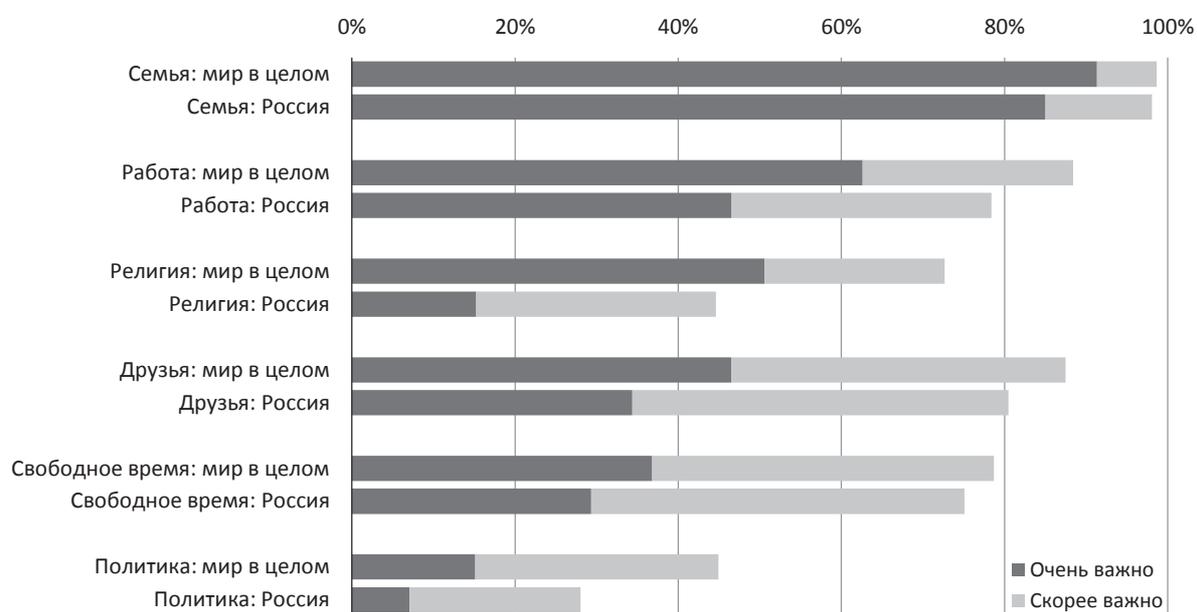
Схожие результаты о важности семьи в жизни россиян получены в ходе опросов, проводимых ВЦИОМ; в их процессе при помощи расчета специального индекса⁴ важности различных сфер жизни в качестве наиболее значимых для респондентов в 2017 г. отмечены: “состояние Вашего здоровья и здоровья членов Вашей семьи” (индекс 99), “отношения в семье” (индекс 98) и “Ваша личная безопасность и безопасность членов Вашей семьи” (индекс 96)⁵.

Говоря о счастье, респонденты, участвовавшие в опросе ФОМ в октябре 2018 г., отмечали, что для них это в первую очередь “здо-

⁴ Рассчитывается разница между положительными (“очень важно” + “скорее важно”) и отрицательными (“скорее не важно” + “совсем не важно”) ответами.

⁵ Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3391. 2017. 07 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>

ровые свое и своих близких” (33%), “семья, дети, внуки” (21%), “материальный достаток” (18%) и “благополучие в семье, благополучие детей” (15%)⁶. Учитывая, что и второй и четвертый ответ отражают ценность семьи, в целом можно утверждать, что она ассоциируется со счастьем у 36% респондентов и при такой интерпретации делит первое место по степени важности с ценностью здоровья.

Источник данных: результаты расчетов по базе шестой волны Всемирного исследования ценностей (2010–2014) (2014. World values survey: round six — country-pooled / Ed. by R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen et al. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp).

Рис. 1. Оценка важности различных сфер жизни в мире и России (в %)

Для российской молодежи в возрасте 18–34 лет, по данным ФОМ, семья также является наиболее важной сферой жизни: “взаимопонимание, хорошие отношения в семье” оказались на первом месте среди списка наиболее важных сфер жизни для всех респондентов в возрасте от 18 до 34 лет (этот вариант в качестве одного из трех возможных выбрали 75% респондентов)⁷. Причем с возрастом важность семейного благополучия увеличивалась с 69% в возрастной группе 18–22 лет до 79% в группе 28–30-летних.

⁶ Что такое счастье? Результаты опроса ФОМ: “ФОМнибус” — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 7 октября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>

⁷ Ориентиры и ценности молодых россиян. Результаты опроса ФОМ: “ФОМнибус” — опрос граждан РФ от 18 до 30 лет. 18 мая 2016. <https://fom.ru/TSennosti/13083>

Казалось бы, данные различных опросов говорят об исключительной важности семьи в жизни россиян всех возрастов. Однако заявляемая важность семьи и семейного образа жизни плохо соотносится с данными демографической статистики в сфере брачности и разводимости, а также в сфере рождаемости. Так по данным статистического учета органов ЗАГС начиная с 1995 г. число регистрируемых ежегодно разводов составляет более половины от числа заключаемых браков⁸. Естественно, что разводятся не те же пары, что вступили в брак, однако долговременное сохранение этой тенденции позволяет говорить, что более половины заключенных браков распадаются.

Анализ структуры семей, который можно сделать на основе данных Всероссийской переписи населения (2002 и 2010 гг.), а также микропереписи населения 2015 г., показывает, что распространенность семейно-детного образа жизни весьма ограничена. На смену официально регистрируемым бракам приходят сожительства как промежуточная, гораздо менее стабильная, форма союза мужчины и женщины⁹, массовое распространение многодетности прошлого практически полностью заменено столь же массовой малодетностью, постепенно преобразующейся в массовую однодетность¹⁰, или даже добровольную бездетность (движение child-free)¹¹. Среди всех семейных ячеек (супружеских пар с детьми или без детей, а также матерей/отцов с детьми¹²), учтенных в ходе микропереписи населения 2015 г., нуклеарные семьи (супружеские пары с детьми) составляли лишь 40%¹³, в то время как почти столько же (35%) было супружеских пар без детей и еще четверть (25%) составили родители, воспитывающие детей в одиночку. Анализ семей по числу детей

⁸ Рассчитано по данным ФСГС РФ (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/).

⁹ Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113.

¹⁰ Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1.

¹¹ Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>

¹² Методологические пояснения к всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf

¹³ Следует отметить, что по данным переписи населения в данную категорию попали только семьи, имеющие детей младше 18 лет, в то время как супружеские пары, чьи дети уже старше 18 лет, были отнесены к категории “бездетных”, что не вполне корректно с точки зрения социолого-демографического подхода.

также говорит о кризисе семьи как социального института в России и свидетельствует об отмирании большей части форм семьи, что сопровождается массовым распространением мало- и даже однодетности. Так среди всех семейных ячеек с детьми младше 18 лет многодетные (с тремя и более детьми) составляют лишь 8%, в то время как более половины семей (61%) однодетные и еще 31% двухдетные¹⁴. По сравнению с 2010 г., когда проводилась Всероссийская перепись населения, ситуация практически не изменилась — доля многодетных семей увеличилась лишь на 1 п.п. (с 7% в 2010 г.).

Отмеченные тенденции трактуются в научном сообществе по-разному: сторонники теории второго демографического перехода, подчеркивают свободу выбора человеком любой из форм жизни и равноправие всех возможных типов семей¹⁵. В то же время данные статистики говорят, что на самом деле свобода выбора различных форм семьи сильно преувеличена, так как выбор возможен лишь теоретически, а на практике из всех возможных форм семьи остаются лишь варианты осколочных форм нестабильных, бездетных¹⁶, незарегистрированных союзов, в то время как альтернатива среднедетности и тем более истинной многодетности (с 5 и более детьми) остается за рамками жизненного опыта людей, так как такие формы семьи встречаются настолько редко, что практически могут быть признаны исчезнувшей формой семейного устройства. Иными словами, переход к “новым” альтернативам семьи на самом деле приводит к замене всего многообразия семей (исчезают не только средне- и многодетные семьи, но и все больше распространяется нуклеаризация семей, в рамках которой происходит замена расширенных многопоколенных семей на супружеские пары с детьми) на неполные, менее крепкие и менее надежные союзы, в которых платой за обретенную свободу становится чувство одиночества, ненадежности, незащищенности.

¹⁴ Расчеты на основе данных микропереписи населения 2015 г. (Таблица 9.5. Семейные ячейки, учтенные микропереписью, по числу детей моложе 18 лет. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html).

¹⁵ Шпаковская Л.Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-institutsializatsii-i-praktiki-privatizatsii-semeynoy-zhizni-partnerstvo-i-brak-v-rossii> (дата обращения: 16.02.2019).

¹⁶ Сожительства распадаются чаще официальных браков, люди чувствуют себя в них более одинокими, в них рождается меньше детей. Подробнее об этом см.: Синельников А.Б. Есть ли альтернатива законному браку? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 109–126. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-71-80>

Сопоставляя данные опросов общественного мнения, неизменно отмечающих важность семьи для респондентов, и статистические показатели, отражающие результаты реального поведения населения России, все чаще выбирающего сожительство, разводы, однодетность, следует отметить их противоречие. Таким образом, ценность семьи носит явно выраженный заявленный характер и мало соотносится с результатами поведения и реального выбора подавляющего большинства населения страны. Одной из возможных причин такого расхождения в ценностных ориентациях и действиях может быть неискренность ответов респондентов, которые склонны транслировать социально одобряемые нормы при ответе на анкеты массовых опросов¹⁷, но редко реализуют их в практике своих индивидуальных жизненных выборов.

Изучение межпоколенной трансляции семейных ценностей

Главными периодами в ходе социализации, когда формируются ценностные ориентации, являются детство и юношество. В это время наибольшую роль играет первичная социализация, которая проходит в семье, и поэтому внутрисемейная передача ценностных ориентаций и установок играет столь важную роль в формировании семейно-детного образа жизни будущих поколений. Возможно, одной из причин столь явного несоответствия заявляемых ценностей и реального демографического поведения населения России являются именно недостаточное внимание и искаженный пример, который видят дети в рамках семейной социализации. Чтобы ответить на вопрос о том, насколько паттерны репродуктивного и семейного поведения воспроизводятся в новом поколении, можно проанализировать соотношение репродуктивных установок и чисел рожденных детей в разных поколениях, что достаточно часто можно встретить в социолого-демографических исследованиях репродуктивных установок и репродуктивного поведения.

Однако сравнение ценностных ориентаций и анализ межпоколенной трансляции ценностей в рамках семьи требуют отдельного изучения. Анализируя опыт предыдущих исследований в этой сфере, можно отметить три основных подхода, используемых исследователями для сравнения ценностей родителей и детей. В рамках первого подхода сравнение ценностей “отцов и детей” осуществляется в целом, как представителей разных поколений, без прослеживания

¹⁷ Подробнее об этом см.: Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования. М., 2018.

родственных связей¹⁸. Такой подход в большей степени отражает межпоколенную трансляцию ценностей в обществе, не только за счет семейной социализации, но и за счет межпоколенных взаимодействий в целом.

В рамках второго подхода проводится опрос представителей различных поколений одной и той же семьи и затем осуществляется сравнительный анализ ответов¹⁹. Результаты такого рода исследований показывают довольно высокий уровень корреляции ценностей родителей и детей, однако также подчеркивают достаточно высокую роль сверстников в социализации подростков и большую близость ценностей между сверстниками, чем между поколениями, даже в рамках одной семьи²⁰. Альтернативный путь изучения процесса трансляции ценностных ориентаций и даже в большей степени процесса их формирования — это проведение экспериментальных социолого-психологических исследований, как было сделано в рамках работы Т.Н. Шнуренко²¹. В целях изучения механизма межпоколенной преемственности ценностей автор провела формирующий эксперимент, в рамках которого прочитала студентам учебный курс “Историко-культурные и духовные основы российской цивилизации”, посвященный раскрытию духовных, культурных и цивилизационных особенностей России. Результаты показали статистически значимые изменения в системе ценностей студентов и их смещение в сторону духовно-нравственных ценностей в противовес индивидуалистическим. Таким образом работа Т.Н. Шнуренко явственно продемонстрировала возможности формирования ценностей не только в семье, но и за ее пределами и доказала значимость учебного процесса в социализации и духовно-нравственном развитии молодежи. Эти выводы особенно важны в свете до сих пор нерешенной

¹⁸ Например: *Герцен С.М.* Динамика ценностных ориентаций молодежи в изменяющейся России: межпоколенный подход: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Тюмень, 2012.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Руднев М.Г., Савелькаева А.С.* Передача базовых ценностей внутри семьи: концептуализация и пилотное исследование // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 3. М., 2015. С. 397–404; *Knafo A., Schwartz S.H.* Identity formation and parent-child value congruence in adolescence // *British Journal of Developmental Psychology*. 2004. N 22. P. 439–445.

²⁰ *Дубров Д.И., Татарко А.Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennaya-transmissiya-tsennostey-v-gorodskoy-i-selskoj-srede> (дата обращения: 17.02.2019).

²¹ *Шнуренко Т.Н.* Ценностные ориентации студенческой молодежи как результат межпоколенной преемственности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Курск, 2009.

задачи о воздействии и формировании более высоких репродуктивных установок в населении, возрождении потребности в детях и возвращении в систему ценностей населения семейно-детного образа жизни не только в форме заявленных норм, но и в форме реального управления семейным поведением. Неоднократно показано²², что именно влияние на репродуктивные установки, а не только на полноту их реализации позволяет достичь стабильного прироста рождаемости, столь необходимого для решения современных демографических проблем в России.

Факторы внутрисемейной трансляции ценностных ориентаций

Методология исследования. Изучение межпоколенной передачи ценностей семейно-детного образа жизни и влияния ценностных установок и репродуктивного поведения родителей на формирование репродуктивных установок и потребности в детях у подрастающего поколения является важной задачей социологии рождаемости. В рамках исследований, проводимых на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Институтом социологии РАН, этой теме уделяется особое внимание. Так, на протяжении трех лет, с 2014 по 2016, в различных регионах России среди респондентов из различных типов семей проводился опрос, в рамках которого исследовались репродуктивные установки и ценностные ориентации родителей, а также их намерение передать эти установки своим детям. Анализ результатов этого исследования и изучение факторов, влияющих на стремление родителей транслировать свою систему ценностей детям, легли в основу данной работы. Известно, что трансляция ценностных ориентаций родителями неоднозначна, есть ценности, которые родители разделяют, но не транслируют своим детям, есть те, которые, наоборот, родители хотят видеть в своих детях, страдая от их недостатка у себя или же, считая их более важными, актуальными, нормативными для современного общества²³. Оценить, насколько этот эффект присущ внутрисемейной трансляции репродуктивных установок, ценностей семейно-детного образа жизни и какие со-

²² Подробнее об этом см.: Демографические исследования / Ред. А.И. Антонов. М., 2009; Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения: ежегодный доклад “Демографическая ситуация в РФ” / Науч. ред. А.И. Антонов. М., 2008.

²³ Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M.M. Intersubjective model of value transmission: parents using perceived norms as reference when socializing children // Personality & Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. N 8. P. 1041–1052.

циально-демографические характеристики семьи связаны с более эффективной трансляцией — важнейшая задача данной работы.

В рамках анализа были использованы два блока вопросов. Первый был посвящен репродуктивным установкам (вопрос об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, о размере прародительской семьи и о числе детей, которое родители посоветовали бы своим детям). Второй блок вопросов ориентирован на изучение ценностных ориентаций респондентов и состоит из 15 сфер, которые респонденты должны проранжировать по степени их важности для себя, а затем для своих детей. Таким образом, сравнение рангов, выбранных для себя и для детей, позволяет получить представление о коммуницируемых ценностях внутри семьи от родителей к детям. Оценка качества этой коммуникации и восприимчивости детей к ней остается за рамками данной работы, так как исследование охватывало только взрослых респондентов.

Для оценки степени близости ценностных ориентаций респондентов и их межпоколенной внутрисемейной трансляции проводились корреляционный анализ и сравнение долей различающихся ответов о собственных репродуктивных установках и установках, которые транслируются детям. Гипотеза данной части анализа заключалась в утверждении, что репродуктивные установки родителей связаны с установками, которые они транслируют детям. Также анализировалось доленое соотношение трансляции одинаковых, более высоких и более низких установок, что позволяло определить направление потенциального изменения репродуктивных установок детей. Гипотеза заключалась в предположении о снижении средней величины транслируемых репродуктивных установок от поколения к поколению.

При сравнении ранжирования ценностей для себя и для детей также проводился корреляционный анализ, целью которого была проверка гипотезы о наличии связи между ценностными ориентациями родителей и теми приоритетами, которые они транслируют детям. Также был осуществлен анализ изменения средних рангов по каждой из ценностей из списка ранжирования при помощи парного *t*-теста, что позволяло оценить, есть ли статистически значимые отличия в степени важности каждой из ценностей при выборе их “для себя” и “для детей”.

Второе направление анализа заключалось в поиске факторов, связанных с большей или меньшей степенью трансляции ценностных ориентаций и репродуктивных установок. В качестве основных групп сравнения в данном исследовании выступали респонденты разного пола, возрастных групп, семейного положения и с разным

числом детей. В исследовании использовался многофакторный дисперсионный анализ для связанных выборок.

Результаты анализа. Вопросы о ценностных ориентациях респондентов и их репродуктивных установках были заданы в трех волнах исследований, проводившихся с 2014 по 2016 г., и были получены данные для 4500 респондентов из 18 регионов Российской Федерации (преимущественно из ЦФО), более половины опрошенных состоят в зарегистрированном браке (59,6%), у 44,4% есть дети. В опросе чаще принимали участие женщины, нежели мужчины (61,1% против 39,9% соответственно). Возраст респондентов колеблется в пределах от 18 до 80 лет, однако 95% опрошенных принадлежат к группе 18–65 летних. В дополнение к данной выборке для вопросов о числе детей, которое родители могли бы посоветовать иметь своему сыну или дочери, использовался общероссийский опрос 2000 г., проведенный под руководством А.И. Антонова и кафедры социологии семьи и демографии.

Таблица 1

Коэффициент корреляции Спирмена²⁴ взаимосвязи репродуктивных установок и числа детей, советуемых собственным детям

Число детей советуемое	Детям (в целом)	Сыну	Дочери
Репродуктивные установки			
Идеальное число детей	0,485**	0,353**	0,293**
Желаемое число детей	0,456**	0,380**	0,336**
Ожидаемое число детей	0,324**	0,237**	0,213**
Имеющееся число детей	0,183**	0,100**	0,121**
Число детей в родительской семье	0,142**	0,119	0,071
Число детей в родительской семье супруга	0,100*	0,035	-0,051

Взаимосвязь репродуктивных установок и степени трансляции их детям оценивалась на основе расчета парных коэффициентов корреляции между стандартными вопросами о репродуктивных установках (идеальное желаемое и ожидаемое число детей)²⁵ и чис-

²⁴ Для анализа был выбран именно этот показатель, так как он наилучшим образом подходит для порядковых шкал, которыми по своей сути являются ответы на вопрос о репродуктивных установках.

²⁵ Подробнее об измерении репродуктивных установок см.: Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 2018.

лом детей, которые респонденты посоветовали бы своим детям (в целом, а также сыну и дочери отдельно). Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1.

Как показывают результаты корреляционного анализа, гипотеза о связи репродуктивных установок родителей и установок, транслируемых детям, существует и является статистически значимой ($p < 0,01$). Коэффициенты корреляции между идеальным, желаемым и ожидаемым числами детей положительны, статистически значимы на 99% доверительном интервале, однако свидетельствуют о низкой и средней по величине силе взаимосвязи. Так, наибольшая связь обнаруживается между идеальным числом детей и советуемым детям (0,485), а связь ожидаемого числа детей и советуемого детям ниже (0,324). При сравнении взаимосвязи предпочитаемых чисел детей и советов сыну и дочери отмечается наиболее тесная связь желаемого числа детей (0,380 для сына и 0,336 для дочери). Возможно этот эффект получен в связи тем, что вопрос о советуемом числе детей ребенку определенного пола более конкретный, в большей степени приближает размышления респондента к реальной жизни и в таком случае родители более склонны передавать свои установки по желаемому числу детей, а не по идеальному, которое носит более обобщенно-нормативный характер и сильно связано с распространенными социальными нормами и представлениями о социально одобряемом поведении.

Любопытно отметить, что сравнение советуемых чисел детей собственным детям практически не связано с числом детей в прародительской семье. Также довольно слабая связь наблюдается между имеющимся числом детей в семье и тем, сколько детей советуют иметь своим детям (все корреляции говорят о слабой связи, не превышают уровня 0,183).

Последний результат особенно интересен в свете того, что взаимосвязь имеющегося числа детей и детности прародительской семьи существует и она более тесная, чем связь с транслируемыми нормами: имеющееся число детей связано в большей степени с числом детей в родительской семье респондента ($\rho = 0,305$, $p < 0,01$), чем с детностью родительской семьи супруга ($\rho = 0,191$, $p < 0,01$).

Подводя итог вышеописанным результатам, можно сделать один общий вывод: при определении того числа детей, которые родители могли бы посоветовать собственным детям, они в первую очередь в своих советах будут отражать бытующие в обществе социальные нормы детности, в меньшей степени — собственные установки или результаты реального репродуктивного поведения как своего, так и в родительских семьях. Однако несмотря на такую специфику транс-

лируемых норм, фактическая межпоколенная связь репродуктивного поведения выше, чем могла бы быть, если бы дети в точности воспроизводили транслируемые нормы детности своих родителей.

Любопытно рассмотреть, как меняются транслируемые нормы от поколения к поколению (рис. 2). Для этого можно сравнить среднее число детей в прародительской и родительской семьях с числом детей, советуемым детям.

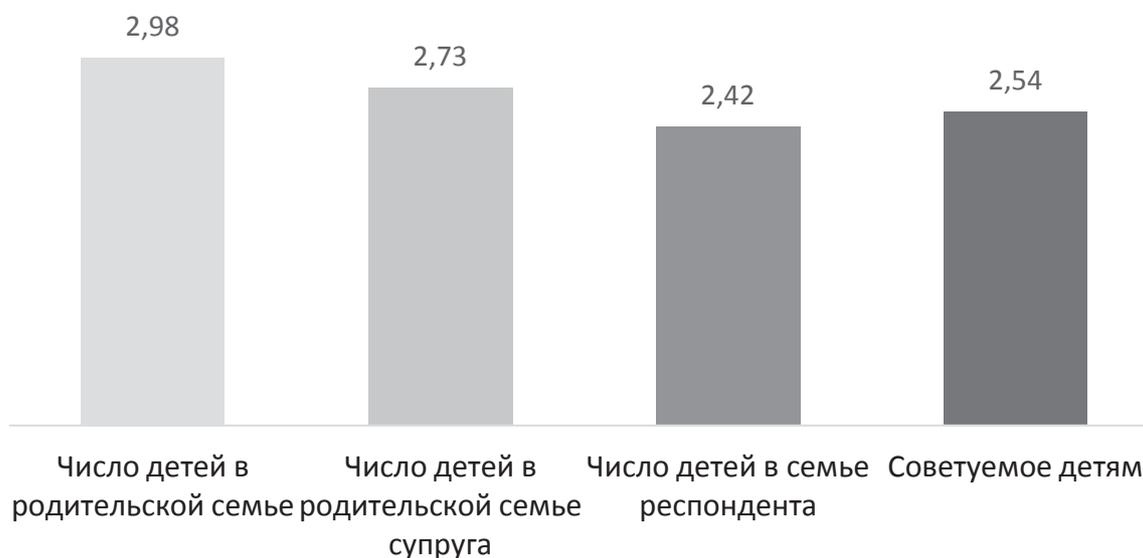

Рис. 2. Внутрисемейная межпоколенная динамика среднего числа детей

Как показывают результаты сравнения средних значений чисел детей в разных поколениях, в рамках одной семьи происходит постепенное ослабление ценности детей, снижение репродуктивных установок, что находит свое отражение и в результатах репродуктивного поведения. Так, среднее число детей в родительских семьях респондентов (2,98 и 2,73) статистически значимо ($p < 0,01$) выше, чем число детей, родившееся у респондента. Число детей, которое респонденты советуют своим детям, статистически значимо выше, чем число детей в их собственных семьях (2,42), но при этом ниже, чем в семьях прародителей ($p < 0,02$). Учитывая, что степень реализации репродуктивных установок обычно ограничена имеющимися условиями жизни²⁶ и в целом по населению не достигает 100%, можно предположить, что несмотря на небольшое повышение числа советуемых детей по сравнению с имеющимся даже в случае полного принятия этой нормы детьми результаты их реального репродуктивного поведения будут ниже, чем в семьях респондентов, т.е. процесс снижения средней детности семьи в целом в России будет нарастать.

²⁶ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.

В связи с наблюдаемыми особенностями межпоколенной трансляции репродуктивных установок любопытно рассмотреть намерения родителей транслировать другие ценностные ориентации своим детям. Можно ли говорить об ослаблении трансляции в отношении всех ценностей или же это специфическая черта именно репродуктивных установок? Для ответа на данный вопрос использовался парный анализ ранжирования 15 «ценностей для себя» и «для детей». Чем меньше значение среднего ранга ценности, тем большее значение она имеет для респондента, и тем больше респонденты хотели бы видеть эту ценность в своих детях.

В целом, ранжирование ценностей «для себя» и «для детей» у респондентов довольно схожее, что подтверждается на основе корреляционного анализа, который показал статистически значимую корреляцию рангов ценностей «для себя» и «для детей» по всем 15 наименованиям (коэффициенты корреляции колеблются от 0,324 до 0,529).

Как следует из полученных результатов, наиболее важными ценностями для респондентов являются «здоровье» (средний ранг 2,30) и «семья» (средний ранг 2,92) и они же должны оставаться наиболее важными для детей респондентов (2,02 и 3,73 соответственно). Причем ценность здоровья для детей выше (средний ранг ниже), в то время как ценность семьи и семейного образа жизни уменьшается (средний ранг выше).

Обращает на себя внимание, что остальные ценности имеют существенно меньшее значение, чем здоровье и семья. Так, материальное благополучие, находящееся на третьем месте среди ценностей респондентов, имеет средний ранг 6,15 при медианном ранге равном 5. Характерной чертой ответов респондентов о ценности здоровья и семьи является достаточно высокий уровень единодушия (на 1–3-е места здоровье поставили 84,7% а семью — 78,5%), в то время как остальные ценности вызвали более противоречивые оценки и доли тех, для кого они очень важны (1–4 ранг) и наименее важны (12–15 ранг), не так сильно отличаются друг от друга. Так, уже для ценности «материальное благополучие» доля тех, кто поставили ее на 1–4-е место, составляет 42,1%, но при этом 10% респондентов сказали, что эта ценность для них наименее важная (12–15-е место).

Для сравнения средних рангов ценностей, выбираемых для себя и для детей был использован t-тест для связанных выборок, который показал статистически значимые отличия средних рангов для 10 ценностей из 15. Величина отличий и их направленность отражены на рис. 3. Положительное отличие средних рангов говорит о

стремлении родителей развить в детях данную ценность в большей степени, чем она присуща им самим, в то время как отрицательные значения говорят об ослаблении трансляции данной ценности уже на этапе стремления к ее передаче.

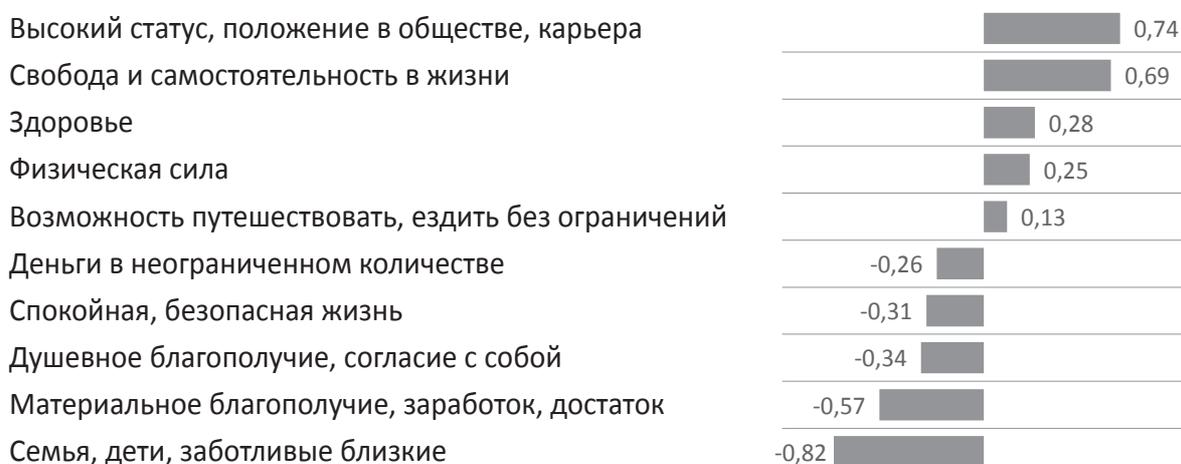

Рис. 3. Разница средних рангов для ряда ценностей²⁷

Результаты трех лет опросов родителей с различным числом детей (причем следует помнить о достаточно большой доле многодетных в выборке) показали, что ценностью, которая в наименьшей степени будет транслироваться в ходе внутрисемейного межпоколенного взаимодействия, будет ценность семьи и семейного образа жизни. Даже при достаточно высоком положении этой ценности в системе ценностей респондентов (2-е место) средний ранг почти на 1 меньше, что говорит о значительном ослаблении этой ценности уже на этапе намерения транслировать ее. Доля респондентов, которые ставят ценность семьи для детей на более низкое место, чем для себя, составляет 43,7%. Также менее важными для детей респонденты видят такие ценности, как материальное благополучие, душевное благополучие, спокойная, безопасная жизнь и деньги в неограниченном количестве. Напротив, такие характеристики жизни, как высокий статус в обществе, свобода и самостоятельность в жизни, здоровье и физическая сила, а также возможность путешествовать без ограничений, респонденты хотели бы видеть в жизни своих детей в большей степени, чем в своей собственной. Другими словами, для себя респондентам важен покой, стабильность и благополучие (как материальное, так и физическое), в то время как в детях они чаще хотят видеть свободу, силу и высокие достижения. Данные резуль-

²⁷ Здесь представлены только те ценности, средние ранги которых статистически значимо отличаются в ответах “для себя” и “для детей”.

таты схожи по логике с результатами исследования, основанного на методике оценки ценностных ориентаций Ш. Шварца²⁸, в котором было отмечено, что ценности достижения и самостоятельности родители хотят видеть в своих детях больше, чем они представлены у них самих²⁹.

Учитывая наиболее низкие показатели намерения внутрисемейной межпоколенной трансляции ценности “семья, дети, заботливые близкие” и столь высокую важность отмеченного эффекта для объяснения механизма постепенного ослабления и кризиса семьи как социального института и отмирания потребности в детях, был проведен более глубокий анализ с целью определения возможных факторов изменения внутрисемейной трансляции. С этой целью на основе многофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок было оценено, насколько тенденция к уменьшению значимости семьи для детей отличается у респондентов, принадлежащих к различным социально-демографическим группам. В качестве возможных факторов были использованы пол, возраст, наличие официально зарегистрированного брака и число детей в семье респондента. Главной гипотезой исследования было утверждение, что ослабевание ценности семьи и семейно-детного образа жизни, оцениваемое при помощи сравнения рангов ценности семья “для себя” и “для детей”, будет отличаться в зависимости от числа детей в семье и наличия официально зарегистрированного брака. Предполагалось, что в семьях, в которых супруги находятся в официально зарегистрированном браке и в которых более распространены семейно-детные ценностные ориентации, выраженные в большем числе рожденных детей, трансляция ценности семьи будет более полной, чем в мало-детных семьях и у респондентов, не состоящих в браке. Однако ни одна из этих гипотез не подтвердилась. Результаты дисперсионного анализа показали, что тенденция ослабления внутрисемейной межпоколенной трансляции ценности семьи одинаково выражена независимо от пола, возраста, семейного положения и числа детей респондента (λ Вилкса статистически не значима, $p > 0,5$), при этом эффект увеличения среднего ранга был единственным статистически значимым изменением в модели ($\lambda = 0,946$, $p < 0,01$), что говорит об одинаковой распространенности тенденции ослабления ценности семьи у респондентов с различными социально-демографическими характеристиками.

²⁸ Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. N 2(1). URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>

²⁹ Руднев М.Г., Савелькаева А.С. Указ. соч.

Важно также отметить, что сама ценность семьи у респондентов с разным числом детей отличается: она выше среди многодетных и двухдетных родителей и понижается среди однопородных (рис. 4), причем различия статистически значимые. Аналогично можно утверждать, что для говоря о ценности семьи “для себя” женщины ставят ее на более высокие места, чем мужчины. Любопытно, что, оценивая ценность семьи “для детей”, она не только понижается (средний ранг выше) для всех рассматриваемых групп, но и различия, отмечаемые на уровне ценности “для себя” пропадают (становятся статистически незначимыми).

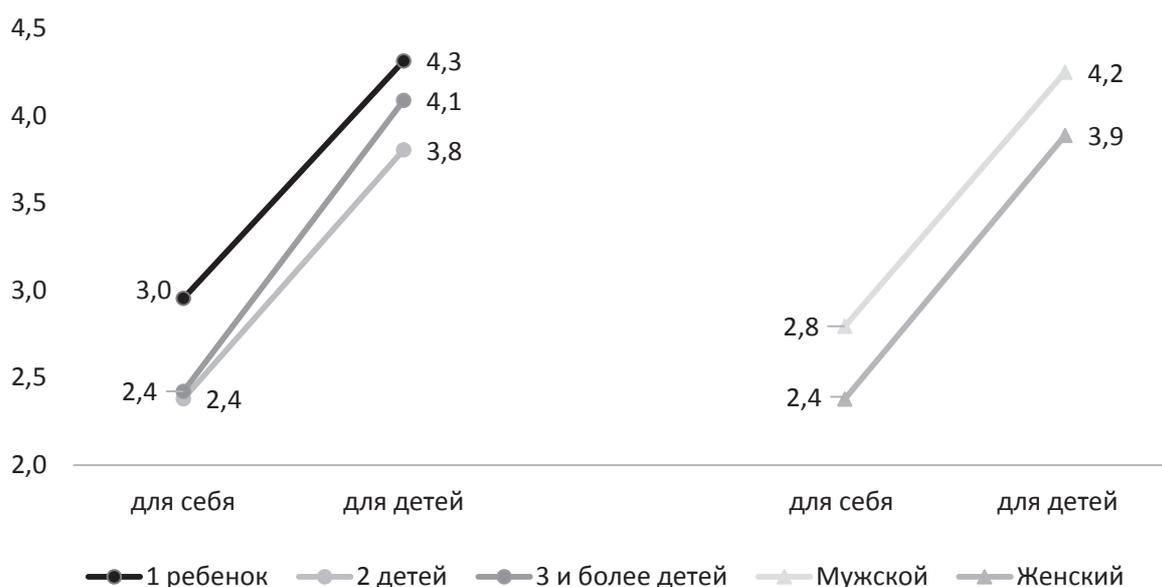

Рис. 4. Средний ранг ценности “семья”, скорректированный на социально-демографические характеристики респондента³⁰

Средние значения рангов ценности семьи для респондентов разных возрастных групп не отличаются как при выборе этой ценности для себя, так и для детей, однако тенденция снижения значимости семьи сохраняется в каждой отдельной возрастной группе. В зависимости от семейного положения респондентов наблюдаются более низкие значения рангов ценности семьи среди тех, кто состоит в зарегистрированном браке (2,4) и не состоит в браке (2,07), в то время как среди тех, кто состоит в незарегистрированном сожительстве, ценность семьи ниже (средний ранг 3,3; отличия значимы на уровне $p=0,008$ и $p=0,032$ соответственно). Однако при проведении аналогичного сравнения оценки ценности семьи “для детей” отличия между ответами респондентов разного семейного

³⁰ Средние ранги рассчитаны в рамках дисперсионного анализа с корректировкой по полу, возрасту, семейному положению и числу имеющихся детей.

положения перестают быть статистически значимыми ($p > 0,05$). Таким образом, можно сделать вывод, что ценность семьи не только транслируется в меньшей степени, чем она разделяется самими родителями, но и исходные отличия в ценности семейно-детного образа жизни не оказывают значимого влияния на передачу этих ценностей будущим поколениям. Одной из возможных причин такого “выравнивания” ответов респондентов при ответе о важности семьи “для детей” может быть влияние на трансляцию этой ценности распространенных в обществе норм и социально желаемых типов поведения и воспитания. Однако при такой интерпретации можно предположить, что истинная трансляция ценности семьи в будущие поколения еще более низкая, так как в информационном поле современного российского общества ведется активная работа по повышению статуса семьи, которая оказывает влияние на заявляемую важность этой сферы жизни для респондентов.

Выводы и ограничения

Подводя итог проведенного анализа следует отметить основные выводы и возможные ограничения полученных результатов. Во-первых, главным выводом проведенного сравнения можно считать, что система ценностей, которую родители хотели бы передать своим детям, отличается от их собственной системы ценностей. При этом некоторые ценности, которые разделяются в родительской семье, ослабевают по мере передачи от поколения к поколению, в то время как другие, которых может не хватать родителям, видятся более желанными. Так, ценность семьи, детей и семейно-детного образа жизни оказалась в наибольшей степени подвержена этому эффекту и при внутрисемейной трансляции теряет в своей значимости больше, чем все остальные ценности.

Во-вторых, более глубокий анализ процесса снижения ценности семейно-детного образа жизни в рамках внутрисемейной межпоколенной трансляции показал, что происходит размытие отличий в иерархии ценностей, существовавшей у родителей с разным социально-демографическим положением и при ранжировании ценности семьи “для детей”, имевшиеся отличия между группами респондентов пропадают (становятся статистически незначимыми).

Одно из основных ограничений данного исследования заключается в том, что выборка несмотря на свою величину не является репрезентативной для всего населения России, более того, в ней искусственно завышена доля многодетных семей. Однако это ограничение одновременно является и преимуществом, так как именно благодаря достаточно большому числу многодетных семей в вы-

борке есть возможность проводить сравнение динамики ценностей и внутрисемейной межпоколенной трансляции их в семьях своим поведением демонстрирующих важность семьи и семейно-детного образа жизни. К сожалению, даже в таких семьях, происходит ослабление данной ценности, причем уже на этапе трансляции ее от родителей к детям. Возможно, в свете описываемых тенденций могут стать более важными внесемейная социализация детей и воспитание у них представлений о важности семейно-детного образа жизни, развитие у них более высоких репродуктивных установок, нежели были у родителей. Здесь важно отметить, что только совмещение такого подхода, без замещения семейной социализации, возможно, позволит воспитать новое поколение с достаточно высокими репродуктивными установками, чтобы даже при неполноте их реализации показатели рождаемости стали достаточными для выхода из демографического кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1.

Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 2018.

Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.

Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. М., 2016.

Герцен С.М. Динамика ценностных ориентаций молодежи в изменяющейся России: межпоколенный подход. Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Тюмень, 2012.

Гришина О.В. Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 6. С. 29–41.

Демографические исследования / Ред. А.И. Антонов. М., 2009.

Дубров Д.И., Татарко А.Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennaya-transmissiya-tsennostey-v-gorodskoy-i-selskoj-srede> (дата обращения: 17.02.2019).

Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3391. 2017. 07 июня. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>

Курс семействования уже преподают в школах 38 регионов России // РИА-новости. 2016.25.11. URL: <https://ria.ru/society/20161125/1482199417.html?inj=1>

Методологические пояснения к всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf

Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения: Ежегодный доклад “Демографическая ситуация в РФ” / Науч. ред. А.И. Антонов. М., 2008.

Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>

Ориентиры и ценности молодых россиян. Результаты опроса ФОМ: “ФОМнибус” — опрос граждан РФ от 18 до 30 лет. 18 мая 2016. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083>

Преподавание курса “Семьеведение” в современном Татарстане // Материалы республиканской научно-практической конференции. 2014. 5 апреля. URL: http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_234966.pdf

Руднев М.Г., Савелькаева А.С. Передача базовых ценностей внутри семьи: концептуализация и пилотное исследование // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 3. М., 2015. С. 397–404.

Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования. М., 2018.

Синельников А.Б. Есть ли альтернатива законному браку? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 109–126. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-71-80>

Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113.

Что такое счастье? Результаты опроса ФОМ: “ФОМнибус” — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 7 октября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>

Шнуренко Т.Н. Ценностные ориентации студенческой молодежи как результат межпоколенной преемственности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Курск, 2009.

Шпаковская Л.Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-institutsializatsii-i-praktiki-privatizatsii-semeynoy-zhizni-partnerstvo-i-brak-v-rossii> (дата обращения: 16.02.2019).

REFERENCES

2014. World values survey: round six — country-pooled / Ed. by R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen et al. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVS-DocumentationWV6.jsp

Antonov A.I. Krizis familisticheskoy civilizatsii v XXI veke [The crisis of familial civilization in the 21st century] // Jekonomicheskie strategii. 2016. N 1.

Antonov A. I. Mikrosociologija sem'i [Microsociology of the family]. М., 2018.

Antonov A.I., Sorokin S.A. Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka [The fate of the family in Russia of the XXI century]. М., 2000.

Arhangel'skij V.N., Ivanova A.E., Rybakovskij L.L. Rezul'tativnost' demograficheskoy politiki Rossii [The effectiveness of Russia's demographic policy]. М., 2016.

Chto takoe schast'e? Rezul'taty oprosa FOM: "FOMnibus" — opros grazhdan RF ot 18 let i starshe. 7 oktjabrja 2018 g. 53 sub#ekta RF, 104 naselennyh punkta, 1500 respondentov [What is happiness? FOM survey results: "FOMnibus" — a survey of the Russian Federation citizens aged 18 years and older. October 7, 2018, 53 constituent entities of the Russian Federation, 104 settlements, 1,500 respondents]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>

Demograficheskie issledovanija [Demographic research] / Red. A.I. Antonov. M., 2009.

Dubrov D.I., Tatarko A.N. Mezhpokolennaja transmissija cennostej v gorodskoj i sel'skoj srede [Intergenerational Value Transmission in Urban and Rural Area] // Psihologija. Zhurnal VShJe. 2016. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennaya-transmissiya-tsennostey-v-gorodskoy-i-selskoj-srede> (data obrashhenija: 17.02.2019).

Gercen S.M. Dinamika cennostnyh orientacij molodezhi v izmenjajushhejsja Rossii: mezhpokolennyj podhod [The dynamics of value orientations of youth in a changing Russia: an intergenerational approach]: Diss. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04. Tjumen', 2012.

Grishina O.V. Reproductivnoe povedenie roditelej i ih detej v Rossii [Reproductive behavior of parents and their children in Russia] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 6. Jekonomika. 2008. N 6. S. 29–41.

Knafo A., Schwartz S.H. Identity formation and parent-child value congruence in adolescence // British Journal of Developmental Psychology. 2004. N 22. P. 439–445.

Kurs sem'vedenija uzhe prepodajut v shkolah 38 regionov Rossii [The course of family science is already taught in schools in 38 regions of Russia] // RIA-novosti. 2016.25.11. URL: <https://ria.ru/society/20161125/1482199417.html?inj=1>

Metodologicheskie pojasnenija k vsrossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Methodological Explanations for the 2010 All-Russian Population Census]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf

Monitoring demograficheskoj situacii v Rossijskoj Federacii i tendencij ee izmenenija: ezhegodnyj doklad demograficheskaja situacija v RF [Monitoring of the demographic situation in the Russian Federation and trends of its change: annual report "Demographic situation in the Russian Federation"] / Nauch. red. A.I. Antonov. M., 2008.

Novoselova E.N. Dobrovol'naja bezdetnost' kak ugroza demograficheskoj bezopasnosti Rossii [Voluntary childlessness as a threat to Russia's demographic security] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2012. N 3. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>

Orientiry i cennosti molodyh rossijan. Rezul'taty oprosa FOM: "FOMnibus" — opros grazhdan RF ot 18 do 30 let [Attitudes and values of young Russians. FOM survey results: "FOMnibus" — a survey of citizens of the Russian Federation from 18 to 30 years]. 18 maja 2016. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083>

Prepodavanie kursa "Sem'vedenie" v sovremennom Tatarstane [Teaching the course "Family Science" in modern Tatarstan] // Materialy respublikanskoj

nauchno-prakticheskoj konferencii. 2014. 5 apr. URL: http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_234966.pdf

Rudnev M.G., Savel'kaeva A.S. Peredacha bazovyh cennostej vnutri sem'i: konceptualizacija i pilotnoe issledovanie [Transmission of core values within the family: conceptualization and pilot study] // XV aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva: V 4-h kn. / Otv. red.: E.G. Jasin. Kn. 3. M., 2015. S. 397–404.

Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. N 2(1). URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>

Semejno-detnyj obraz zhizni: rezul'taty sociologo-demograficheskogo issledovanja [Family-child lifestyle: the results of sociological and demographic research]. M., 2018.

Shnurenko T.N. Cennostnye orientacii studencheskoj molodezhi kak rezul'tat mezhpokolennoj preemstvennosti [Value orientations of students as a result of intergenerational continuity]: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk: 19.00.05. Kursk, 2009.

Shpakovskaja L.L. Politika institucionalizacii i praktiki privatizacii semejnoy zhizni: partnerstvo i brak v Rossii [The policy of institutionalization and the practice of privatization of family life: partnership and marriage in Russia] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2012. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-institutsializatsii-i-praktiki-privatizatsii-semeynoy-zhizni-partnerstvo-i-brak-v-rossii> (data obrashhenija: 16.02.2019).

Sinel'nikov A.B. Est' li al'ternativa zakonnomu braku? [Is there an alternative to legal marriage?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2016. T. 22. N 3. S. 109–126. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-71-80>

Sinel'nikov A.B. Sem'ja i brak: krizis ili modernizacija [Family and marriage: crisis or modernization] // Sociologicheskij zhurnal. 2018. T. 24. N 1. S. 95–113.

Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M.M. Intersubjective model of value transmission: parents using perceived norms as reference when socializing children // Personality & Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. N 8. P. 1041–1052.

Zhiznennye prioritety rossijan: sem'ja, den'gi ili tvorchestvo? [The life priorities of Russians: family, money or creativity?] // Press-vypusk VCIOM N 3391. 2017. 07 Ijunja. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-140-155

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТО- ОРИЕНТИРОВАННОСТИ И КОНКУРЕНТО- СПОСОБНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Л.В. Гуляева, канд. социол. наук, старший научный сотрудник социологической лаборатории Тюменского государственного университета, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Российская Федерация, 625003**

М.Ю. Семенов, канд. социол. наук, ассистент кафедры общей и экономической социологии, младший научный сотрудник социологической лаборатории, Тюменского государственного университета, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Российская Федерация, 625003***

Семья является одним из ключевых факторов, влияющих на ценностные установки, отношение к труду, профессиональное самоопределение и жизненные планы учащихся старших классов. Статья посвящена рассмотрению вопроса о роли социального статуса семьи современных старшеклассников в процессе формирования их конкурентоориентированности и конкурентоспособности.

В статье были проанализированы результаты теоретических работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных анализу влияния социального капитала семьи на образовательные стратегии подростков. Методическую основу исследования составил анкетный опрос старшеклассников, проведенный в городах Тюмень, Тобольск, Ишим и сельской местности Тюменской области. Для анализа полученных данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23.

Рассматривая социальный статус семьи как основу “социального старта” молодых людей во взрослую жизнь, авторы отмечают двойственную природу роли данной характеристики на процесс социальной адаптации молодого поколения. На основе анализа данных анкетного опроса старшеклассников авторы делают вывод о различиях во мнениях о важности конкурентоспособности как необходимого качества личности.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России “Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики”, проект № 28.2941.2017/4.6.

** Гуляева Людмила Владимировна, e-mail: links_fly@mail.ru

*** Семенов Максим Юрьевич, e-mail: m.y.semenov@utmn.ru

По результатам исследования показано, что помимо уровня дохода семьи значимыми характеристиками в социальном статусе старшеклассников, оказывающими влияние на их конкурентоориентированность и конкурентоспособность, являются также уровень образования родителей и состав семей (полные или неполные). Было подтверждено предположение о наличии взаимосвязи между оценкой респондентами личного конкурентного потенциала и социально-профессиональным статусом семьи.

В качестве возможных направлений дальнейших исследований можно рассматривать изучение влияния уровня регионального развития на процесс формирования конкурентоориентированности учащихся старших классов, а также роль педагогов в данном процессе.

Ключевые слова: семья, старшеклассники, социальный статус, конкурентоспособность, конкурентоориентированность.

THE FAMILY SOCIAL STATUS ROLE IN FORMATION OF COMPETITIVE ORIENTATION AND COMPETITIVENESS OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Gulyayeva Lyudmila V., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Sociological Laboratory of Sociology University of Tyumen, Volodarsky street, 6, Tyumen, Russian Federation, 625003, e-mail: links_fly@mail.ru

Semenov Maksim Y., Candidate of Sociological Sciences, Teaching Assistant, Department of the General and Economic Sociology University of Tyumen, Volodarsky street, 6, Tyumen, Russian Federation, 625003, e-mail: m.y.semenov@utmn.ru

The family is one of the key factors influencing values, attitudes to work, professional self-determination and life plans of high school students. The article is devoted to the consideration of family social status role of modern high school students in formation of their competitive orientation and competitiveness.

The article analyzes results of theoretical works of Russian and foreign researchers devoted to the analysis of family social capital influence to the educational strategies of adolescents. The methodological basis of the study was a questionnaire survey of high school students conducted in the cities of Tyumen, Tobolsk, Ishim and rural areas of the Tyumen region. IBM SPSS Statistics 23 was used to analyze the data.

Considering family social status as the basis of young people “social start” in adulthood, authors note the dual nature of the role of this characteristic in the process of social adaptation of the younger generation. Based on the analysis of the data of questionnaire survey of high school students, the authors conclude differences of opinion on the importance of competitiveness as a necessary quality of personality.

According to the results of the study it is shown that in addition to the level of family income, significant characteristics in their social status that affect the

competitive orientation and competitiveness of high school students are also the level of parent's education and their composition (full or single-parent families). It was confirmed that there is a correlation between the respondents' assessment of personal competitive potential and the socio-professional status of the family.

As possible directions for further research can be considered the study of the impact of the level of regional development on competitiveness formation process of high school students, as well as the role of teachers in this process.

Key words: *family, high school students, social status, competitiveness, competitive orientation.*

Введение

Семья как агент первичной социализации личности оказывает несомненное влияние на жизнь каждого человека, в особенности, на процесс социального отбора индивидов с целью перемещения представителей молодого поколения в уже сформированные социально-профессиональные структуры. Негативные последствия такой ситуации могут проявиться в случае массовости подобных практик “встраивания” молодых людей в существующие коллективы, что усиливает продвижение не всегда способных и образованных людей, а также ограничивает потенциал использования способных, но не имеющих необходимых “связей”. Таким образом, с одной стороны, происходит ослабление сложившихся социально-профессиональных структур в обществе. С другой стороны, усиливается статусный диссонанс, характерный в большинстве случаев для представителей молодого поколения, и определяющий формирование прекариата как нового социального класса¹.

Категория “социальный статус” понимается как «Относительное положение (позиция) индивида или группы в социальной системе, определяемое по оси “выше-ниже” в соответствии с рядом признаков, специфичных для данной системы (экономических, профессиональных, этнических и др.), которые могут оцениваться как престижные или непрестижные в соответствии с ценностными установками, принятыми в каждом конкретном сообществе»². Следует также отметить, что реальное положение индивида или группы в обществе основано не только на субъективных представлениях других социальных субъектов о них, но и в первую очередь на их объективных возможностях влиять на происходящее, реализовывать властные, профессиональные и экономические возможности.

¹ Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 6.

² Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 206–207.

Подобные закономерности проявляются и при анализе семьи как социального института относительно ее социального статуса.

Понятие “социальный статус семьи” тесно связано с такими понятиями, как “семейный ресурс”, “человеческий капитал”, “семейный капитал”. Семейный капитал, согласно концепции Дж. Коулмана, объединяет в себе разные виды ресурсов, которыми располагает семья, и выражается в таких основных показателях, как экономический капитал — уровень семейных доходов, человеческий капитал — образование родителей и та интеллектуальная среда, которую они создают для своих детей, а также социальный капитал — социальные связи и отношения семьи³.

Вполне естественной является ситуация, когда старшие члены семьи определяют формирование образовательных стратегий молодого поколения. Родители выступают заказчиками образовательных услуг для своих детей начиная с системы общего образования, в первую очередь определяя выбор образовательной организации, в которую пойдет учиться их ребенок. Позже происходит выбор высшего учебного заведения, и это зависит не только от склонности или желания абитуриента получить определенную специальность, но и зачастую от финансовых возможностей семьи, оплачивающей обучение в конкретном вузе.

Целями нашего исследования стали изучение влияния социального статуса родителей на процесс формирования конкурентоориентированности и конкурентоспособности старшеклассников, а также рассмотрение основных факторов, детерминирующих данный процесс.

Материалы и методы

Одним из наиболее масштабных исследований, посвященных изучению образовательных стратегий молодежи в зависимости от их социального происхождения и места жительства является исследование Д.Л. Константиновского “Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му)”. Автор отмечает, что современные условия “интенсифицировали социальную дифференциацию молодежи”. Дифференциация личных планов в зависимости от социально-профессионального статуса родителей отмечалась исследователями в течение всего периода изучения. По

³ Coleman J. Social capital in the creation of the human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. 95–120.

их мнению, “чем выше статус родителей, тем сильнее проявлялась в планах выпускников на будущее ориентация на высокий уровень образования”⁴. Статус родителей коррелирует с величиной шансов детей на поступление в высшие учебные заведения, а “реализация направленности на трансмиссию статусов проявляется с достаточной определенностью”⁵.

На основе проведенных исследований Д.Л. Константиновский делает ряд достаточно пессимистических выводов. С одной стороны, проявляется тенденция развития российского образования в сторону “парентократической” модели, когда “образование ребенка во всевозрастающей степени зависит от благосостояния и желаний родителей, нежели от его собственных способностей и усилий”⁶. С другой стороны, сфера образования выступает в качестве инструмента репродукции высокого социального статуса родителей и реализации вертикальной социальной мобильности для их детей, оказавшись вовлеченной в процессы социального отбора⁷.

Д.С. Попов и Ю.А. Тюменева, основываясь на материалах лонгитюдного исследования молодежи “Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов”, проанализировали то, насколько успешное обучение в школе зависит от социального окружения школьников. Авторы исходили из предположения, что полного соответствия между уровнем семейного образовательного капитала и образовательными планами подростков после окончания 9-го класса нет. Влияние семейного капитала осуществляется не напрямую, а опосредуется личными успехами подростков, их настойчивостью и собственными намерениями при выборе дальнейшего образования⁸.

Указанные авторы пришли к выводу, что “Общий эффект семейных ресурсов значим, но только за счет посредников: личных достижений школьника и его намерений. Эта закономерность верна не зависимо от того, остается ли учащийся в общеобразо-

⁴ Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999.

⁵ Константиновский Д.Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. Т. 0. № 3. С. 103.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008. С. 91–92.

⁸ Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Ларина Г.С. Жизнь после 9-го класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории? // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 318.

вательной школе или уходит в систему среднего или начального профессионального образования”. При этом личные достижения школьников в учебе и их намерение получить образование того или иного уровня обладают определенной независимостью от семейного капитала и могут это семейное влияние значительно усилить, ослабить или изменить⁹. Полученные результаты представляются вполне логичными и обоснованными. Трудно спорить с тем, что при синергии интересов молодого человека и возможностей его семьи он имеет большие шансы на успех в реализации себя в жизни, чем при противоречивости таких намерений.

Отметим также, что существуют исследования, выявляющие степень взаимосвязи между образовательными успехами в обучении учащихся и социальным статусом их родителей. По данным Я.М. Роциной, проанализировавшей факторы, влияющие на образовательные возможности учеников, “факторы семейного капитала в целом оказывают влияние на образовательные возможности школьников, однако это влияние сильнее проявляется в уже имеющих достижениях и инвестициях в человеческий капитал”. Среди наиболее значимых характеристик, влияющих на планы подростков в отношении получения были выделены образование родителей, их профессиональный статус, тип семьи (полная/неполная)¹⁰.

Изучению взаимосвязи между успеваемостью школьников и социально-экономическим положением их родителей посвящено исследование А.Г. Уварова и Г.А. Ястребова. Авторы приходят к выводу, что, с одной стороны, различия в успеваемости детей отчасти связаны с различиями в социально-экономическом положении семей. А с другой — индивидуальные успехи “слабо связаны с характеристиками образовательных учреждений, в которых обучаются дети”¹¹.

Это подтверждается и результатами исследований в других странах. А. Сингх и Д. Сингх приходят к выводу о том, что образовательные достижения учащихся в наибольшей степени зависят от уровня образования родителей и физического самочувствия, чем от социально-экономического статуса их семьи¹². На наш взгляд, полученные выводы перечисленных исследований являются впол-

⁹ Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Ларина Г.С. Указ. соч. С. 322–324.

¹⁰ Роцина Я.М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 269–270.

¹¹ Уваров А.Г., Ястребов Г.А. Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. 2014. № 2. С. 126.

¹² Singh A., Singh J.P. The influence of socio-economic status of parents and home environment on the study habits and academic achievement of students // Educational Research. 2014. Nov. N 5(9). P. 352.

не логичными и обоснованными не столько социальным, сколько биологическим фактором, связанным с врожденным характером способностей и талантов каждого отдельного индивида, что, как известно, не зависит от уровня благосостояния. Представляется, что основные исследовательские вопросы в данном случае будут касаться как наличия конкретной установки на реализацию конкурентных взаимодействий среди молодежи в зависимости от социального статуса семьи, так и выбора дальнейших возможностей для реализации планов старшеклассников после получения общего образования.

Международные опросы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) свидетельствуют о том, что социальное происхождение учащегося и сегодня играет колоссальную роль в определении его дальнейшего образовательного уровня¹³. Несмотря на то, что большинство людей понимает важность формирования меритократического общества посредством образовательной системы¹⁴, в ряде западных научных источников отмечаются проблемы реализации данной цели¹⁵.

Конкуренция и конкурентные отношения являются важнейшим аспектом социальной жизни. Теоретически основы изучения конкуренции раскрыты в исследованиях М. Вебера, Дж. Грейсона, Р. Мартенса, Т. Парсонса, М. Портера, Ф. Найта, Й. Шумпетера. Важнейшие аспекты феномена конкурентоспособности рассматривались в исследованиях В.И. Андреева, И.М. Ильинского, Л. М. Митиной, С.Д. Резника, Р.А. Фатхутдинова, О.Н. Филатова, А.И. Щербакова и других исследователей.

Формирование конкурентоспособности человека представляет собой длительный процесс, тесно связанный с получением образования, развитием сильных сторон личности и накоплением конкурентного потенциала. С.Д. Резник, М.В. Черниковская и А.А. Соколова отмечают, что конкурентоориентированность является начальной

¹³ OECD. 2013. PISA 2012. Results: Excellence through Equity. Vol. II. Giving Every Student the Chance to Succeed, PISA, OECD Publishing. P., 2013. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264201132-en>; OECD. 2016. PISA 2015. Results. Vol. I. Excellence and Equity in Education, PISA, OECD Publishing. P., 2016. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264266490-en>.

¹⁴ *Autin F., Batruch A., Butera F.* Social justice in education: how the function of selection in educational institutions predicts support for (non)egalitarian assessment practices // *Frontiers in Psychology*. 2015. Jun. Vol. 4. N 6. P. 707. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00707

¹⁵ *Duru-Bellat M.* Recent trends in social reproduction in France: should the political promises of education be revisited? // *Journal of Education Policy*. 2008. Vol. 23. P. 81–95. DOI: 10.1080/02680930701754104; *Goldthorpe J.* The myth of education-based meritocracy // *New Economy*. 2003. Vol. 10. P. 234–239. DOI: 10.1046/j.1468-0041.2003.00324.x; *Walton G.M., Spencer S. J., Erman S.* Affirmative meritocracy // *Social Issues and Policy Review*. 2013. Vol. 7. Iss. 1. P. 1–35. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2012.01041.x

ступеню формирования конкурентоспособности личности, представляя собой “результат комплексного влияния на объект конкурентоориентирования со стороны внешней среды”¹⁶.

Семья создает предпосылки для вхождения подростков во взрослую жизнь, от нее во многом зависят условия “социального старта” юношей и девушек. При этом важно учитывать, что такие показатели социального статуса семьи, как уровень дохода, уровень образования родителей, их профессия, создают определенные предпосылки, но не гарантируют однозначно положительного или отрицательного влияния данных факторов, поскольку роль каждой из перечисленных характеристик реализуется в зависимости от сложившихся внутрисемейных отношений и ценностей.

В рамках нашего исследования мы исходим из того, что влияние семьи на формирование конкурентоспособности подростков может иметь двойственную природу, реализуя не только позитивные, но и негативные стратегии. Например, в семье может развиваться и поддерживаться интерес к учебе, разнообразной познавательной активности, формирующие стремление к саморазвитию и интеллектуальной деятельности, либо данная ориентация может отсутствовать, приводя к низким результатам учебной деятельности; формирующееся в семье базовое отношение к труду может развиваться в контексте осознания труда как социальной ценности, признания важности профессиональной самореализации в жизни и ориентации на успех, либо, в противоположном случае, будут возникать пассивность, несамостоятельность, формироваться иждивенческие настроения. При этом позитивный потенциал реализации семейных ресурсов становится основой конкурентного потенциала социальной деятельности старшеклассников.

Мы будем рассматривать конкурентоориентированность как представляющую собой внутреннюю осознанную потребность максимально полно проявить свои способности в учебной и внеучебной деятельности, основанную на его целеустремленности и творческой активности, предполагающую постоянное саморазвитие и желание отстаивать свою социальную позицию в конкурентных отношениях¹⁷.

¹⁶ Резник С.Д., Черниковская М.В., Сочилова А.А. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность выпускника вуза: опыт, перспективы научного поиска // Проблемы науки и образования. 2013. № 3 (47). С. 400.

¹⁷ Шафранов-Куцев Г.Ф., Гуляева Л.В. Исследование конкурентоориентированности современных старшеклассников: актуальные тенденции и перспективы формирования (на примере Тюменской области) // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 4. С. 655–656.

При этом И.М. Ильковская в своем исследовании рассматривает конкурентоспособность школьника как высокую степень развития выпускника, его личностных характеристик, знаний, умений и навыков, позволяющих ему эффективно решать разнообразные задачи, проявляя нацеленность на творческое саморазвитие и профессиональный рост, что способствует успешной социализации и адаптации в жизни¹⁸.

Коллективом социологической лаборатории кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета в период с марта по июнь 2017 г. проведено исследование уровня конкурентоориентированности и конкурентоспособности современной молодежи. Выборочная совокупность составила 1087 школьников из числа учащихся 10-х и 11-х классов общеобразовательных учреждений городов Тюмени, Тобольска, Ишима, а также ряда муниципальных районов области.

Была использована стратифицированная многоступенчатая пропорциональная выборка. Методом исследования был анкетный опрос по месту обучения. Для анализа полученных данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23.

Результаты исследования и обсуждение

В ходе проведения опроса было необходимо выяснить, насколько конкурентоспособность (успешность) важна по мнению респондентов. Большинство принявших участие в исследовании старшеклассников полностью (67%) или скорее согласны (28%) с тем, что конкурентоспособность является значимым качеством человека в современном российском обществе. При этом подростки, чьи родители имеют высшее образование или ученую степень, в большей степени склонны рассматривать конкурентоспособность в качестве необходимой характеристики современного человека (70%) по сравнению с участниками опроса, чьи родители не имеют высшего образования (53%). Можно предположить, что в данном случае более высокая оценка конкурентоспособности старшеклассниками, чьи родители имеют высшее образование, связана, с одной стороны, с сравнительно более высокой оценкой ими своего личного конкурентного потенциала. С другой стороны, родители с высшим образованием как соучастники образовательного процесса своих детей имеют высокий уровень притязаний к их успехам в обучении.

¹⁸ Ильковская И.М. Формирование конкурентоспособности выпускника современной школы: Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Саратов, 2003. С. 9.

Старшеклассники из неполных семей также склонны оценивать несколько выше важность конкурентоспособности (66%), чем те, кто живет в полных семьях (63%), что может быть связано с их большей ориентацией на собственные силы и конкурентные отношения. В ответах на данный вопрос не было обнаружено значимых различий между респондентами из семей с разным уровнем дохода. Результаты показывают, что уровень образования родителей находится в большей взаимосвязи с отношением старшеклассников к конкурентоспособности, нежели с уровнем доходов семьи.

Основная часть участников опроса (обобщенно 81%) считают себя конкурентоспособными в большей или меньшей степени. При этом учащиеся, чьи семьи по уровню дохода можно отнести к “высшему” социальному слою, чаще воспринимают себя абсолютно или скорее конкурентоспособными (обобщенно 84%) по сравнению с представителями “среднего” (данный показатель составляет 77%) и “низшего” социального слоя (64%) (см. рис.).

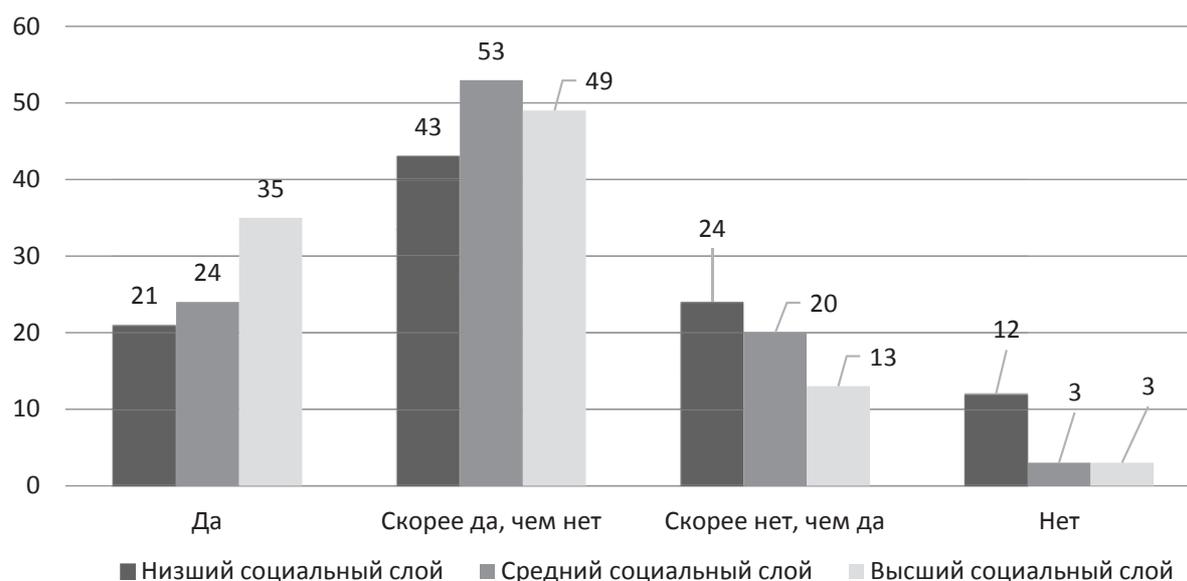

Рис. Распределение ответов респондентов на вопрос “Считаете ли Вы себя конкурентоспособным (успешным)?” в зависимости от уровня доходов семьи респондентов (в % от общего числа опрошенных)

Продемонстрированная на рисунке зависимость, на наш взгляд, может быть обоснована рядом причин. Во-первых, для семей с высоким уровнем доходов характерно формирование установки на реализацию конкурентной деятельности, что сказывается на субъективной оценке учащимся своей конкурентоспособности. Во-вторых, как уже было отмечено ранее, семьи с высоким доходом имеют больше возможностей для обеспечения получения образования своим

детям в престижных научно-образовательных центрах, что опять же положительно сказывается на самооценке учащихся.

Отмечено, что старшеклассники из неполных семей чаще воспринимают себя конкурентоспособными (39%) по сравнению с теми, кто живет в полных семьях (30%), что можно расценивать как показатель большей нацеленности на реализацию личного потенциала представителей данной группы респондентов.

По результатам проведенного опроса выявлено наличие прямой взаимосвязи между уровнем образования родителей и оценкой собственной конкурентоспособности старшеклассниками: учащиеся 10–11 классов, чьи родители имеют высшее образование, чаще воспринимают себя конкурентоспособными (31%) по сравнению с респондентами, чьи родители не имеют высшего образования (25%).

Результаты опроса показали, что после окончания школы основная часть старшеклассников планирует поступить в вуз (92%), остальные респонденты хотели бы поступить в колледж (3%) или намерены пойти работать (1,1%) и еще 3,4% респондентов не определились в отношении своих будущих планов. Прослеживается взаимосвязь между уровнем образования родителей и планами получить высшее образование: 94% подростков, чьи родители имеют высшее образование, также хотели бы получить высшее образование, в то время как среди тех, чьи родители не имеют высшего образования, данный показатель составляет 72%. Учащиеся 10–11 классов из неполных семей несколько чаще (86%) планируют поступить в вуз по сравнению с теми, кто живет в полных семьях (83%). Рассматривая влияние уровня дохода семьи, отметим, что в вуз хотели бы поступить 83% выходцев из “высшего” социального слоя, 87 — из “среднего” и 88 — из “низшего” социального слоя. Таким образом, приведенные данные подтверждают наше предположение о том, что респонденты, отнесенные по уровню дохода к “низшему” социальному слою, в большей степени по сравнению с другими респондентами стремятся выйти из него, ориентируясь на получение высшего образования и развивая свой личный конкурентный потенциал.

Серьезнее всего на выбор образовательного учреждения и направления подготовки, по словам опрошенных старшеклассников, в целом по выборке влияют их родители (57%), на втором месте — сведения об учреждениях и профессиях в интернете (37%), на третьем — мнение друзей и сверстников (17%). При этом уровень семейного дохода, уровень образования родителей, а также наличие

полной или неполной семьи не оказали существенного влияния на мнения респондентов в этом вопросе: для большинства респондентов именно родители оказались наиболее авторитетными в данном вопросе.

В числе наиболее значимых жизненных ценностей, которые будут, по мнению старшеклассников, обязательно присущи их жизни через 10 лет, респонденты, по самооценке своего дохода отнесенные к “высшему” социальному слою, назвали “материальный достаток” (77%), “хорошую семью” (69%) и “здоровый образ жизни” (66%). Представители “среднего” социального слоя приоритетными для себя считают “хорошую семью” (61%), “материальный достаток” (60%), и “здоровый образ жизни” (54%), а “низшего” социального слоя — “интересную, творческую работу” (61%), “духовное развитие” (58%), а также “материальный достаток” (52%), “хорошую семью” (52%), “активные занятия спортом” (52%) и “регулярное чтение книг, посещение театров, концертов” (52%). Таким образом, представители “низшего” социального слоя более четко определяют свою конкурентную жизненную стратегию, видя в профессиональной самореализации и актуализации своих личных способностей основной способ восхождения по социальной лестнице, в то время как опрошенные из “высшего” социального слоя ориентированы преимущественно на поддержание высокого материального достатка (при этом вариант “интересная творческая работа” у них находится по значимости на шестом месте, а “руководящая должность” — на восьмом).

На достижение материального достатка больше ориентированы те участники опроса, чьи родители имеют высшее образование (67%), чем те, у кого родители его не имеют (57%), а на создание хорошей семьи, напротив, те, у кого родители не имеют высшего образования, “здоровый образ жизни” оказался одинаково популярен в обеих группах (по 58%). Наличие у респондентов полной или неполной семьи существенно не повлияло на выбор основных ценностных ориентиров.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать несколько основных выводов, отражающих зависимость между социальным статусом семьи старшеклассника и их оценками собственной конкурентоориентированности и конкурентоспособности.

Во-первых, высокой оценке личной конкурентоспособности старшеклассников способствуют такие факторы, как высокий уро-

вень семейного дохода, а также наличие у родителей высшего образования или ученой степени. При этом отмечается, что уровень образования родителей сильнее влияет на позитивное отношение старшеклассников к конкурентоспособности как социальному феномену, чем уровень семейного дохода, что может отражать преобладающую ориентацию опрошенной молодежи прежде всего на интеллектуальный капитал своей семьи.

Во-вторых, в ходе опроса было отмечено, что респонденты, отнесенные по уровню дохода к “низшему” социальному слою, в большей степени по сравнению с другими респондентами стремятся выйти из него. При этом основным фактором восходящей социальной мобильности для данной группы респондентов является самореализация в профессиональной деятельности, основанная на личных склонностях, интересах и реализации конкурентного потенциала.

В-третьих, старшеклассники из неполных семей несколько выше оценивают роль конкурентоспособности, чем подростки из полных семей, и более склонны воспринимать себя конкурентоспособными, что может свидетельствовать о том, что они в большей степени рассчитывают на собственные силы, способности и реализацию своего конкурентного потенциала.

Таким образом, можно сказать, что в современных условиях роль семьи при формировании конкурентоориентированности и конкурентоспособности учащихся хоть и является весомой, однако, недостаточной. Данные свидетельствуют о том, что социальный статус родителей в определенных случаях позитивно влияет на формирование конкурентной установки среди молодежи старшего подросткового возраста. В то же время, это не означает, что у старшеклассников из семей с “низким” уровнем достатка меньше мотивации к реализации себя по жизни как профессионала в определенной области. Зачастую подобные устремления в данной группе выражены сильнее, чем у старшеклассников из семей с более высоким социальным статусом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильковская И.М. Формирование конкурентоспособности выпускника современной школы: Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Саратов, 2003.

Константиновский Д.Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. Т. 0. № 3. С. 92–123.

Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999.

Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008.

Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Ларина Г.С. Жизнь после 9-го класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории? // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 310–334.

Резник С.Д., Черниковская М.В., Сочилова А.А. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность выпускника вуза: опыт, перспективы научного поиска // Проблемы науки и образования. 2013. № 3 (47). С. 399–402.

Рощина Я.М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257–277.

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Уваров А.Г., Ястребов Г.А. Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. 2014. № 2. С. 135–167.

Шафранов-Куцев Г.Ф., Гуляева Л.В. Исследование конкурентоориентированности современных старшеклассников: актуальные тенденции и перспективы формирования (на примере Тюменской области) // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 4. С. 651–668. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.651-668

Ястребов Г.А. Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России // Мир России. 2009. № 2. С. 116–140.

REFERENCES

OECD. 2013. PISA 2012. Results: Excellence through Equity. Vol. II. Giving Every Student the Chance to Succeed, PISA, OECD Publishing, P., 2013. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264201132-en>

OECD. 2016. PISA 2015. Results. Vol. I. Excellence and Equity in Education, PISA, OECD Publishing, P., 2016. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264266490-en>

Autin F., Batruch A., Butera F. Social justice in education: how the function of selection in educational institutions predicts support for (non)egalitarian assessment practices // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00707

Coleman J. Social capital in the creation of the human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. 95–120.

Duru-Bellat M. Recent trends in social reproduction in France: should the political promises of education be revisited? // Journal of Education Policy. 2008. Vol. 23. P. 81–95. DOI: 10.1080/02680930701754104

Goldthorpe J. The myth of education-based meritocracy // New Economy. 2003. Vol. 10. P. 234–239. DOI:10.1046/j.1468-0041.2003.00324.x

Il'kovskaya I.M. Formirovanie konkurentosposobnosti vypusknika sovremennoj shkoly [Formation of competitiveness of the graduate of modern school]: Dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. Saratov, 2003 (in Russian).

Konstantinovskij D.L. Molodezh' v sisteme obrazovaniya: dinamika neravenstva [Youth in the education system: dynamics of inequality] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 1997. T. 0. N 3. S. 92–123 (in Russian).

Konstantinovskij D.L. Dinamika neravenstva. Rossijskaya molodezh' v menyayu-shchemsya obshchestve: orientacii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-h godov k 2000-mu) [Dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and ways in education (from the 1960s to the 2000s)]. M., 1999 (in Russian).

Konstantinovskij D.L. Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sociologicheskikh issledovanij zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-h) [Inequality and education. Experience of sociological researches of vital start of the Russian youth (1960th-ies — beginning of 2000-x)]. M., 2008 (in Russian).

Popov D.S., Tyumeneva Yu.A., Larina G.S. Zhizn' posle 9-go klassa: kak lichnye dostizheniya uchashchihsya i resursy ih semej vliyayut na zhiznennye traektorii? [Life after 9th Grade: How Do Personal Achievements of Students and their Family Resources Influence Life Trajectories] // Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]. 2013. N 4. S. 310–334 (in Russian).

Reznik S.D., Chernikovskaya M.V., Sochilova A.A. Konkurentoorientirovannost' i konkurentosposobnost' vypusknika vuza: opyt, perspektivy nauchnogo poiska [Competitive orientation and competitiveness of University graduates: experience, perspectives of scientific search] // Problemy nauki i obrazovaniya [Problems of science and education]. 2013. N 3 (47). S. 399–402 (in Russian).

Roshchina Ya.M. Semejnyj kapital kak faktor obrazovatel'nyh vozmozhnostej rossijskikh shkol'nikov [Family capital as a factor of educational opportunities of Russian] // Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]. 2012. N 1. S. 257–277 (in Russian).

Shafranov-Kucev G.F., Gulyaeva L.V. Issledovanie konkurentoorientirovannosti sovremennyh starsheklassnikov: aktual'nye tendencii i perspektivy formirovaniya (na primere Tyumenskoj oblasti) [Research of Competitive Orientation Among Secondary School Senior Students: Current Trends and Prospects for Nurturing (Case Study of Tyumen Region)] // Integraciya obrazovaniya [Integration of Education]. 2017. T. 21. N 4. S. 651–668. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.651-668 (in Russian).

Singh A., Singh J.P. The influence of socio-economic status of parents and home environment on the study habits and academic achievement of students // Educational Research. 2014. Vol. 5. N 9. P. 348–352.

Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Glossary of Sociolinguistic Terms]. M., 2006 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Prekariat — novyj social'nyj klass [Precariat — a new social class] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. N 6. S. 3–13 (in Russian).

Uvarov A.G., Yastrebov G.A. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie semej i shkola kak konkuriruyushchie faktory obrazovatel'nyh vozmozhnostej: situaciya v Rossii [Schools and Socioeconomic Standing of Russian Families as Competing Factors in Promoting Social Inequality in Russia] // *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2014. N 2. S. 135–167 (in Russian).

Walton G.M., Spencer S.J., Erman S. Affirmative meritocracy // *Social Issues and Policy Review*. 2013. Vol. 7. Iss. 1. P 1–35. 10.1111/j.1751-2409.2012.01041.x

Yastrebov G.A. Vosproizvodstvo social'no-professional'nyh grupp v sovremennoj Rossii [Reproduction of Socio-Occupational Groups in Contemporary Russia] // *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2009. N 2. S.116–140 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, УПРАВЛЕНИЕ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-156-172

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Устойчивое развитие раскрывается в направлении новой парадигмы анализа социальной динамики. Трансформация мышления и действий правительств и бизнеса в плоскости благосостояние — борьба с нищетой — защита окружающей среды ставит под сомнение известную формулу экономического роста. Исследуются недостатки ВВП как индикатора социально-экономической динамики. Представлена система международных рейтингов и их показателей, включающих наряду с экономическими параметрами ряд социо-экологических индикаторов. Вместе с тем показано, что значение показателя ВВП не исчерпано для социально-экономических исследований. Новая международная система координат для устойчивого развития транслирована на исследование форм стратегического планирования России. Исследованы проблемы неустойчивости развития российского бизнеса, среди которых показаны деформированность рынка труда и устаревшая материально-техническая база. Эти проблемы выступают факторами негативных социально-экологических изменений. Охарактеризована практика публичных компаний в области устойчивого развития, которая основывается на принципах Глобального договора и включает в себя использование системы международных стандартов, охватывающих деятельность по охране окружающей среды, анализу и корректировке трудовых практик, качеству менеджмента, ведению социально ответственного бизнеса.

Ключевые слова: экономический рост, благосостояние, экология, национальные цели, устойчивое развитие, международные индексы и стандарты.

* **Васильев Владимир Петрович**, e-mail: vasvp15@gmail.com

SOCIOECONOMIC COORDINATES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Vasiliev Vladimir P., Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1–33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

Sustainable development is revealed in the direction of a new paradigm of social dynamics analysis. The transformation of the thinking and actions of governments and businesses in the blathe state — the fight against poverty — the protection of the environment calls into question the well-known formula for economic growth. The article examines the shortcomings of GDP as an indicator of socio-economic dynamics. The system of international ratings and their indicators including along with economic parameters a number of socio-environmental indicators is shown. However, it is shown that the value of GDP is not exhausted for socio-economic research. New international coordinate system for sustainable development applied on the study of forms of strategic planning of Russia Studied the problem of instability of development of Russian business, among which shows the deformation of the labor market and outdated material-technical base. These problems are factors of negative social and environmental changes. Practice is characterized by public companies in the field of sustainable development, based on the principles of the Global compact and includes the use of international standards, covering activities in environment, analysis and adjust working practices, quality management, socially responsible business

Key words: economic growth, welfare, ecology, national goals, sustainable development, international indices and standards.

Актуальность проблемы

В 2015 г. Генеральная Ассамблея приняла Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г., в которой содержатся около двух десятков стратегических целей по обеспечению устойчивого развития в интересах человечества, которые служат универсальным ориентиром для действий правительств в области развития на период до 2030 г.¹ Выделено три главных направления — благосостояние, ликвидация нищеты, охрана окружающей среды. Новизна подхода заключается в том, что поставлен вопрос о комплексировании подходов к структурным элементам программы, взаимосвязанности существующих проблем, об отказе от показателя ВВП как единственной цели социально-экономической динамики. Такой подход не является попыткой лишь замены одного интегрального показателя на другой, хотя экономисты и экологи разрабатывают иные

¹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М., 2015.

статистические показатели роста и устойчивости. По мнению ряда авторов концепция устойчивого развития выступает парадигмой мирового развития XXI в.², что предполагает действия на основе нового социоэкономического мышления, изменения ряда сложившихся взглядов на структурные элементы устойчивого развития и их взаимосвязанность.

Новая парадигма складывалась на протяжении ряда десятилетий. Теоретические исследования были развернуты Римским клубом, в рамках первых докладов которого на основе экономико-математического моделирования глобальных социоэкономических процессов был поставлен вопрос о выживании человечества, структурированы глобальные проблемы, показана их взаимосвязанность и взаимообусловленность³.

Впоследствии методология и методы исследования докладов получили отражение в документах ООН. “Повестка дня 2030” стала развитием и итогом теоретических дискуссий относительно документа ООН “Цели развития тысячелетия” (2000–2015 гг.). Вместе с тем в теоретических исследованиях устойчивое развитие трактуется довольно широко, не редко преувеличивается роль одной из структур развития. Во многих случаях рост ВВП рассматривается как некая иллюзия, не имеющая никакого значения как для теории, так и для практики применения оценочных показателей развития и нестабильности.

Вариативность подходов

Исследования Римского клуба показали необходимость “нулевого” или “сбалансированного роста” для сохранения среды обитания человечества⁴. Последовавшие исследования глобализации и структурирования глобальных проблем современности привлекли внимание ученых и политиков к проблемам социального неравенства и бедности населения. На основе экономико-математического моделирования в первых докладах Римского клуба была показана опасность для общества неконтролируемого роста производства,

² Бобылев С. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.

³ Сайт Римского клуба. URL: <http://www.clubofrome.org/activities/reports/>
Заголовки первых докладов клуба говорят не только о новом теоретическом подходе авторов, но и о выводах о надвигающихся опасностях для человечества: 1972 — “Пределы роста” (“The Limits to Growth”), Деннис Медоуз и др.; 1974–1975 — “Человечество у поворотного пункта” (“Mankind at the Turning Point”), Михайло Месарович и Эдуард Пестель.

⁴ Meadows D., Meadows D., Randers J. The limits to growth: a report to the Club of Rome. N.Y., 1972.

которое истощает природные ресурсы и делает непригодной для здоровья человека среду обитания. Впервые с научных позиций была поставлена под сомнение основная цель макроэкономического развития — рост ВВП или его производных показателей, так как эта цель не совпадает с долгосрочной задачей обеспечения природной среды и часто не тождественна одной из главных проблем общества — оптимизации экономического неравенства.

В научной среде сложился консенсус о пределах экономического роста и необходимости, встающей перед государством и бизнесом защищать невозобновляемые ресурсы и снижать вредные выбросы в окружающую среду. Однако это не означает сдерживание роста любого промышленного производства и роста добавленной стоимости в отраслях сферы обслуживания. Развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики значительно расширяет границы “пределов роста” и ставит вопрос не о его сбалансированности, а о качестве структуры ВВП. Современные тенденции научно-технического прогресса, основывающегося на цифровых, нано- и биотехнологиях, обозначают новые тренды экономического роста. Бизнес-структуры многих стран мира демонстрируют значительную инновационную активность в добывающих, обрабатывающих отраслях и сфере услуг.

Таблица 1

Совокупный уровень инновационной активности организаций добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, производств сферы услуг в 2014 г.

Страна	Удельный вес %	Страна	Удельный вес %
Германия	55,0	Финляндия	44,6
Люксембург	48,5	Нидерланды	44,5
Бельгия	46,5	Ирландия	42,3
Швеция	45,2	Италия	41,5

Источник: Россия и страны мира. 2016: Стат. сб. М., 2016. С. 335.

В минувшее десятилетие государства и бизнес нарастили вложения в инновационную деятельность. Затраты на исследования и разработки в таких странах, как Республика Корея, Япония, Германия, Швеция, Австрия, Дания, Финляндия, США, составляют порядка 3–4 % ВВП, что служит основанием для создания в долгосрочном периоде новой материально-технической базы промышленности и сферы услуг⁵.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 661.

Научно-технический прогресс, генерируя высокие темпы экономического роста, решает ряд знаковых социальных проблем: рост производительности факторов производства ведет к повышению оплаты труда, увеличению социальных трансферов населению, так как ряд из них рассчитывается на основе фондов оплаты труда. Государственные бюджеты, финансирующие отрасли формирования человеческого капитала, получают возрастающие доходы. Инновационная экономика, высокие темпы экономического роста не тождественны при определенных условиях поглощению ресурсов природной и окружающей среды.

Вместе с тем новое качество экономического роста на основе научно-технического прогресса генерирует социальные риски. Это структурная безработица, девальвация человеческого капитала из-за отставания образования от уровня новых технологий, вымывание с рынка труда спроса на ряд традиционных профессий. В социальных практиках появляется новая задача — адаптация к новым условиям. Высокие темпы экономического роста не всегда решают проблему сокращения неравенства по доходам. С. Кузнец показал, что в период индустриализации за счет перехода сельского населения на работу в индустриальные города экономический рост сопровождается увеличением расслоения по доходам⁶. Однако с течением времени зависимость становится обратной, что иллюстративно выражено обратной U-образной кривой. Долгое время такое объяснение роста неравенства считалось обоснованным. Однако Т. Пикетти в работе “Капитал в XXI веке” на основе новых статистических расчетов и группировок пришел к выводу о том, что с начала 80-х гг. XX в. в США экономический рост сопровождался увеличением неравенства. Основой этого явления, по мнению Т. Пикетти, стал рост доходов на капитал⁷. Аргументация автора вызвала немало споров. Однако практика 2000-х гг. показала, что устойчиво высокие темпы экономического роста в ряде стран не привели к снижению расслоения населения по доходам.

Таблица 2

Коэффициент Джин (2014 г.)

ЮАР	Китай	Россия	США
63,4	42,1	41,6	41,1

Источник: Россия и страны мира. 2016. С. 109.

⁶ Kuznets S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. N 1. P. 1–28.

⁷ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015. С. 592.

Показатель валового внутреннего продукта (ВВП)

ВВП как действующий показатель экономической динамики не теряет своей актуальности. Он четко констатирует циклические и не циклические колебания и выступает индикатором для действий бизнеса и государственной власти в условиях рецессий и кризисов. Это было актуально и в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., в последующие годы, когда экономика многих развитых стран не показывала устойчивого роста.

Таблица 3

**Динамика реального объема валового внутреннего продукта
в % к предыдущему периоду (прирост/снижение)**

Страны \ Годы	2014	2015	2016	2017	III квартал 2018 г. в % к III кварталу 2017 г.
Россия	0,7	-2,5	-0,2	1,5	1,3
Бразилия	0,5	-3,5	-3,5	1,0	1,0
Германия	2,2	1,7	2,2	2,2	1,2
Индия	7,4	8,2	7,1	6,7	8,0
Китай	7,3	6,9	6,7	6,9	6,5
Соединенное Королевство (Великобритания)	2,9	2,3	1,8	1,7	1,5
США	2,5	2,9	1,6	2,2	3,0
Франция	0,9	1,1	1,2	1,8	1,5
Япония	0,4	1,4	0,9	1,7	0,3

Источник: Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d01/226.htm

Приведенные данные показывают колебания в темпах роста ВВП. Но это автоматически обозначает социальные изменения — колебания уровня безработицы, оплаты труда, реальных доходов населения.

Как и многие статистические показатели, ВВП имеет ряд ограничений и свою методологию расчетов. Поэтому и экономисты, и ученые других научных отраслей выступают с критикой этого интегрального показателя развития всех секторов экономики⁸. В основ-

⁸ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. The measurement of economic performance and social progress. Reflections and overview. P., 2009. URL: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf

ном нигилизм связан с тем, что показатель ВВП не аккумулирует и не отражает проблемы благосостояния, а также не учитывает качество продукции, свободное время как благо для человека и т.п. К этому, если говорить о концепции устойчивого развития, добавляются “неохваченные” проблемы экологии и эффективного использования природных ресурсов⁹.

ВВП в рамках экономической теории выполняет ряд важных функций. Во-первых, он дает интегральный итог экономической деятельности основных субъектов рынка — бизнеса, домохозяйств и государства, включая внешнеэкономическую деятельность этих секторов. Методы расчета ВВП в системе национальных счетов представляют серьезную аналитическую базу для исследования не только экономики, но и непосредственно связанных с ней социальных процессов. Так, метод исчисления ВВП по добавленной стоимости ранжирует отрасли по величине трудовых затрат и начисленной амортизации основных фондов, дает представление о развитости высокотехнологических отраслей. Метод исчисления ВВП по расходам позволяет анализировать соотношение потребительского спроса, инвестиций, государственного предпринимательства и доходов от внешнеэкономической деятельности (чистый экспорт). Метод исчисления ВВП по доходам дает картину соотношения оплаты труда и прибыли.

Счет образования доходов за 2011–2016 гг. показывает, что на фоне застоя экономического роста доля оплаты труда в ВВП возросла с 43,8% в 2011 г. до 47,4% в 2016 г., доля валовой прибыли осталась неизменной и составила 41,7%. При этом доля ненаблюдаемой прямыми статистическими методами зарплаты возросла за данный период с 10,1% до 12%¹⁰. Рост ненаблюдаемых доходов в определенной степени объясняет общий рост оплаты труда и снижение коэффициента расслоения по доходам в условиях спада экономики. Одновременно данные счета образования доходов показывают, что доля прибыли, а, следовательно, дохода от капитала несмотря на проблемы экономического роста, не изменилась.

Анализ счета использования ВВП за 2011–2016 гг. в ценах 2011 г., т.е. без учета инфляции, показывает, что доля конечного потребления домашних хозяйств в ВВП сократилась с 49,6% в 2011 г. до 48,0%, т.е. на 1,6 процентных пункта¹¹.

⁹ Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 01. С. 147–160.

¹⁰ Рассчитано по: Национальные счета России в 2011–2016 годах: Стат. сб. М., 2017. С. 23.

¹¹ Рассчитано по: Там же. С. 198.

В качестве интегрального показателя в экономической теории ВВП выступает “всеобщей” базовой категорией для анализа практически всех разделов исследования оптимизации распределения ограниченных ресурсов, макроравновесия, моделей экономического роста. Замены в этом качестве показателю ВВП пока нет¹². Дискуссия идет по пути дополнения ВВП или его производных (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности). Предложения сводятся к добавлению к вариантам ВВП либо экологически значимых индексов, либо индексов благосостояния (счастья). Получили известность и используются в качестве международных сопоставлений такие показатели, как “индекс человеческого развития”, “индекс счастья”, “индекс скорректированных чистых накоплений”¹³.

Индекс человеческого развития выступает некоторой базой для других международных индексов, агрегирован на основе индексов продолжительности предстоящей жизни, уровня образования и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, элиминирующего национальные конъюнктуры валютных бирж. Приняты одинаковые весовые значения для каждого из трех параметров. ВВП здесь высчитывается в расчете на душу населения и отражает потенциальные возможности социального развития и производительность факторов производства¹⁴. Индекс счастья, варианты которого называют индексом благополучия, расширяя индекс человеческого развития, включает наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также косвенные показатели состояния общества, такие как уровень доверия, великодушие и щедрость¹⁵. При всей внешней привлекательности ряд позиций индекса не подлежит точному измерению или носит субъективный характер, основанный на опросах граждан разных стран.

В рамках концепции устойчивого развития прорабатываются ряд индексов, направленных на экологические проблемы и эффективность использования природных ресурсов. Перспективным

¹² Показатель “валовый национальный доход” лишь добавляет к итогу доходы центров получения прибыли за рубежом.

¹³ http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf

¹⁴ Нередко этот показатель называют “показателем производительности труда”, что неверно по двум обстоятельствам. Во-первых, трудовое участие принимает не все население, а только занятое. Во-вторых, фактором производства является не только труд, но и другие его факторы — капитал, земля. Строго говоря, производительность труда можно ранжировать только в рамках отрасли производства с сопоставимыми основными фондами и технологиями.

¹⁵ <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info>

является подход, принятый при создании индекса устойчивого развития, который представляет собой также значительное расширение индекса человеческого развития и включает показатели индекса скорректированных чистых накоплений (Adjusted Net Savings, разработан Всемирным банком¹⁶), индекса человеческого развития (Human Development Index, разработан структурами ООН), а также индикаторы истощения природных ресурсов, потребления пресной воды, выбросы парниковых газов и т.п. Индикаторами, полученными на основе социологических опросов, могут быть общая удовлетворенность жизнью, удовлетворенность действиями властей и т.п.

Расширенные индексы для практического использования крайне полезны для структурирования мер социально-экономической политики и мониторинга их реализации. Однако точность их окончательного интегрирования затруднена определением весовых соотношений, субъективностью оценок социологических опросов респондентами разных стран, сориентированных на национальные традиции и восприятие явлений общественной жизни. В большей степени названные показатели полезны как сравнительные с системой отдельных показателей и их групп, сложившихся в довольно широком диапазоне в национальных статистических системах.

Национальные цели развития

Устойчивое развитие в России, его цели и индикаторы сформированы в системе стратегического планирования, охватывающего комплекс управленческих задач: прогнозирование стратегических направлений развития, формирование знаковых целей, разработка государственных программ отраслей и межотраслевой направленности, включение бизнес-структур в качестве соинвесторов, разработка экономических проектов пространственного развития и деятельности муниципальных образований.

Национальные цели социально-экономического развития, определенные майским (2018 г.) Указом Президента РФ, направлены на устойчивую динамику роста, формирования соответствующих механизмов, артикулирование направлений, способных стать факторами достижения необходимых темпов роста ВВП и качества жизни¹⁷.

Устойчивость развития России по всей цепочке благосостояние — социальные развитие и экология представлена в девяти на-

¹⁶ Скорректированные (истинные) чистые накопления с учетом истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news>

циональных целях развития и двенадцати национальных проектах, в которых определены соответствующие количественные параметры развития до 2024 г.

Исходя из задач экономического роста, основными национальными целями социального развития определены:

- обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;
- повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет);
- обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;
- снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;
- улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно;
- обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Цели в области экологии и конкретные действия по защите окружающей среды определены в национальном проекте “Экология”, задачами по реализации которого стали:

- эффективное обращение с отходами производства и потребления, включая ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов;
- кардинальное снижение уровня загрязнения воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20% совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в наиболее загрязненных городах;
- повышение качества питьевой воды для населения, в том числе для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения;
- экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волгу, и сохранение уникальных водных систем, включая озера Байкал и Телецкое;
- сохранение биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий.

В целом система национальных целей и проектов на предстоящие шесть лет охватывает многообразие задач устойчивого развития, определенных ООН на многосторонней основе, учитывая особенности российских социально-экономических практик. Однако задача ограничения экономического роста в поисках факторов его прироста не стоит. Реализация социальной и экологической компоненты национальных целей, устойчивости социально-экономического развития

обуславливает не столько рост показателя ВВП в международных рейтингах, сколько рост доходов населения, бизнеса и государства. Центральной проблемой является выход экономики из состояния застоя. Представляется, что основными драйверами могут стать формирование цифровой экономики и пространственное развитие на основе крупных, прежде всего, транспортных проектов. Одним из парадоксальных рисков в деле повышения темпов экономического роста является борьба с инфляцией, осуществление ЦБ РФ политики ее таргетирования. Замораживание ключевой ставки и некоторые другие меры не стимулируют инвестиционную активность предпринимательских структур. Однако в краткосрочной перспективе вместе со стабилизацией инфляции на уровне 3–4% и равновесием на валютном рынке ключевая ставка, вероятно, снизится.

На фоне невысоких темпов роста ВВП основой дополнительного финансирования национальных проектов стало повышение пенсионного возраста и увеличение НДС и некоторых акцизов, которые перекадываются на покупателей и ведут к росту потребительских цен.

Наряду с задачами обеспечения благосостояния, защиты окружающей среды и борьбы с нищетой цели развития включают целый ряд демографических проблем. Для России эти проблемы артикулируются целым рядом обстоятельств, связанных с особенностями половозрастной структуры населения, баланса трудовых ресурсов, сложившимися трендами сокращения населения. Развитие в области демографии провозглашено одной из национальных целей развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Национальная программа в области демографии и здравоохранения включает широкий диапазон целей и факторов, направленных на увеличение продолжительности жизни, финансовой помощи семьям при рождении детей, создание дошкольных учреждений и т.п. Демографическая проблема современной России заключается в сокращении абсолютной величины населения под влиянием факторов снижения рождаемости и высокой детской смертности.

Депопуляция населения — один из главных феноменов неустойчивости развития глобального общества. Причины этого явления сложны и имеют глубокие корни. Поэтому и предлагаемые варианты управленческих решений более разнообразны, чем при решении экологических проблем или улучшении благосостояния населения.

Статистические данные показывают, что рождаемость в развитых странах выглядит стабильно недостаточно с точки зрения расширенного воспроизводства. Однако возврат к модели многодетной семьи маловероятен. Вопрос заключается в сложившихся

традициях, транслирующихся на протяжении многих лет межпоколенными каналами. Факторами выступают не только экономические условия жизни. Под влиянием многих обстоятельств меняется стиль жизни, положение женщины в обществе, а также осознание возрастающих рисков и трудностей в воспитании детей. Сходные показатели рождаемости статистически выявлены в странах с различающимися доходами населения, разными моделями социальной политики государства¹⁸.

Тесная связь воспроизводства населения с условиями его жизни и труда есть одновременно признание множества зависимостей между процессами воспроизводства населения и другими социальными процессами, что усложняет выбор мер демографической политики государства.

Устойчивость российского бизнеса

Основой макроэкономической динамики является устойчивость структур российского бизнеса. Неустойчивость развития российских компаний имеет свои особенности. К ним следует отнести неустойчивость внешней среды организаций. Прежде всего, это незрелость рыночных механизмов и известная спонтанность в их изменениях. В этих условиях приоритетными мерами становятся помощь государства и инструменты государственного регулирования экономики, формирующие макроэкономическую среду.

Таблица 4

**Динамика валового внутреннего продукта РФ
(в процентах к предыдущему году)**

2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
4,5	103,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 51; Национальные счета России в 2011–2016 годах: Стат. сб. М., 2017. С. 14.

Российский бизнес не воспринял универсальных принципов посткризисного саморазвития, заключающихся в оптимизации активов и активизации инновационной деятельности, что и привело к рецессивным явлениям.

Устойчивость или неустойчивость бизнеса и, в целом, экономики проявляется в состоянии и динамике рынка труда: рецессия всегда

¹⁸ Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150.

ассоциируется с ростом безработицы; в 2016–2018 гг. наблюдалась стабилизация уровня безработицы, что является позитивным фактором развития бизнеса. Вместе с тем наметилась настораживающая тенденция в структуре этого рынка. Устойчиво происходит перемещение занятого населения из отраслей реального сектора экономики в сферу торговли и финансового посредничества.

Таблица 5

Структура занятых по видам экономической деятельности (в %)

Виды экономической деятельности \ Годы	2006	2008	2010	2012	2015
Занятые, всего	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9,6	8,3	7,6	7,2	6,5
Добыча полезных ископаемых	1,7	1,9	2,0	2,0	2,1
Обрабатывающие производства	18,0	16,5	15,2	15,0	14,3
Строительство	6,5	7,6	7,2	7,4	7,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	15,3	15,2	15,6	16,1	15,9
Транспорт и связь	9,1	9,3	9,3	9,4	9,5
Финансовая деятельность	1,6	1,9	1,9	2,0	2,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,1	6,3	6,5	6,6	7,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,2	7,4	7,9	8,0	7,9

Составлено по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат. сб. М., 2016. С. 52.

Приведены данные по отраслям, где изменения составили более 0,3 пп.

Данные табл. 5 показывают, что начиная с 2010 г. в структуре занятости доминирующее положение заняла торговая сфера, превысив значение обрабатывающей промышленности. Более 25% занятых сосредоточены в сфере торговли и финансового посредничества. Доля населения в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве снижается. Очевидно, что это обстоятельство сокращает возможности экстенсивного экономического роста промышленного и сельскохозяйственного производства. На фоне стагнирующей

динамики производительности труда изменение структуры рынка труда выступило фактором неустойчивости, затухания темпов промышленного производства.

Концептуальные подходы к реализации принципов устойчивого развития наряду с целями и задачами на макроуровне институализировали ряд направлений развития на микроуровне. Для глобальных и национальных публичных компаний разработаны системы планирования и реализации, альтернативные прибыли.

Нефинансовые факторы устойчивого роста предопределены принципами Глобального договора, к которому публичные компании присоединяются на заявительной основе¹⁹. Принципы Глобального договора интегрированы в четыре группы задач: права человека, трудовые отношения, окружающая среда, противодействие коррупции.

На этой основе Международной организацией стандартизации (ISO) разработан комплекс стандартов, определяющих общие основы управленческих решений и программ для субъектов экономической деятельности²⁰. Общий замысел создания таких стандартов заключается в определенной унификации направлений взаимодействия компаний, способствующих укреплению доверия с помощью нефинансовых факторов, со стейхолдерами — акционерами, потребителями продукции, местными сообществами, своим персоналом и правительством.

Вместе с тем целый ряд направлений деятельности в сфере добровольной социальной ответственности бизнеса остаются в проблемном поле несмотря на использование стандартов ISO. Декларирование социальной ответственности в социальных практиках сдерживается необходимостью затрат на социальные инвестиции, финансовые результаты которых сложно оценить в краткосрочном периоде. Решение ряда экологических проблем нередко сводится к благотворительным программам, ориентированным на “внешние эффекты”. Внутренние проблемы сокращения работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, из-за экономии средств или отсутствия новых технологий не становятся объектом стратегического планирования ни на макро-, ни на микроуровне. Однако именно работники, занятые на вредных и опасных работах, более

¹⁹ <http://globalcompact.ru/index.php?id=158>

²⁰ Наиболее востребованными стандартами для публичных компаний являются: ISO 26000 Социальная ответственность, ISO 9001 Системы менеджмента качества, ISO 14001 Менеджмент окружающей среды, ISO 45001 Охрана труда и техника безопасности, ISO 37001 Системы менеджмента борьбы со взяточничеством (см.: <https://www.iso.org/ru/home.html>).

чем другие ощущают на себе последствия воздействия агрессивной среды, наносящей вред здоровью, включая репродуктивное. Масштаб проблемы внушительный: в ряде отраслей более 50% работников заняты во вредных и (или) опасных условиях труда²¹.

Нефинансовые факторы устойчивости бизнеса вошли в практику работы многих публичных компаний. Этот опыт следует распространять в том числе на непубличный сектор российского бизнеса. Добровольный характер принятия стандартов ISO необходимо сочетать с регулятивными функциями государства, нормативно закрепляющими ключевые параметры социальной ответственности бизнеса, что будет способствовать устойчивости бизнес-структур и экономической динамике макропоказателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10 принципов Глобального договора. URL: <http://globalcompact.ru/index.php?id=3>

Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150.

Бобылев С. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.

Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 01. С. 147–160.

Вершинина И.А. “Умные” города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 163–175.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М., 2016.

Национальные счета России в 2011–2016 годах: Стат. сб. М., 2017.

Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

Полякова Н.Л. Новые горизонты теории общества начала XXI в.: от постиндустриализма к неокapитализму // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 83–115.

Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М., 2015.

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат. сб. М., 2016.

Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017.

²¹ Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 171.

Россия и страны мира. 2016: Стат. сб. М., 2016.

Сидорина А.В. Римский клуб и социальные трансформации второй половины XX — начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 188–205.

Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. М., 2017.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news>

Федеральный закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации” от 28.06.2014 N 172-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

REFERENCES

10 principov Global'nogo dogovora [10 principles of the Global Compact]. URL: <http://globalcompact.ru/index.php?id=3> (in Russian).

Antonov A.I. Sovremennye demograficheskie tendencii i analiticheskie prognozy, problemy semejno-demograficheskoy politiki v social'nom gosudarstve [Modern demographic trends and analytical forecasts, problems of family-demographic policy in a social state] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2010. N 4. S. 134–150 (in Russian).

Bobylev S. Ustojchivoe razvitie: paradigma dlya budushchego [Sustainable Development: A Paradigm for the Future] // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. N 3. S. 107–113 (in Russian).

Bobylev C., Zubarevich N., Solov'eva S. Vyzovy krizisa: kak izmeryat' ustojchivost' razvitiya? [Challenges of the crisis: how to measure sustainable development?] // Voprosy ehkonomiki. 2015. N 01. S. 147–160 (in Russian).

Doklad o chelovecheskom razviti v Rossijskoj Federacii za 2016 god [Human Development Report in the Russian Federation for 2016] / Pod red. S.N. Bobyleva, L.M. Grigor'eva. M., 2016 (in Russian).

Federal'nyj zakon “O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii” ot 28.06.2014 N 172-FZ [Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” dated 06.06.2014 N 172-ФЗ]. URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (in Russian).

Kuznets C. Economic growth and income ineqwolity // American Economic Revive. 1955. Vol. 45. N 1. P. 1–28.

Meadows D., Meadows D., Randers J. The limits to growth: a report to the Club of Rome. N.Y., 1972.

Nacional'nye scheta Rossii v 2011–2016 godah [National accounts of Russia in 2011–2016]: Stat. sb. M., 2017 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstva v ehpohe globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequalities in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Piketti T. Kapital v XXI veke [Capital in the 21st Century]. M., 2015 (in Russian).

Polyakova N.L. Novye gorizonty teorii obshchestva nachala XXI v.: ot postindustrializma k neokapitalizmu [New horizons in the theory of society at the beginning of the 21st century: from post-industrialism to neocapitalism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 2. S. 83–115 (in Russian).

Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. M., 2015 (in Russian).

Rabochaya sila, zanyatost' i bezrobotica v Rossii (po rezul'tatam vyborochnyh obsledovaniy rabochej sily) [Labor force, employment and unemployment in Russia (based on sample labor force surveys)]. 2016: Stat.sb. M., 2016 (in Russian).

Rossiiskij statisticheskij ezhegodnik. 2017 [Russian statistical yearbook. 2017]: Stat.sb. M., 2017 (in Russian).

Rossiya i strany mira. 2016 [Russia and countries of the world. 2016]: Stat.sb. M., 2016 (in Russian).

Sidorina A.V. Rimskij klub i social'nye transformacii vtoroj poloviny XX — nachala XXI v. [Club of Rome and social transformations of the second half of XX — beginning of XXI century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2018. N 4. S. 188–205 (in Russian).

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. The measurement of economic performance and social progress — reflections and overview. 2009. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf

Trud i zanyatost' v Rossii. 2017 [Labor and employment in Russia. 2017]: Stat. sb. M., 2017 (in Russian).

Ukaz President Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2018 g. "O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda" [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news> (in Russian).

Vershinina I.A. "Umnye" goroda: perspektivy poyavleniya i razvitiya v Rossii [Smart cities: prospects for the emergence and development in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 2. S. 163–175 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-173-197

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ О РОЛИ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ЭЛЕМЕНТАРНОЙ РЕЛИГИИ

С.В. Трофимов, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии, заместитель декана по учебной работе, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Социологическая теория религии Э. Дюркгейма несмотря на прошедшее время остается важным первоисточником для изучения. Понимание французским социологом религии как важнейшего социального института, обеспечивающего социальную интеграцию, обусловило его поиски социологического подхода к исследованию этого социального института. В работах Э. Дюркгейма воплотилось развитие идей о коллективном сознании, т.е. о коллективных убеждениях и связанных с ними нравственных отношениях, действующих в качестве объединяющей силы в обществе, как о “высшей форме психической жизни”. Важным отличием работы “Элементарные формы религиозной жизни” Э. Дюркгейма от работ того времени по тотемизму и первобытной религии вообще стал ее методологический подход. Э. Дюркгейм последовательно рассматривает, критикует и отбрасывает конкурирующие теории происхождения тотемизма, анализирует развитие религиозного феномена в обществе, исследует именно его социальные аспекты, доступные для научного анализа. В религиозном обряде человек переносит свои “спутанные социальные чувства” на ясные, конкретные объекты, от которых исходят физическая власть и моральные полномочия общества. Э. Дюркгейм видел исключительную социальность появления религиозных фактов. Так, последовательность коротких, но интенсивных периодов религиозного “коллективного возбуждения” чередуется с гораздо более длительными периодами рассеянной светской индивидуальной хозяйственной деятельности; именно это разделение породило верование в два особых мира — священный и светский — и в пределах человека и в пределах природы. Знаменитая гипотеза Э. Дюркгейма о том, что божество не яв-

* Трофимов Сергей Викторович, e-mail: trofimov@socio.msu.ru

ляется ничем иным как обожествляемым обществом, была подтверждена множеством аргументов его рассуждения. Вместе с тем она не имеет под собой никакой антиклерикальной или антирелигиозной идеологии, которые бы решительно противоречили пониманию Э. Дюркгеймом принципа научной объективности.

Ключевые слова: социология религии Э. Дюркгейма, элементарные формы религиозной жизни, тотемизм.

EMILE DURKHEIM ON THE ROLE OF RELIGION IN PUBLIC LIFE. SUBSTANTIATION OF THE CHOICE OF ELEMENTARY RELIGION

Trophimov Sergey V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: trophimov@socio.msu.ru

The sociological theory of the religion of E. Durkheim, despite the past tense, remains an important source for the study. The understanding of the French sociologist of religion as the most important social institution providing social integration, led him to look for a sociological approach to the study of this social institution. In the works of E. Durkheim embodied the development of ideas about the collective consciousness, that is, collective beliefs and related moral relations, acting as a unifying force in society, as the “highest form of mental life”. An important distinction of E. Durkheim’s Elementary Forms of Religious Life from his contemporary totemism literature and primitive religion in general became its methodological approach. He consistently examines, criticizes and rejects competing theories of the origin of totemism, analyzes the development of a religious phenomenon in society, examining precisely its social aspects that are available for scientific analysis. In a religious rite, a person fixes his “confused social feelings” on these clear, concrete objects, from which the physical power and moral powers of society are distinguished. E. Durkheim saw the exceptional social appearance of religious facts. Thus, the sequence of short but intense periods of religious “collective excitement” alternates with much longer periods of diffuse secular individual economic activity, and that it was this division that gave rise to belief in two special worlds — the sacred and the secular — both within man and within nature. E. Durkheim’s famous hypothesis — that a deity is nothing more than a deified society — was confirmed by many arguments of its reasoning, but at the same time it does not have any anticlerical or antireligious ideology that would strongly contradict Durkheim’s understanding of the principle of scientific objectivity.

Key words: religion of sociology E. Durkheim, elementary forms of religious life, totemism.

В наследии Э. Дюркгейма его отношение к религии как важнейшему социальному институту, обеспечивающему социальную интеграцию, обусловило его поиски социологического подхода к исследованию религии. В социологической теории религии Э. Дюркгейма воплотилось развитие идей о коллективном сознании, т.е. коллективных убеждениях и связанных с ними нравственных отношениях, действующих в качестве объединяющей силы в обществе, как о “высшей форме психической жизни”.

Одно из главных требований Э. Дюркгейма, касающихся его определения социологии как науки, состоит в том, что она должна быть основана на “принципе объективной реальности социальных фактов”¹. Э. Дюркгейм определяет социальные факты как “способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются”². Важной особенностью социальных фактов, согласно Э. Дюркгейму, является их независимость от индивидуального сознания и принудительная сила по отношению к индивиду.

Важной особенностью социального учения Э. Дюркгейма является дихотомия индивида и общества. Эта дихотомия представлена в работах Э. Дюркгейма в виде дихотомических пар: индивидуальные факты — коллективные факты, индивидуальное сознание — коллективное сознание, индивидуальные представления — коллективные представления, и, наконец, мирское — священное. Э. Дюркгейм видел различие между религиозным и светским как различие между тем, что коллективно, вечно, духовно, всеобще, с одной стороны, и индивидуально, временно и единично — с другой.

Социальная действительность рассмотрена Э. Дюркгеймом как реальность особого рода. В своих научных взглядах на общество он исходил из положения, что оно — “не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную особыми свойствами”³. Тем самым он утверждал специфичность и независимость социальной реальности от индивидуальной. Следовательно, социальные факты не могут быть сводимы к свойствам отдельной личности или их суммарной характеристике. “Группа думает, чувствует, действует

¹ Lukes S. Prolegomena to the interpretation of Durkheim // Archives Européennes de Sociologie. 1971. Т. XIII. N 2. P. 187.

² Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология, ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 31.

³ Там же. С. 119.

совершенно иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разьединены”⁴. Определяющие причины развития общества нужно искать в природе самого общества, а не в природе составляющих его индивидов.

Общество выступает как сознающий себя коллектив, обладающий коллективным сознанием, коллективными представлениями и, в конечном итоге, коллективными верованиями. По Э. Дюркгейму, именно наличие коллективного сознания составляет основу общества.

Социальные факты являются продуктами коллективной человеческой общественной деятельности. Отсюда Э. Дюркгейм делал вывод, что “организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства и общества выступает, таким образом, как простое развитие идей, имеющихся у нас относительно общества, государства, справедливости и т.д. Следовательно, эти и другие аналогичные им факты, по-видимому, обладают реальностью лишь в идеях и через посредство идей, которые являются их источником, а потому и истинным предметом для социологии”⁵.

Вышеперечисленные положения очень важны для правильного понимания концепции религии Э. Дюркгейма.

В поисках ответа на вопрос о сущности религии с помощью предложенных им ранее социологических методов Э. Дюркгейм публикует в “Социологическом ежегоднике” 1899 г. статью “Об определении религиозного феномена”, завершающую первую стадию его исследований религии. Религия рассматривается им как продукт и проявление социальной жизни, как простейший социальный феномен, из которого произошли другие формы общественного сознания и общественные институты. Предлагая предварительную характеристику религии, Э. Дюркгейм утверждал, что “религиозный феномен состоит из обязательных верований, соединенных с определенными обрядами, которые относятся к объектам, данным в верованиях”⁶. Наличие обязательных верований и обрядов должно было, по мнению Э. Дюркгейма, отличить религию от права и морали, а также от науки и современных светских верований, не связанных с определенными действиями, которые бы их выражали.

⁴ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 120.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Durkheim É. De la définition des phénomènes religieux // Année Sociologique. 1899. Vol. 2. P. 22.

Из предварительного определения религии Э. Дюркгейм делал следующие выводы. Во-первых, если религиозные верования и обряды становятся обязательными, а все обязательное, по его мнению, имеет социальное происхождение, покоясь на авторитете общества, то источником религии является общество. “Состояние постоянной зависимости от общества, в котором мы находимся, вызывает в нас чувство религиозного уважения к нему. Это происходит потому, что оно предписывает верующему догмы, в которые он должен верить, и обряды, которые он должен соблюдать; дело обстоит так потому, что обряды и догмы являются его порождением”⁷.

Если причины религиозных феноменов лежат в “природе общества, к которому они относятся, и если они эволюционируют в ходе истории, то это происходит потому, что трансформируется сама социальная организация”⁸.

Наука о религиях должна, по мнению Э. Дюркгейма, быть “полностью социологической”⁹, т.е. стать социологией религии. Необходимо исследовать “социальные силы”, господствующие над верующим, которые являются “прямым продуктом коллективных чувств, принимающих материальную форму”, исследовать, “каковы эти чувства, каковы социальные причины, пробудившие их и определяющие их выражение в той или иной форме, а также каким социальным целям отвечает социальная организация, которая таким образом возникает”. Иными словами, социология религии должна исследовать “условия коллективного существования”¹⁰. Социологический подход к религии делает возможным, согласно Э. Дюркгейму, объяснение многообразия богов многообразием обществ.

Последние годы жизни Э. Дюркгейм был занят углублением и дальнейшей разработкой именно этих проблем. Ему казалось, и не без оснований, что его первоначальное определение религии слишком формально и мало учитывает “содержание религиозных представлений”¹¹.

Наиболее четко Э. Дюркгейм сформулировал свою теорию религии в книге “Элементарные формы религиозной жизни” (1912). Основная цель этой работы Э. Дюркгейма состояла в том, чтобы описать и объяснить наиболее примитивную религию, известную человеку. Он определяет, что религиозная система может считать-

⁷ *Durkheim É.* Op. cit. P. 23.

⁸ *Ibid.* P. 24

⁹ *Ibid.* P. 23.

¹⁰ *Ibid.* P. 24.

¹¹ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P., 1960. P. 66.

ся “наиболее примитивной”, когда она встречается в обществе, не превзойденном по простоте организации, и объяснить эту систему можно без использования какого-либо элемента, заимствованного из любой предшествующей религии¹², если таковая может быть доказана. Критическое усвоение обширного этнографического материала, полученного английскими и американскими этнографами, исследовавшими жизнь австралийских племен и обряды американских индейцев, привело Э. Дюркгейма к мысли, что отправной точкой для создания систематической теории религии могут стать австралийские примитивные общества, основанные на кланах, а вспомогательным материалом для сравнения — социальная организация американских индейцев, имеющая ту же клановую структуру, а как ее проявление и следствие — тотемизм.

Исследование Э. Дюркгейма имело некоторое внешнее сходство с работой этнографа или историка, однако окончательная цель его труда значительно превосходила реконструкцию архаичной культуры. Напротив, как и в работах “О разделении общественного труда” и “Самоубийство”, исследование Э. Дюркгейма касалось современности и носило практический характер: “Если мы выбрали примитивную религию в качестве объекта нашего исследования, то, потому, что в нашем представлении она больше, чем любая другая, способна прояснить религиозную природу человека, иначе говоря, раскрыть нам существенный и постоянный аспект человечества”¹³.

Т. Парсонс подчеркивает, что книга “Элементарные формы религиозной жизни” “посвящена скорее изучению того места, которое занимает религия в человеческом действии вообще, чем просто исследованиям в области социологии религии... Ее следует рассматривать главным образом на уровне общей системы действия, включающей теорию социальных систем, культурных систем, систем личности и поведенческих организмов... Прежде всего, становится понятной его заинтересованность проблемами эпистемологии и социологии знания”¹⁴.

Именно стремясь глубже понять современного человека, Э. Дюркгейм обращается к примитивным обществам. Сразу же он

¹² Ср.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 175; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 3.

¹³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 2.

¹⁴ Парсонс Т. Современный взгляд на дюркгеймову теорию религии // Религия и общество. М., 1996. С. 171.

отмечает, что такой подход является парадоксальным и даже вызывающим возражения со стороны ученых, считающих, что ценность и достоинство различных религий не могут быть одинаковыми, а, следовательно, якобы невозможно сравнивать наивысшие формы религиозного мышления с простейшими. Сравнение христианства с грубыми культами австралийских племен позволяло предположить, что и оно основано на тех же суевериях и заблуждениях, т.е. изучение примитивных культов, якобы, может дискредитировать современные религии. Э. Дюркгейм решительно отклонил подобную вольтеровскую враждебность к религии по двум причинам. Прежде всего, ссылаясь на вторую главу своей книги “Правила социологического метода”, он утверждал, что такая враждебность была бы ненаучной; во-первых, предвзятость предопределяет результаты исследования, и делает его выводы неверными. Во-вторых, и это более важно, он считал такой подход несоциологическим, принимая как постулат социологии утверждение, что никакой человеческий институт не может опираться на заблуждение или обман. Если институт может быть основан на “природе вещей”, настаивал Э. Дюркгейм, он неизбежно сталкивается с сопротивлением в природе, которая его и уничтожает; следовательно, само существование примитивных религий служит гарантией того, что они “имеют силу действительности и отражают ее”. Символы, через которые эта действительность выражена, конечно, могут казаться абсурдными; но нужно суметь обнаружить представляемую ими реальность, которая и придает им их истинное значение. Э. Дюркгейм подчеркивает: “Наиболее варварские и самые фантастические обряды, самые странные мифы выражают некоторую человеческую потребность, некоторый аспект жизни, индивидуальный или социальный. Причины, которыми обосновывает их сам верующий, может быть, и, чаще всего, ошибочны; но истинные причины, тем не менее, существуют, и дело науки состоит в том, чтобы раскрыть их”¹⁵.

В этом смысле, все религии истинны, хотя и по-разному отражают условия человеческого существования. Э. Дюркгейм делает предметом своего исследования примитивные религии по трем “методологическим” причинам. Во-первых, он считал, что нельзя понять более сложные религии без анализа исторического пути, который они прошли в своем развитии. Помещая каждый из составляющих элементов современных религий в контекст, в рамках

¹⁵ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 23 ; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 61.*

которого они появились, мы можем надеяться обнаружить причину, которая вызвала их¹⁶. Поэтому принципиальным становился выбор отправного пункта исследования.

Во-вторых, Э. Дюркгейм предположил, что различные религии сравнимы, поскольку являются разновидностями одного и того же рода, и таким образом обладают некоторыми основными, общими для всех элементами. Он доказывал, что “в основе всех систем верований и всех культов, обязательно должно существовать некоторое число фундаментальных представлений и ритуальных установок, которые, несмотря на разнообразие принимаемых ими форм, всегда имеют объективное значение и выполняют одинаковые функции. Это постоянные элементы, образующие в религии то, что является в ней вечным и человеческим; они составляют все объективное содержание идеи, которую выражают, когда говорят о религии в общем”¹⁷. Прimitивные религии не только помогают выявить конструктивные элементы религии, но и значительно облегчают их объяснение, так как связи между фактами должны проявляться в них гораздо более явно.

И наконец, в-третьих, если эта простота примитивных религий позволяет нам постичь их природу, она также должна помочь понять их причины. Фактически, как только религиозная мысль получила свое развитие в истории, ее начальные причины затерялись в надстройке обширной схемы методологической и теологической интерпретации. Предложенное Э. Дюркгеймом изучение примитивной религии явилось новым подходом к решению старой проблемы происхождения религии, не в смысле определения некоторого исходного пункта во времени и пространстве, когда религия начала существовать (ибо такой момент не существует), но в смысле обнаружения “вездесущих причин, от которых зависят наиболее существенные формы религиозной мысли и практики”¹⁸.

Чтобы описать и объяснить наиболее примитивную религию, известную человеку, Э. Дюркгейм стремится определить сам термин “религия”: иначе исследование рискует либо делать выводы из верований и действий, которые не содержат в себе ничего религиозного, либо (что было бы еще большей ошибкой в его глазах)

¹⁶ Ср.: *Durkheim É. Les règles de la méthode sociologique. P., 1895. P. 145–158; Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М., 1995. С. 139–153.*

¹⁷ *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 180; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 6.*

¹⁸ *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 184; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 11.*

пройти мимо многих религиозных фактов, не замечая их истинного характера¹⁹. Фактически, Э. Дюркгейм уже сделал такую попытку в статье “Об определении религиозного феномена” (1899), в которой он доказывал, что религия состоит из обязательных верований, объединенных с определенными действиями, которые касаются предметов, заключенных в верованиях²⁰; в то время как это определение удовлетворяло многим условиям, однако, Э. Дюркгейм скоро перестал быть удовлетворен его сильным акцентом на “обязательстве”; и определение, предлагаемое в “Элементарных формах религиозной жизни”, существенно отличается²¹.

Ссылаясь на правила, описываемые в своих работах “Правила социологического метода”²² и “Самоубийство”²³, Э. Дюркгейм разрабатывает новое определение религии. Сначала следует освободиться от всех предвзятых идей относительно религии, для чего необходимо, “прежде чем приступить к собственно рассмотрению вопроса, проанализировать некоторые из наиболее распространенных понятий и вытекающих из них определений, в которых выразились эти предубеждения”²⁴. Далее Э. Дюркгейм предлагает исследовать различные религиозные системы в их конкретной действительности, чтобы определить те общие элементы, которые они все имеют, так как “религия может определяться только посредством тех черт, которые обнаруживаются повсюду, где она есть”²⁵.

Первое из понятий, которое обычно считается характерным для религии и которое, по мнению Э. Дюркгейма, заключает в себе предрассудок — “сверхъестественное”, посредством чего религия была бы “своего рода умозрительным размышлением обо всем том, что не поддается научному или, шире, строгому мышлению”²⁶.

¹⁹ Второе замечание особенно обращено против Дж. Фрэзера, чья работа “Происхождение тотемизма” (1899) утверждала, что верования и действия австралийских аборигенов по своей природе в значительной степени относились скорее к магии, чем к религии.

²⁰ *Durkheim E. De la définition des phénomènes religieux. P. 25.*

²¹ Ср.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 199.

²² Дюркгейм Э. Правила социологического метода. С. 40–68; *Durkheim É. Les règles de la méthode sociologique. P. 43, etc.*

²³ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. С. 21–38; *Durkheim É. Le suicide: étude de sociologie. P., 1897. P. 1, etc.*

²⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 201; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 33.*

²⁵ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 201; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 32.*

²⁶ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 202; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 34. Среди работ, в которых приводит-*

Э. Дюркгейм видел по крайней мере четыре заметных трудности в использовании такого понятия для определения религии. Во-первых, он допускал, что смысл тайны играл значительную роль в истории некоторых религий, и особенно христианства, но добавлял, что даже в христианстве имелись периоды, например, схоластический период, семнадцатое столетие, и т.д., в которых это понятие практически отходило на второй план. Во-вторых, соглашаясь, что силы, положенные в основу примитивных обрядов, предназначенных гарантировать изобилие почвы или плодovitости животных, кажутся нам отличными от принципов, признаваемых современной наукой, Э. Дюркгейм отрицал, что это различие между религиозными и физическими силами ощущается верующими. Резкое разграничение рационального от иррационального, подчеркивал Э. Дюркгейм, характерно для более позднего периода истории. В-третьих, сама идея “сверхъестественного” логически предполагает противоположную идею, т.е. “естественного порядка вещей” или “естественного закона”, по отношению к которому сверхъестественный случай является исключением. Идея естественного закона, согласно Э. Дюркгейму, также является более современной концепцией по сравнению с различием религиозных и физических сил. В-четвертых, Э. Дюркгейм просто отвергал саму возможность основания предмета религиозных концепций на чем-либо, по сути являющемся “исключительным” или “неправильным”. Напротив, божества и мифы часто служат именно для того, чтобы объяснить постоянное и обычное: “Регулярный ход Вселенной, движение звезд, ритм сезонов, ежегодный рост растений, непрерывность видового развития и т.д. Следовательно, — заключает Э. Дюркгейм, — понятие религиозного далеко не совпадает с понятиями необычного или непредвиденного”²⁷. Начиная с самых простых из известных религий важнейшей их задачей было позитивное поддержание нормального течения жизни.

Вторым понятием, отклоненным Э. Дюркгеймом, было “божество”²⁸ или, более широко, “духовные существа”²⁹. Э. Дюркгейм считал, что отношения или связь, которые мы можем поддерживать с такими существами, определены приписанной им сущностью:

ся такое определение, Э. Дюркгейм перечисляет “Первые Принципы” Герберта Спенсера (1862), “Введение в науку о религии” (1873) и “Лекции о происхождении и развитии религии” (1878) Ф.М. Мюллера.

²⁷ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 207; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 40.

²⁸ Ср.: Réville A. *Prolégomènes de l'histoire des religions*. P., 1881. P. 34.

²⁹ Ср.: Tylor E.B. *Primitive culture*. L., 1871. Vol. I. P. 491.

считая их сознательными существами, мы можем воздействовать на них только через практики и обряды, действующие на сознание, т.е. обращения, просьбы, предложения, жертвы. Поскольку цель религии состоит в том, чтобы управлять нашими отношениями с такими существами, религия может существовать только там, где имеются такие обряды. Э. Дюркгейм настаивал, что сложность определения религии через понятия божества или духовных существ, состоит в том, что при этом мы упускаем как минимум две категории бесспорно религиозных фактов. Э. Дюркгейм отмечает, что некоторые исследователи, например, Дж. Фрэйзер, Г. Спенсер, Ф.Дж. Гиллен, относят все неиндивидуализированные религиозные силы к области магии, а не религии. Вместе с тем, имеются великие религии (например, буддизм, джайнизм, и в некоторой степени брахманизм), в которых идея богов или духов почти отсутствует, и в которых обозначенные выше сознательные практики играют малозначительную роль. Более того, даже в пределах действительных религий имеется множество обрядов, являющихся совершенно независимыми от всякого понятия божества, а в ряде случаев, скорее, идея божества получена из обряда, чем наоборот³⁰. Э. Дюркгейм подытоживает, говоря, что не все религиозные свойства “происходят от личностей божеств, и существуют культовые отношения, цель которых не состоит в том, чтобы соединять человека с божеством. Религия выходит за рамки идеи богов или духов, и, следовательно, не может быть определена исключительно последней”³¹.

Отвергнув приведенные определения через понятия сверхъестественного и божества Э. Дюркгейм приступает к построению собственного определения. Подчеркивая, что религия является сложной системой мифов, догм, обрядов, церемоний и представлений, он предложил методично разделить религиозные явления на обряды (определенные способы действия) и верования (коллективные представления). Поскольку обряды отличаются от любых других действий именно объектом, а природа этого объекта определена верованиями, Э. Дюркгейм настаивал на определении вначале именно последних: “Все известные религиозные верования, содержат одну и ту же общую черту: они предполагают класси-

³⁰ “Ритуальная теория мифа”, выдвинутая У. Робертсон-Смитом в “Религии семитов” (*Robertson-Smith W. The religion of the semites. L., 1889. P. 18–22*), предполагала, что самые ранние религии состояли, скорее, из действий, нежели из идей, и что поздние идеи лишь отразили уже существовавшие действия.

³¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 215; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 49.*

фикацию реальных и идеальных явлений, которые представляют люди, на два класса или на два противопоставленных рода, обычно обозначаемые двумя различными терминами, которые достаточно хорошо выражаются словами: мирское и священное³². Отличительной чертой этих понятий является абсолютная дифференциация, в соответствии с которой они дистанцируются между собой³³. Э. Дюркгейм предположил, что священные вещи превосходят светские вещи в ценности, силе или могуществе, но пришел к выводу, что нет ничего неотъемлемо “религиозного” в большинстве различий между низшим и превосходящим; кроме того, много священных вещей имеет незначительную ценность или могущество; и даже там, где люди считают себя зависимыми от своих божеств, и находятся в некотором смысле, в низшем положении по отношению к ним, божества сами оказываются “иждивенцами” своих почитателей. Отношения оказываются взаимными. Э. Дюркгейм подчеркивал, что “в истории человеческой мысли нет другого примера двух категорий вещей, столь глубоко дифференцированных, так радикально противостоящих друг другу”³⁴. Предварительно он определил существенные составляющие любой религиозной системы. Священные вещи — изолированные и защищенные мощными запретами; мирские вещи — те, которые, согласно тем же запретам, должны остаться на расстоянии от священных. Религиозные верования — представления, выражающие природу священных вещей и их отношений друг с другом или со светскими вещами. Религиозные обряды — правила поведения, предписывающие, как нужно вести себя в присутствии священных вещей. И, наконец, он пишет, что “известное число священных вещей поддерживает отношения координации или субординации, так что они образуют

³² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 217; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 51.

³³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 218–219; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 52–53.

³⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 219; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 53.

В пределах двух категорий, например, имеется “вторичная разновидность” одинаково противостоящих друг другу (см.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 434, 461 *ect.*) и даже между двумя классами разделение должно разрешить некоторый уровень связи священного со светским. Такая связь требует сложных ритуальных предосторожностей, однако, и даже в этом случае, обе категории “не могут сближаться между собой и сохраняют свою собственную сущность” (Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 222; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 56).

более или менее единую систему, не входящую, однако, ни в какую другую систему того же рода, тогда совокупность соответствующих верований и обрядов составляют определенную религию”³⁵.

По-видимому, непреодолимым препятствием для немедленного принятия этого определения стало существование явления, требующего обязательного различения с религией, т.е. магии. Действительно, магия также состоит из верований и обрядов, в ней есть мифы, догмы, жертвы, молитвы; существа и силы, призываемые колдуном, не только подобны имеющимся в религии, но часто просто те же самые. Исторически магия и религия не только часто проявляли взаимную враждебность друг другу³⁶, но даже взаимоисключали одна другую, поэтому Э. Дюркгейм считал, что определение религии должно найти некоторые средства исключения магии. Он ссылается на утверждение У. Робертсон-Смита в его “Лекциях по религии семитов”³⁷, что религия публична, социальна, и благотворна, в то время как магия частна, эгоистична, и, по крайней мере, потенциально, пагубна. По мнению Э. Дюркгейма “собственно религиозные верования всегда являются общими для определенной группы, которая открыто признает свою приверженность им и связанным с ними обрядам. <...> Составляющие ее индивиды чувствуют себя связанными между собой уже только тем, что они имеют общую веру”³⁸. Этот критерий заключал в себе некоторые трудности в отношении так называемых “частных (или личных) религий”, которые индивидуумы устанавливают и исповедуют; но, подтверждая увеличение популярности “этих индивидуальных культов”, Э. Дюркгейм настаивал, что они не представляют собой “особые и автономные религиозные системы, но просто аспекты обычной религии определенной Церкви, которой индивидуумы являются членами”³⁹. Этому условию удовлетворяют даже так называемые частные религии, так как их ритуалы совершаются группой, семьей или корпорацией. Магические верования, напротив, даже будучи рассеяны в широких слоях населения, никогда не имеют своим результатом связь между

³⁵ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 222; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse.* P. 56.

³⁶ Здесь Дюркгейм пользовался материалами А. Юбера и М. Мосса “*Esquisse d’une théorie générale de la magie*” (1904).

³⁷ *Robertson Smith W. The religion of the Semites.* L., 1889. P. 90, 264–265.

³⁸ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 226; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse.* P. 60.

³⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 226; *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse.* P. 61.

практикующими их людьми. Э. Дюркгейм называет приверженцев магии “клиентами колдуна”, тогда как группу исповедующих религию он называет при определенных условиях в широком смысле “нравственной общиной” или “Церковью”.

Исходя из этого, Э. Дюркгейм дает следующее определение: “Религия — единая система верований и действий, относящихся к священным, то есть к определенным запрещенным вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен”⁴⁰.

Вооруженный определением религии, Э. Дюркгейм сосредоточился на поиске ее наиболее примитивной, элементарной формы. Однако немедленно возникла другая трудность: даже самые грубые религии, о которых мы имеем какое-либо историческое или этнографическое знание, являются продуктом длительного, довольно сложного развития, и располагают множеством подчас довольно сложных верований и обрядов, основанных на разнообразии “необходимых” принципов. Э. Дюркгейм считал, что “чтобы найти форму религиозной жизни, являющуюся источником остальных, необходимо исследовать доступные религии, чтобы определить их общие и фундаментальные элементы, и затем искать среди этих элементов те, из которых другие были получены”⁴¹.

Для этой задачи уже были предложены два противоположных решения, основанных на двух общих элементах, найденных во всех известных религиях. Один набор верований и действий, например, обращен к явлениям природы, и таким образом, может быть охарактеризован как *натурализм*⁴²; в то время как второй образ религиозной мысли и действия обращается к сознательным духовным существам, и называется *анимизмом*. Либо анимизм был наиболее примитивной религией, а натурализм — ее вторичной, производной формой; либо культ природы стоял в основании религии, а культ духов был всего лишь его последующим развитием.

Согласно теории анимизма, идея человеческой души первоначально основывалась на контрасте между опытом сна и бодрствования. Примитивный человек предоставляет равный статус обоим, и, таким образом, приходит к постулату души как “второго я” в пределах “себя”, подобного с самим индивидом, но бесплотного и

⁴⁰ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. С. 230; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 65.

⁴¹ Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 67.

⁴² В настоящее время этот религиозный комплекс чаще связывается с “пантеизмом”.

способного, например, к перемещениям на большие расстояния за короткий период времени. Преобразование души в дух происходит со смертью, которая, по мнению первобытного человека, мало чем отличается от длительного сна. С разрушением тела возникает идея духа, отделенного от тела и свободно блуждающего в пространстве. Такой дух способен вмешиваться, к счастью или к несчастью, в дела людей и все события общины и способен изменять обычный ход событий. Верование во власть духов побуждает людей считать благоразумным и даже полезным принять их покровительство или успокаивать их, когда они раздражены, что порождает просьбы, предложения, жертвы, т.е. аппарат религиозного поклонения. Рассуждая по аналогии, примитивный человек также приписывает “второе я” всем *не-человеческим* объектам — растениям, животным, рекам, деревьям, звездам, и т.д., т.е. культ предков вызывает культ природы. Э. Дюркгейм заключает, что при такой ситуации “люди оказываются заключенными в этом мнимом мире, в котором они, однако, и авторы, и актеры”⁴³.

Критикуя идею о том, что анимизм мог быть принят в качестве наиболее примитивной религии, Э. Дюркгейм считал, что три части аргументации имеют критическое значение: во-первых, демонстрация как идея души была сформирована без заимствования элементов любой предшествующей религии; во-вторых, гипотеза того, как души становятся духами и, следовательно, объектами культа; и, в-третьих, доказательство происхождения культа природы от поклонения предкам. Кроме того, сторонники этой гипотезы должны объяснить, почему примитивный человек, в других случаях столь нерефлексивный, строил свою религию именно на понятиях сновидений⁴⁴.

Самым сердцем доктрины анимизма была ее вторая часть — объяснение того, как души становятся духами и объектами культа; но и в этом Э. Дюркгейм снова выразил серьезные сомнения. Если предположить, что первые священные духи были душами мертвых, то должна выполняться очевидная закономерность: чем ниже уровень развития изучаемого общества, тем большее место должно быть в его религиозных представлениях отдано культу предков; однако, напротив, в действительности культ предков существует только в относительно развитых обществах со сложными религиозными системами (например, Китай, Египет, Греция и Рим), в то время как он совершенно неизвестен среди наиболее примитивных

⁴³ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 69.

⁴⁴ *Ibid.* P. 273–308.

австралийских племен. Именно “происхождение” духов из человеческой, антропоморфной души, по мнению Э. Дюркгейма, не может объяснить, каким образом эти духи, в круг влияния которых по определению может попадать только все связанное с человеческой жизнью, распространяют в глазах верующих свое влияние на остальные сферы природы.

Для Э. Дюркгейма, однако, самое ясное опровержение гипотезы анимизма состоит в одном из ее неявных, но подразумеваемых следствий: если бы она была истинна, это означало бы (как он полагал), что религиозные символы обеспечивают лишь неточное выражение фактов, на которых они основаны; в гораздо большей степени это подразумевало бы, что религиозные символы являются продуктом неопределенных и неосознанных галлюцинаций наших снов, и таким образом (с чем Э. Дюркгейм был абсолютно не согласен) не имеют никакой основы в реальности. Э. Дюркгейм считал, что закон, мораль и даже научная мысль были непосредственно порождены религией, долго оставались с ней связанными, и до сих пор в какой-то мере наполняются ее духом.

В противоположность анимизму натуралистическая теория (в основном в понимании Ф.М. Мюллера)⁴⁵ утверждала, что религия, в конечном счете, возникает в результате осмысления реального опыта, — основных явлений природы (бесконечность времени, пространства, силы, и т.д.), — который является достаточным, чтобы непосредственно пробудить религиозные идеи в мышлении. Но сама религия появляется только тогда, когда эти естественные силы, представляемые в мышлении в абстрактной форме, преобразуются в персонализированных и сознательных духов или божеств, которым такой культ природы может быть непосредственно адресован; и такое преобразование достигается средствами языка.

Однако Э. Дюркгейм предполагал, что прежде чем древние индоевропейские народы начали размышлять и классифицировать явления природы, корни их языка состояли из очень общих типов человеческого действия (движение, ходьба, восхождение, бег и т.д.). Когда люди начали обозначать уже не действия, а естественные

⁴⁵ Э. Дюркгейм приводит краткий обзор литературы, но в основном рассматривает работы Фридриха Макса Мюллера (1823–1900) как парадигматические (См. работы Ф.М. Мюллера “Оксфордские эссе” (1856), “Введение в науку о религии” (1870), “Происхождение и развитие религии” (1878), “Естественная религия” (1889), “Физическая религия” (1890), “Антропологическая религия” (1892), “Теософия, или психологическая религия” (1893), и “Введение в науку о мифологии” (1897). Издан русский перевод книги Ф.М. Мюллера “Введение в науку о религии” (М., 2002)).

объекты, общность и эластичность этих концепций позволили применить их к силам и объектам, для которых они первоначально не были предназначены. Тогда самые ранние классы понятий естественных явлений были метафорами человеческого действия — река была “нечто, что постоянно движется”, ветер — “нечто, что вздыхает или дует” и т.д., а поскольку эти метафоры были приняты буквально, то естественные силы, весьма естественно стали ощущаться как продукт мощных персонализированных агентов. Как только эти агенты получили названия, их имена непосредственно поставили для последующих поколений вопросы интерпретации, вызывая развитие сказок, генеалогий и мифов, характерных для древних религий. Наконец, культ предков, согласно этой теории, является вторичным: неспособные противостоять факту смерти, люди постулировали владение бессмертной душой, которая после отделения тела, постепенно вовлекалась в круг божественных существ и, в конечном счете, боготворилась⁴⁶.

Возражения Э. Дюркгейма гипотезе натурализма следовали той же линии, что и в случае критики анимизма. Э. Дюркгейм утверждал, что природа характеризуется не экстраординарными явлениями, вызывающими страх, в том числе религиозный, но скорее своей регулярностью, граничащей с монотонностью. Известного восхищения некоторыми естественными явлениями недостаточно, чтобы определить те особенности, которые характеризуют “священное”, и тем более ту “абсолютную двойственность”, которая символизирует его отношения с “мирским”. Первобытный человек в любом случае не расценивает такие силы выше собственных; напротив, он полагает, что может ими управлять для своей выгоды, осуществляя определенные религиозные обряды. Фактически, самые ранние объекты таких обрядов были не основными силами природы вообще, а скорее скромными животными и растениями, по сравнению с которыми даже первобытный человек мог чувствовать себя по крайней мере равным⁴⁷.

Главное возражение Э. Дюркгейма состояло в том, что подобно анимизму натуралистическая теория видит в религии немногим большее, чем системы галлюцинаций. Он признавал, что первобытные народы с самого раннего периода своего существования размышляют о силах природы, поскольку от них зависит выживание. Между тем, важное место, предоставленное всеми обществами

⁴⁶ См.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 103–111.*

⁴⁷ См.: *Ibid. P. 118–122.*

религиозным идеям, свидетельствует, что они успешно отражают некоторую действительность, отличную от физической природы⁴⁸.

Считая отправной точкой религиозной идеи сны или осмысление сил природы, теории анимизма и натурализма пытаются увидеть появление концепции священного в фактах нашего обычного индивидуального опыта. Для Э. Дюркгейма, чей аргумент близок критике И. Кантом эмпирической этики, такое предприятие просто невозможно: "...факт обычного опыта не может давать нам идею чего-либо, определяемого вне мира этого обычного опыта"⁴⁹. В значительной степени отрицательная оценка Э. Дюркгеймом конкурирующих теорий происхождения религии привела его к первому положительному заключению: "Поскольку ни человек, ни природа не имеют сами по себе священного характера, они должны получить его из другого источника. Кроме человеческого индивида и физического мира должна наличествовать некоторая другая действительность <которая> обретает свое значение и объективную ценность. Другими словами, вне того, что мы назвали анимизмом и натурализмом, должен иметься иной вид культа, более фундаментальный и примитивный, формой или специфическим видом которого, по-видимому, являются первые два типа"⁵⁰. Такой специфический набор верований и религиозных практик, известный как тотемизм, был исследован в племенах американских индейцев еще в 1791 г.; и хотя повторные наблюдения велись в течение следующих восьмидесяти лет и показали, что этот институт был широко распространен, тотемизм считался в значительной степени американским и довольно архаичным явлением. Важным отличием книги "Элементарные формы религиозной жизни" Э. Дюркгейма от литературы по тотемизму и первобытной религии (число которой в то время быстро росло) вообще стал ее методологический подход.

Э. Дюркгейм подчеркивал, что социальные факты изменяются с социальной системой, часть которой они составляют, и не могут быть поняты отдельно от нее. По этой причине два факта двух различных обществ не могут быть сравнимы исключительно на основании их кажущейся схожести; для того чтобы сравнение имело какой-то научный интерес, сами общества должны быть сравнимы, т.е. быть частью одного и того же классификационного множества⁵¹. Кроме того, так как число обществ, с которыми социолог может быть

⁴⁸ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 111–118.

⁴⁹ *Ibid.* P. 123.

⁵⁰ *Ibid.* P. 124.

⁵¹ См.: *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 133.

знаком, весьма ограничено, Э. Дюркгейм расценивал предполагаемую “универсальность” тотемизма как вопрос только остаточного интереса, в конечном итоге, сконцентрировав свое внимание почти исключительно на коренных обществах центральной Австралии. Вместе с тем, Э. Дюркгейм не исключал возможности некоторых сравнений с тотемическими институтами североамериканских индейцев. Изученность и стабильность последних и более продвинутая стадия их развития позволили ему сделать некоторые довольно спекулятивные реконструкции исторического развития тотемизма⁵². Эти австралийские общества действительно превосходно удовлетворяли целям Э. Дюркгейма. Сообщения этнографов об их тотемических институтах были вполне достаточны и полны, их структурные особенности были одного типа общества (так называемые общества “с однородным сегментом” в терминах “Разделения общественного труда” и “Правил социологического метода”), и, считая этот тип социальной организации наиболее элементарным из известных, Э. Дюркгейм оценивал их как лучший объект для поиска “самой примитивной” религии, чье описание и объяснение были главной целью “Элементарных форм религиозной жизни”.

Наиболее фундаментальное из верований тотемизма, по мнению Э. Дюркгейма, состояло в том, что члены каждого клана⁵³ рассматривают себя связанными особым видом родства, основанном не на крови, а на простом факте, что они носят то же самое родовое название. Кроме того, это название было взято от определенной разновидности материальных объектов (животное, реже растение и в особо редких случаях неодушевленный объект), с которым члены клана ощущают отношения родства. Причем этот “тотем” не просто название рода, но также эмблема, которая, подобно геральдическому “гербу”, вырезана, выгравирована, или нанесена (начертана — “écrite”) на другие объекты, принадлежащие клану, и даже непосредственно на тела самих членов клана. Действительно, именно эти изображения делают обычные предметы “священными”, и их наличие на телах членов клана имеет важный смысл для религиозных церемоний.

Те же самые религиозные чувства, пробужденные в соответствии с этим родством, предполагают определенные правила для членов тотемической разновидности. Членам клана запрещается

⁵² См.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 133–138.

⁵³ Австралийские кланы также соединены вместе в “phratries”, которые также имеют свои собственные тотемы и которые Э. Дюркгейм расценил как прежние кланы (см.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 150–155).

убивать или есть животное- или растение-тотем кроме некоторых мистических трапез, и нарушение этого запрета приводит к мгновенной смерти. Кроме того, члены клана сами “священны” постольку, поскольку они принадлежат тотемической разновидности. Это верование порождает генеалогические мифы, объясняющие, как люди могли иметь предками животное и даже растения. На этом основании Э. Дюркгейм отклоняет интерпретацию тотемизма Дж.Ф. Мак Леннана как форму поклонения животным. Поскольку человек непосредственно принадлежит священному миру, и, таким образом, его отношения с его тотемом скорее того же рода, что и с другими членами, объединенными с ним в то же самое семейство⁵⁴.

Таким образом, тотемизм — религия, в которой три класса вещей признаны священными: тотемическая эмблема, само животное- или растение-тотем и члены клана. Кроме того, тотемизм представляет космологическую систему, в которой все известные вещи распределены среди различных кланов и фратрий так, что весь мир, окружающий верующих, классифицируется согласно социальной организации племени⁵⁵. Поскольку люди сами организованы социально, они способны организовать вещи согласно их собственной социальной модели; следовательно, одна из важнейших категорий “понимания” — идея класса — оказывается производной некоторых форм социальной организации. Это не просто логическая или познавательная классификация, но проявление моральных принципов, так как все вещи, имеющие отношение к клану, воспринимаются его членами как расширения тотемического животного, будучи “той же самой плотью”, и считаются непосредственно “священными” в определенной, характерной для них степени. Поскольку все эти верования ясно подразумевают разделение вещей между священным и светским, мы можем называть их “религиозными”. Э. Дюркгейм утверждал, что эти верования и есть элементарные формы религиозной жизни, так как они неразрывно связаны с самой простой формой из известных социальных организаций. К этим верованиям Э. Дюркгейм добавляет описания “индивидуального тотемизма” и “сексуального тотемизма”, который он расценил как вторичные, производные формы⁵⁶.

⁵⁴ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 181–189.

⁵⁵ Э. Дюркгейм и М. Мосс развили этот аргумент в намного большей детализации в статье “О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений” (1903) (русский перевод: Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996).

⁵⁶ См.: *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 223–237.

Объясняя тотемические верования, Э. Дюркгейм рассуждал характерным для него методом “устранения”. Он последовательно рассматривает, критикует и отбрасывает конкурирующие теории происхождения тотемизма Э. Тайлора, В. Вундта, Ф.В. Джевонса, Дж. Фрэзера, Х. Тоута, А. Флетчер, Ф. Боаса и Э. Лэнга⁵⁷. Первый шаг, предложенный Э. Дюркгеймом, заключается в том, что он признавал, что, в то время как все вещи, обсужденные выше (эмблемы, животные, члены клана, и все другие объекты), хотя и в различных степенях являются священными, вместе с тем их религиозный характер едва ли мог проявиться из особых свойств самих вещей, а скорее вытекал из некоторого общего принципа, всеми разделяемого. Тотемизм — не религия эмблем, животных или людей вообще, а скорее вера в некую анонимную, безличную “силу”⁵⁸, постоянную в мире и распространенную среди его различных материальных объектов. Э. Дюркгейм считает, что уподобление “силе” здесь не метафорично. Рассмотренный физически (по механически производимым физическим эффектам) или нравственно (так как индивидуумы, разделяющие это чувство, ощущают взаимосвязь друг с другом) этот принцип ведет себя подобно реальной “силе”. Такая концепция превосходит пределы примитивного разума. Э. Дюркгейм считает, что верования в такого рода безличную силу, описанные как *mana*, *wakan*, или *orenda*, были обнаружены и описаны среди племен Самоа, меланезийцев, различных североамериканских индейских племен и (хотя менее исследованных и обобщенных в то время) среди тотемических кланов центральной Австралии⁵⁹. Действительно, это объясняет, почему невозможно определить религию в терминах мифических лиц, богов или духов; поскольку эти специфические религиозные объекты являются просто индивидуализированными формами безличного религиозного принципа или силы. Кроме собственно религиозного значения Э. Дюркгейм доказывал, что это была и первоначальная форма, в которой зародилось современное научное понятие силы⁶⁰.

Чтобы объяснить тотемизм, следовало объяснить веру в безличную силу. Очевидно, такое верование могло возникнуть от

⁵⁷ См.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 238–267.*

⁵⁸ См.: *Ibid. P. 268–269.*

⁵⁹ Э. Дюркгейм утверждал, что дополнительное “предположение объективности” обеспечивается многократным независимым и почти одновременным открытием той же самой концепции большим числом ученых, включая Р.Р. Маретта, А. Юбера и М. Мочса, К. Прейса и Дж. Фрэзера (см.: *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 287–290.*)

⁶⁰ *Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 291–292.*

ощущений, пробужденных непосредственно тотемическими объектами. Однако Э. Дюркгейм считал, что эти объекты — гусеница, муравей, лягушка, и т.д. — едва ли имеют подходящий вид, чтобы вдохновить мощные религиозные чувства. Напротив, эти объекты представляются символами или материальными выражениями чего-то иного. Первоначальный ответ Э. Дюркгейма состоял в том, что они символизируют и “тотемический принцип”, и клан тотема. Если принцип и клан являются одной и той же вещью, то “божество клана, тотемический принцип... не может быть ничем иным, чем собственно клан, персонифицированный и представленный к воображению под видимой формой животного или растения, которое служит как тотем”⁶¹.

Эта гипотеза — что божество не является ничем иным как обожествляемым обществом — была подтверждена множеством дюркгеймовских аргументов. Он настаивал, например, что общество располагает всем, что является необходимым для пробуждения идеи божественного, поскольку для своих членов оно представляет то же, что божество для своих верующих. Оба являются физически и нравственно выше индивидуумов, и, таким образом, последние боятся их власти и уважают их авторитет. Общество не может существовать, не распространяя свое влияние на индивидуальное сознание, и, следовательно, они оба, общество и божество, требуют культа и жертв, которые периодически усиливали бы и поднимали божественный “принцип” в каждом из нас, особенно в периоды коллективного энтузиазма, когда его власть особенно заметна⁶². Э. Дюркгейм полагал, что во время чрезвычайно редких собраний всего австралийского клана сама религиозная идея возрождается с новой силой, что объясняло, почему наиболее важные религиозные церемонии продолжают соблюдаться только периодически и именно в тот момент, когда весь клан собран вместе. Э. Дюркгейм предполагал, что последовательность интенсивных периодов “коллективного возбуждения” чередуется с гораздо более длительными периодами рассеянной индивидуальной хозяйственной деятельности, и что именно это разделение породило верование в два особых мира — священный и светский — и в пределах человека и в пределах природы⁶³.

В момент сбора клана индивид переходит от своего обычного мирского существованию к священному и ищет некоторое объяс-

⁶¹ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 295.

⁶² *Ibid.* P. 295–307.

⁶³ *Ibid.* P. 307–320.

нение такого измененного, приподнятого состояния. Сбор самого клана — реальная причина, хотя и слишком сложная для примитивного мнения, чтобы ее постичь; но вокруг него все члены клана видят символы — вырезанные и гравированные изображения тотема — и фиксируют свои “спутанные социальные чувства” на этих ясных, конкретных объектах, от которых исходят физическая власть и моральные полномочия общества. Также как солдат, умирающий ради своего флага, фактически умирает ради своей родины, так и член клана, поклоняющийся своему тотему, фактически поклоняется своему клану.

Э. Дюркгейм был радикально не согласен с классической формулой *Primus in orbe deos fecit timor*⁶⁴, полагавшей, что в истоках религиозного поклонения лежит страх, и защищаемой различными способами Д. Юмом, Э. Тайлором и Дж. Фрэзером. Вслед за У. Робертсон-Смитом Э. Дюркгейм утверждал, что примитивный человек вообще не расценивает своих богов как враждебных, злорадных или пугающих каким-то способом. Напротив, его боги — друзья и родственники, дающие ощущение доверия и благосостояния. Тогда смысл религии основан не на галлюцинации, но на действительности. Вместе с тем этот смысл остается неправильно истолкованным, поскольку фактически имеется реальная моральная власть, общество, которому эти верования соответствуют, и из которого верующий получает силу⁶⁵.

Этот аргумент — сердце “Элементарных форм религиозной жизни”⁶⁶ — был также глубоко связан с дюркгеймовской концепцией роли символов в обществе. Их прагматическая ценность как выражения социальных чувств состояла в том, что такие символы служат для непосредственного порождения чувства. Коллективные представления, как мы видели, предполагают взаимную реакцию индивидов друг на друга, реакции, необъяснимые в отсутствии коллективных символов; и однажды сформировавшись, такие представления быстро рассеялись бы в отсутствии символов, которые служат, чтобы поддержать их в индивидуальном сознании. Таким образом, общество “во всех его аспектах и в каждом периоде его истории воз-

⁶⁴ “Первым на земле богов создал страх” (лат.)

⁶⁵ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 320–329.

⁶⁶ Что доказывает, например, защита Э. Дюркгеймом “двух основных идей” этой работы перед Французским философским обществом (*Société française de philosophie*), записанные и изданные как статьи “Problème religieux” (Религиозная проблема) и “La dualité de la nature humaine” (Двойственность человеческой природы) в “Социологическом ежегоднике” (1913).

можно только при поддержании обширной символики”⁶⁷. Причем, в случае аборигенов выбор животных и растений как специфических символов тотемических кланов объясняется их экономической важностью, постоянной близостью и дружественными или уважительными отношениями, а также той непринужденностью, с которой они могут быть представлены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.
Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология, ее предмет, метод, предназначение. М., 1995 (а).
Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М., 1995 (б).
Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998.
Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996.
Парсонс Т. Современный взгляд на дюркгеймову теорию религии // Религия и общество. М., 1996.

REFERENCES

- Durkheim É.* Les règles de la méthode sociologique. P., 1895.
Durkheim É. Le suicide: étude de sociologie. P., 1897.
Durkheim E. De la définition des phénomènes religieux // *Année Sociologique*. 1899. Vol. 2.
Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P., 1960.
Durkheim E. Samoubijstvo: sociologičeskij etjud [Suicide: A Sociological Study]. M., 1994 (in Russian).
Durkheim E. Metod sociologii [Method of sociology] // *Sociologiya, ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology, its subject, method, purpose]. M., 1995 (a) (in Russian).
Durkheim E. Pravila sociologičeskogo metoda [The rules of the sociological method]. M., 1995 (b) (in Russian).
Durkheim E. Elementarnye formy religioznoj zhizni [Elementary forms of religious life] // *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya* [Mysticism. Religion. The science. Classics of world religious studies. Anthology]. M., 1998 (in Russian).
Lukes S. Prolegomena to the interpretation of Durkheim // *Archives Européennes de Sociologie*. 1971. T. XIII. N 2. P. 187.
Mauss M., Hubert H. Esquisse d'une théorie générale de la magie // *L'Année Sociologique*. 1902–1903. Vol. 7 (Texte repris dans *Mauss M. Sociologie et Anthropologie*. P., 1950).

⁶⁷ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 331.

Mauss M. Obshchestva, obmen, lichnost' [Society, exchange, personality]. M., 1996 (in Russian).

Parsons T. Sovremennyj vzglyad na dyurkgejmovu teoriyu religii [A Modern Look at Durkheim's Theory of Religion] // *Religiya i obshchestvo* [Religion and Society]. M., 1996 (in Russian).

Réville A. Prolégomènes de l'histoire des religions. P., 1881.

Robertson-Smith W. The religion of the Semites. L., 1889.

Tylor E.B. Primitive culture. L., 1871.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы в № 1 (январь–март) — до 20 августа, в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября, в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля, в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

Рукописи, подаваемые в журнал, должны соответствовать следующим требованиям

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

- 1) название статьи на русском и английском языках;
- 2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
- 3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
- 4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- 5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
- 6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

- а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
- б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский

вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*